

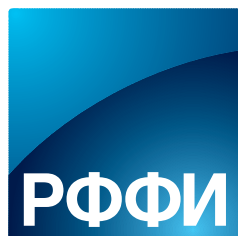
... до НАШИХ ДНЕЙ. ЭКОНОМИКА. ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ. НАУКОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ. КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ И ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ИСТОРИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ.

ВЕСТНИК РФФФИ

Гуманитарные и общественные науки

... до НАШИХ ДНЕЙ. ЭКОНОМИКА. ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ. НАУКОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ. КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ И ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ИСТОРИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ.

... до НАШИХ ДНЕЙ. ЭКОНОМИКА. ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ. НАУКОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ. КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ И ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ИСТОРИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (115) октябрь – декабрь 2023 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (115) October – December 2023

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Куперштох Н.А.

Роль научных школ выдающихся учёных в формировании и развитии академических институтов Сибири..... 9

Яворская Л.В.

Русь и Орда: возможности реконструкции экономических процессов методами археозоологии..... 21

Волков Е.В., Конышева Е.В., Сапронов М.В.

Городской кинотеатр советской эпохи: трансформация социального пространства (на примере Москвы, Ленинграда и Челябинска)..... 33

ЭКОНОМИКА

Качалов Р.М., Слепцова Ю.А.

Управление уровнем риска в условиях цифровой трансформации социально-экономических экосистем 48

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Осипов И.Д., Рыбас А.Е.

Теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии 59

Тихонова С.В., Артамонов Д.С.

Социальные медиа как арена конструирования исторической памяти 74

Орлов М.О., Иванов А.В., Данилов С.А.

Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога..... 84

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Терёхина В.Н.

Записные книжки В.В. Маяковского в академическом прочтении 96

Петрова Г.В.

Графика Максимилиана Волошина..... 110

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Суннатова Р.И.

Особенности личностного ресурса школьников: предикторы ненормативного поведения и причины учебной лени..... 126

МИР КНИГИ РФФИ

Туманова А.С. —

Рецензия на книгу: Половцов А.А. Дневник, 1859–1882: В 2 т. Т. 1: 1859–1877; Т. 2: 1878–1882 / Сост., вступ. ст., коммент. О.Ю. Голечкова, С.В. Куликов, К.А. Соловьёв. М.: Фонд «Связь Эпох», 2022. — Т. 1. — 880 с.; Т. 2. — 848 с. 138

Волосюк О.В. —

Рецензия на коллективный труд: Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.) /

Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2022. — 637 с.: ил. 143

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ.
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В № 1, 2 И 4 ЗА 2023 Г. 148**

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»
В № 3 ЗА 2023 Г., ПОСВЯЩЕННОМ ГОДУ ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА 150**

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Kupershtokh N.A.

Role of Scientific Schools of Prominent Scientists in Development of Academic Institutions in Siberia..... 9

Yavorskaya L.V.

Rus' and the Golden Horde: Options for Reconstructing Economic Processes by Methods of Archaeozoology..... 21

Volkov E.V., Konyshcheva E.V., Sapronov M.B.

City Cinema of the Soviet Time: Transformation of Social Space (on the Example of Moscow, Leningrad, Chelyabinsk)..... 33

ECONOMICS

Kachalov R.M., Sleptsova Yu.A.

Risk Management amidst Digital Transformation of Socio-Economical Ecosystems 48

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Osipov I.D., Rybas A.E.

Theoretical Heritage of Leningrad / St. Petersburg Philosophy 59

Tikhonova S.V., Artamonov D.S.

Social Media as an Arena for Constructing Historical Memory..... 74

Orlov M.O., Ivanov A.V., Danilov S.A.

Relations between Secular and Religious Mind-set as a Theological Problem: Social Risks, Challenges of Digitization and Establishment of a Civil Dialogue..... 84

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Terekhina V.N.

Vladimir Mayakovsky's Notebooks in Academic Interpretation 96

Petrova G.V.

Graphics by Maximilian Voloshin..... 110

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Sunnatova R.I.

Specific Characteristics of Schoolchildren's Personal Resource: Predictors of Abnormal Behaviour and Causes of Academic Indolence..... 126

THE RFBR BOOK WORLD

Tumanova A.S. —

Review of Book: A. Polovtsov Diaries. 1859–1882: In 2 vols. Vol. 1: 1859–1877; Vol. 2: 1878–1882 / Compiler, Introduction, Comments: O. Golechkova, S. Kulikov, K. Solovyov. Moscow: Connecting Eras Foundation, 2022. — Vol. 1 — 880 p.; Vol. 2 — 848 p. 138

Volosyuk O.V. —

Review of Collective Work: United Kingdom and Latin America (16th–21st Centuries) /

Ed. E. Larin. Moscow: Nauka, 2022. — 637 p.: ill. 143

**LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE JOURNAL BULLETIN OF THE RUSSIAN
FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCE
ISSUES 1, 2, 4 OF 2023** 152

**LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE JOURNAL BULLETIN OF THE RUSSIAN
FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCE
ISSUE 3 OF 2023 DEDICATED TO THE YEAR OF TEACHER AND MENTOR** 154

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 001 (470) (092)

Код ГРНТИ 12.09.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-9-20

Н.А. КУПЕРШТОХ*

Роль научных школ выдающихся учёных в формировании и развитии академических институтов Сибири

С организацией в 1957 г. первого регионального отделения Академии наук СССР в Сибири начался новый этап научного освоения региона. Впервые исследования стали носить не «островной», а системный характер. Усилиями выдающихся учёных были достигнуты результаты фундаментального характера. Научное наследие основателей научных школ и институтов Сибирского отделения РАН — актуальный ресурс современной культуры, который нуждается во всестороннем изучении и освоении. В статье представлены основные подходы к изучению научного наследия выдающихся учёных. Объект изучения — научные школы как основа формирования и развития академических институтов Сибири, история которых отражает важнейшие вехи в развитии фундаментального знания и научного освоения региона.

Ключевые слова: Российская академия наук, Сибирское отделение, выдающиеся учёные, научные школы, академические институты, научное наследие

В современной историографии утвердился тезис о том, что научное наследие является составной частью культурного наследия социума. Профессор Т.С. Шола сформулировал основополагающий постулат: «Наследие — это всегда система общих ценностей, сфор-

мированных на основе отбора и оценки того, что необходимо и достойно памяти, которую следует хранить» [1].

Приближающаяся юбилейная дата — 300-летие Российской академии наук — вновь актуализирует проблему изучения научного наследия учёных из-за новых

* **Куперштох Наталья Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, руководитель проекта «Их именами названы институты Новосибирска: история жизнедеятельности выдающихся учёных XX века» (19-49-540001).
E-mail: nataly.kuper@gmail.com

Ил. 1. Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева, г. Новосибирск

вызовов, которые ставятся перед научным сообществом. Проблема изучения роли научных школ выдающихся учёных в становлении академических институтов содержит в себе несколько сегментов: изучение биографии учёного — основателя научной школы; изучение предпосылок для появления конкретного института и основных факторов его институционализации; направления деятельности НИИ в конкретные исторические периоды; значение научного наследия основателей научных школ в современный период.

Как известно, Сибирское отделение РАН до 2013 г. представляло систему из девяти научных центров в Новосибирске, Томске, Омске, Тюмени, Кемерове, Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ и Якутске.

В каждом научном центре Сибирского региона исторически складывалась направленность тех или иных исследований. А потому академические институты отражают деятельность их основателей по развитию конкретных научных направлений, обусловленных требованиями времени и внутренней логикой развития науки. В статье обозначено предметное поле исследования через краткую характеристику научных школ выдающихся учёных как

основы формирования и развития академических институтов Сибири.

Научные школы и академические институты Новосибирского научного центра

Из всех научных центров РАН в Сибири наиболее изученной оказалась история Новосибирского научного центра (ННЦ). В ходе реализации проекта «Их именами названы институты Новосибирска: история жизнедеятельности выдающихся учёных XX века» его участники опубликовали серию статей и докладов, а также монографию [2]. Отзывы экспертов о книге опубликовали журналы «Вестник РАН» [3] и «Управление наукой: теория и практика» [4].

Исследования показали, что поворот в научно-технологической политике Советского Союза в середине XX столетия способствовал новым решениям в организации науки. В 1957 г. были приняты постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС о создании регионального кластера Академии наук СССР — Сибирского отделения. Его «сердцевиной» и стал ННЦ. Каждый новый институт создавался под крупного учёного — основателя научной школы или нового научного направления. Переезд в Сибирь

когорты учёных-лидеров из европейских научных центров обеспечил прорыв по целому ряду исследований в физике, математике, химии, биологии, геологии.

В настоящее время ННЦ является всемирно известным научным центром. В его составе находится более трёх десятков институтов. Научные направления институтов ННЦ закладывались учёными, получившими опыт работы в крупнейших научно-технических программах, а их биографии тесным образом связаны с историей развития российской науки. Каждый учёный был носителем тех или иных традиций европейских научных школ, которые продолжали развиваться в новосибирских институтах.

Научное наследие новосибирских учёных поистине многогранно. Научные школы сформировались практически во всех областях научного знания. Отчасти это произошло потому, что в ННЦ органично складывалась интеграция академических институтов и университета нового типа — НГУ. Лидеры академической науки Сибири активно участвовали в подготовке научной смены, развивали научные направления и формировали собственные научные школы. Назовём несколько областей научного знания, где научное наследие выдающихся учёных проявилось особенно ярко.

В основу развития такой отрасли знания, как механика, научные лидеры ННЦ в своё время заложили идеи сочетания теоретических и прикладных работ и применения математических методов. Научные школы М.А. Лаврентьева, Б.В. Войцеховского, П.Я. Кочиной, Ю.Н. Работнова, Л.В. Овсянникова, О.Ф. Васильева, В.М. Титова, И.И. Новикова, С.С. Кутателадзе, В.Е. Накорякова, А.К. Реброва, С.А. Христиановича, В.В. Струминского, Н.Н. Яненко, Н.А. Желтухина, М.Ф. Жукова и др. сделали возможным достижение результатов фундаментального характера в научных направлениях структурной механики композитных материалов, механики высокоэнергетических процессов, гидро- и аэрогазодинамики, теплофизики, которые реализованы в институтах, известных далеко за пределами

Сибири: Гидродинамики им. М.А. Лаврентьева (ил. 1), Теплофизики им. С.С. Кутателадзе, Теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича.

Развитие научных направлений в математике и её приложениях базировалось на достижениях научных школ С.Л. Соболева, И.Н. Векуа, А.И. Мальцева, А.Д. Александрова, Л.В. Канторовича, Г.И. Марчука, А.А. Боровкова, С.К. Годунова, Ю.Г. Решетняка, М.И. Каргаполова, А.И. Ширшова, А.В. Бицадзе, А.А. Ляпунова, А.П. Ершова и др. Лидеры научных школ, помимо изучения классических разделов математики, обеспечили развитие новых направлений, таких как кибернетика, линейное программирование, информатика и др., способствовали получению результатов мирового уровня. Только один пример: исследования Л.В. Канторовича легли в основу применения математических моделей для оптимального развития экономики и удостоены Нобелевской премии (1975). Потенциал научных школ является базисным и для современной деятельности институтов: Математики им. С.Л. Соболева, Вычислительной математики и математической геофизики, Систем информатики им. А.П. Ершова, Института вычислительных технологий.

Развитие основных направлений физических исследований — физики элементарных частиц, физики полупроводников, лазерной физики, электрических измерений, квантовой электроники и др. — базировалось на достижениях научных школ Г.И. Будкера, Л.М. Баркова, С.Т. Беляева, Э.П. Круглякова, Л.В. Ширкова, А.Н. Скринского, А.В. Ржанова, А.В. Чаплика, С.В. Богданова, И.Г. Неизвестного, К.К. Свиташева, Ю.Б. Румера, В.Н. Авдеева, К.Б. Карандеева, Ю.Е. Нестерихина, С.Т. Васькова, В.П. Чеботаева, С.Н. Багаева и др. Традиции научных школ творчески развиваются в деятельности институтов, известных мировому научному сообществу: Ядерной физики им. Г.И. Будкера, Физики полупроводников им. А.В. Ржанова, Автоматики и электрометрии, Лазерной физики.

Созвездие выдающихся учёных в области химии — Г.К. Борескова, Р.А. Буянова,

Ил. 2. Институт оптики атмосферы им. В.Е. Зуева, г. Томск

К.И. Замараева, В.Н. Пармона, Н.Н. Ворожцова, В.П. Мамаева, В.А. Коптюга, Г.А. Толстикова, А.В. Николаева, Н.Б. Бокия, Ф.А. Кузнецова, А.А. Ковальского, В.В. Воеводского, Ю.Н. Молина, Ю.Д. Цветкова, Р.З. Сагдеева, В.В. Болдырева, Н.З. Ляхова и др. — обеспечило реализацию идей их научных школ в таких областях, как катализ и его приложения, органическая и неорганическая химия, спиновая химия, химическая кинетика, химия твёрдого тела, изучение биологически активных веществ и создание лекарственных препаратов. На научной карте Сибири успешно действуют институты Катализа им. Г.К. Борескова, Органической химии им. Н.Н. Ворожцова, Неорганической химии им. А.В. Николаева, Химической кинетики и горения им. В.В. Воеводского, Химии твёрдого тела и механохимии, Международный томографический центр.

Заслуга становления академической геологии, геофизики и горного дела принадлежит научным школам А.А. Трофимука, В.С. Соболева, А.Л. Яншина, Ю.А. Кузнецова, В.А. Кузнецова, Б.С. Соколова, Э.Э. Фотиади, Ф.Н. Шахова, В.Н. Сакса, А.Э. Конторовича, Н.Л. Добрецова, Н.В. Соболева, В.В. Ревердатто, Н.А. Чинакала, Т.Ф. Горбачёва и др. Коллективом учёных Института геологии

и геофизики (1957) изучены проблемы нефтяной геологии, петрологии и тектоники, палеонтологии и стратиграфии; сделаны крупнейшие открытия нефтегазовых и минеральных ресурсов в Сибири. Научному сообществу хорошо известны достижения институтов Нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука, Геологии и минералогии им. В.С. Соболева, Горного дела им. Н.А. Чинакала.

За рамками нашей статьи остались научные школы и институты ННЦ в области биологических и гуманитарных наук, хотя алгоритм изучения истории научных школ и деятельности академических институтов применим как к этим сферам, так и к другим научным центрам Сибири, поскольку идеология их создания базировалась на единых принципах. Рассмотрим в качестве примера деятельность научных кластеров в Томске, Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ и Якутске.

Научные школы и академические институты Томского научного центра

Особенностью институтов Томского научного центра (ТНЦ) является интеграция со старейшими вузами — Томским государственным университетом (ТГУ) и Томским

Ил. 3. Институт физики им. Л.В. Киренского, г. Красноярск

политехническим университетом (ТПУ). Развитие научных исследований связано с выдающимся учёным в области физики твёрдого тела В.Д. Кузнецовым, основавшим первый в Сибири НИИ физического профиля при ТГУ (1929). Научная школа В.Д. Кузнецова внесла большой вклад в дело подготовки научных кадров, в том числе для СО АН СССР. Именем В.Д. Кузнецова назван Сибирский физико-технический институт.

Вузовская интеллигенция Томска в конце 1950-х гг. не поддержала инициативу академика М.А. Лаврентьева создать здесь научный центр СО АН, полагая, что научные школы томских вузов обеспечивают необходимый уровень исследований. Между тем некоторые научные коллективы переросли рамки вузовских лабораторий и нуждались в новых институциональных формах.

Руководитель одной из таких лабораторий при ТГУ В.Е. Зуев выступил с идеей создания первого академического института (1969), а затем и формирования научного центра в Томске [5], который в настоящее время известен результатами мирового уровня по целому ряду научных направлений в области физики, химии, материаловедения, экологии. Среди лидеров

научных школ ТНЦ можно назвать В.Е. Зуева, Г.А. Месяца, С.П. Бугаева, С.Д. Коровина, В.Е. Панина, С.Г. Псахье, М.Ф. Шостаковского, Г.Ф. Большакова, М.В. Кабанова и др. К пяти институтам ТНЦ (Оптики атмосферы им. В.Е. Зуева (ил. 2), Оптического мониторинга, Сильноточной электроники, Физики прочности и материаловедения, Экологии природных комплексов) после реформы РАН 2013 г. добавились научные учреждения РАН и РАСХН, среди которых – НИИ фармакологии и регенеративной медицины им. Е.Д. Гольдберга [6].

Таким образом, изучение научных школ и деятельности институтов помогает охарактеризовать институциональное развитие основных векторов фундаментальных и прикладных направлений в Томске, а также понять, какую уникальную нишу занимают исследования лидеров томской академической науки в международной кооперации учёных.

Научные школы и академические институты Красноярского научного центра

Динамичное развитие научно-образовательного потенциала Красноярского края началось в рамках Сибирского отделения АН СССР, когда было принято решение

Ил. 4. Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева, г. Иркутск

о создании здесь комплекса институтов. Выдающуюся роль в становлении научных исследований сыграл академик Л.В. Киренский, инициировавший организацию Красноярского научного центра и Красноярского государственного университета [7, 8].

В истории академической науки хотелось бы выделить институциональные особенности двух институтов: Физики и Леса. В начале 1940-х гг. выпускник МГУ Л.В. Киренский организовал в Красноярском пединституте исследования в Магнитной лаборатории, достижения которой были признаны основанием для создания Института физики (ил. 3), первого академического института АН СССР в Красноярске (1956). Крайне необычна история появления в городе в конце 1950-х гг. московского Института леса (1944) [9]. Его основатель академик В.Н. Сукачёв [10] из-за постоянных нападок сторонников Лысенко дал согласие на перевод института в Сибирь, чтобы сохранить потенциал в области биогеоэкологии. В силу преклонного возраста сам он остался в Москве, но его верные ученики не только сумели сохранить институт, но и наполнили актуальным содержанием деятельность основных научных школ.

Достижения научных школ Красноярска связаны с изучением таких областей знания, как физика твёрдого тела и биофизика, математика и её приложения, химия металлов, биология, рациональное природопользование и др. Лидеры научных школ Л.В. Киренский, И.А. Терсков, К.С. Александров, В.Ф. Шабанов, И.И. Гительзон, В.Г. Дулов, Ю.И. Шокин, Г.Л. Пашков, А.Б. Жуков, А.С. Исаев, Е.А. Ваганов и др. обеспечили поступательное развитие институтов: Физики (ныне им. Л.В. Киренского), Биофизики, Вычислительного моделирования, Химии и химической технологии, Леса (ныне им. В.Н. Сукачёва).

На примере истории научных школ и академических институтов Красноярска можно изучать различные модели становления институций: Институт физики вырос из научной школы Л.В. Киренского, основанной в пединституте; Институт леса перемещён на периферию из европейской части страны, но смог выстоять, следуя заветам В.Н. Сукачёва; потенциал научных школ по изучению биосферной роли экосистем в Институте физики стал основой для организации Института биофизики. В настоящее время расширение тематического разно-

образа исследований обусловлено вхождением в ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» Института космических технологий, а также учреждений бывших РАМН и РАСХН.

Научные школы и академические институты Иркутского научного центра

Иркутский научный центр (ИНЦ, 1957) в концепции развития СО АН СССР задумывался как второй после ННЦ междисциплинарный центр. Он вобрал в себя потенциал Восточно-Сибирского филиала АН СССР, действующего с 1949 г. в тесной кооперации с Иркутским государственным университетом. Однако в силу ряда причин несколько институтов так и не были созданы. Тем не менее, достижения академического Иркутска по целому ряду направлений в области энергетики, физики Солнца, геологии и геоэкологии, лимнологии и др. хорошо известны мировому сообществу.

Институционализации научных школ и научных направлений Иркутска присущ ряд особенностей. Последователь идей академика Г.М. Кржижановского Л.А. Мелентьев основал в Иркутске Сибирский энергетический институт (СЭИ) (ил. 4) и сформировал научную школу энергетиков [11]. Отдел СЭИ под руководством выходца казанской научной школы В.М. Матросова [12] был преобразован в институт математического профиля. Научные идеи академика А.П. Виноградова помогли Л.В. Таусону создать институт по изучению геохимии эндогенных процессов. Концепции академика А.Е. Фаворского его ученик М.Ф. Шостаковский претворил в институте, сферой изучения которого стала органическая химия. Ученик академика В.Н. Сукачёва В.Б. Сочава [13] при организации института географического профиля центральной проблемой определил комплексное изучение геосистем.

В основе деятельности академических институтов можно отчётливо увидеть потенциал научных школ В.М. Матросова,

С.Н. Васильева, Л.А. Мелентьева, Ю.Н. Руденко, А.П. Меренкова, Н.И. Воропая, Н.М. Ерофеева, В.Е. Степанова, Г.А. Жеребцова, В.М. Григорьева, М.Ф. Шостаковского, М.Г. Воронкова, Б.А. Трофимова, Л.В. Таусона, М.И. Кузьмина, М.М. Одинцова, В.П. Солоненко, Ф.А. Летникова, Е.В. Склярова, Е.В. Пиннекера, А.А. Трескова, Н.А. Логачева, В.Б. Сочавы, В.В. Воробьева, В.А. Снытко, А.Н. Антипова, Г.И. Галазия, Н.А. Флоренсова, М.А. Грачёва, Ф.Э. Реймерса, Р.К. Саляева, В.К. Войникова и др.

В Иркутский научный центр СО РАН до реформы 2013 г. входили девять институтов: Систем энергетики им. Л.А. Мелентьева; Солнечно-земной физики; Динамики систем и теории управления им. В.М. Матросова; Географии им. В.Б. Сочавы; Земной коры; Геохимии им. А.П. Виноградова; Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского; Лимнологический; Сибирский институт физиологии и биохимии растений. После 2013 г. академический потенциал Иркутска прирос несколькими институтами медицинского и сельскохозяйственного профилей.

История академических институтов Иркутска – пример реализации основных принципов уникальных научных школ на протяжении длительного исторического периода, воплощения основных идей выдающихся учёных в различных областях знания.

Научные школы и академические институты Бурятского научного центра

Сеть научных учреждений Бурятии активно формировалась во второй половине XX в. Важный этап в развитии академической науки в республике начался с организации Бурятского комплексного НИИ (1958), который стал своеобразным инкубатором для целого ряда институтов, вошедших в состав Бурятского научного центра (БНЦ), а с появлением первого классического университета в Улан-Удэ (1995) и других вузов возникли предпосылки для функционирования научно-образовательного кластера.

Ил. 5. Геологический институт им. Н.Л. Добрецова, г. Улан-Удэ

В БНЦ каждый институт прошёл оригинальный путь формирования и развития. К примеру, самый молодой институт в области физических наук преобразован из отдела физических проблем Президиума БНЦ (2011) благодаря наработанному потенциалу в области физического материаловедения под руководством А.П. Семёнова. История института геологического профиля (ил. 5) – это история отпочкования научных направлений, рождённых в новосибирском Институте геологии и геофизики под руководством академика А.А. Трофимука. Его ученики Ф.П. Кренделев и Н.Л. Добрецов заложили те базисные основы бурятского Геологического института, которые позволяют ему быть лидером по целому ряду исследований.

В БНЦ достигнуты фундаментальные результаты благодаря основателям научных школ и научных направлений в области физики (Ч.Ц. Цыдыпов, Н.Б. Чимитдоржиев, А.П. Семёнов, А.В. Номоев, Б.Б. Бадмаев), геологии (О.В. Макеев, Ц.О. Очиров, Ф.П. Кренделев, Е.В. Скляр, Н.Л. Добрецов, И.В. Гордиенко, Э.Г. Конников, А.Г. Миронов), химии и биологии (В.Р. Филиппов, М.В. Мохосоев, Э.Л. Климашевский, В.М. Корсунов, А.К. Тулохонов), гумани-

тарных наук (Д.Д. Лубсанов, А.Б. Соктоев, В.Ц. Найдаков, Б.В. Базаров) и др.

Потенциал научных школ – основа деятельности пяти институтов: Физического материаловедения; Геологического им. Н.Л. Добрецова; Общей и экспериментальной биологии; Байкальского института природопользования; Монголоведения, буддологии и тибетологии. В последние годы тематику учёных СО РАН в Бурятии дополнили медицинские и сельскохозяйственные направления.

Научные школы и академические институты Якутского научного центра

Якутский научный центр (ЯНЦ) ведёт свою историю с создания Якутской научно-исследовательской базы (1947), преобразованной в Якутский филиал АН СССР (1949). При организации Сибирского отделения АН СССР потенциал якутских учёных, исследования которых в значительной степени связаны с изучением уникальных природных явлений – вечной мерзлоты, космических лучей и др., стал частью большого регионального кластера.

Отметим обстоятельства появления некоторых институтов. Исследования

Ю.Г. Шафера [15] при содействии московского академика С.Н. Вернова привели к оформлению научной школы исследований космофизики и аэронауки. Этот потенциал стал основой создания профильного института, который занял уникальную нишу в изучении вариаций космических лучей, широких атмосферных ливней, полярных сияний. На базе якутских мерзлотных станций Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР был организован аналогичный институт в ЯНЦ. В его основе — потенциал научной школы П.И. Мельникова в области фундаментальной и прикладной геокриологии. В области северного материаловедения и технологий фундаментальный вклад принадлежит научной школе В.П. Ларионова [17], который реализован в Институте физико-технических проблем Севера (ил. 6). Академиком Н.В. Черским [18] основан Институт горного дела Севера, в копилке которого — фундаментальные результаты в области механики геоматериалов, горной теплофизики и др.

Якутские учёные создали научные школы и научные направления в различных областях знания — от физико-технических до гуманитарных. В научном сообществе хорошо известны имена таких учёных, как Ю.Г. Шафер, Г.Ф. Крымский, Е.Г. Бережко, В.П. Ларионов, Ю.С. Уржумцев, Н.В. Черский, В.Л. Яковлев, М.Д. Новопашин, И.С. Рожков, В.В. Ковальский, А.Ф. Софронов, В.П. Дадькин, В.Г. Зольников, И.П. Щербаков, Н.Г. Соломонов, Е.И. Коркина, В.Н. Иванов, Н.А. Алексеев и др. Достижения научных школ стали залогом успешной деятельности якутских институтов на протяжении ряда десятилетий.

В составе Якутского научного центра до 2013 г. действовали восемь институтов: Космофизических исследований и аэронауки им. Ю.Г. Шафера (ИКФИА), Физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова (ИФТПС), Мерзлотоведения им. П.И. Мельникова (ИМЗ), Горного дела Севера им. Н.В. Черского (ИГДС), Геологии алмаза и благородных металлов, Проблем нефти и газа, Биологических проблем крио-

литозоны, Гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. В настоящее время в ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН» входят также институты бывших РАМН и РАСХН, среди них — Якутский НИИ сельского хозяйства им. М.Г. Сафронова.

В истории институтов Якутска содержится несколько моделей организации науки, которые по-своему уникальны. Это институционализация научных направлений, развиваемых учёными Якутии под патронажем ведущих учёных АН СССР (ИКФИА); отпочкование в отдельный институт научного направления другого института (ИФТПС — ИГДС); реорганизация потенциала столичного института в периферийный НИИ по расположению, но никак не по уровню исследований (ИМЗ).

Заключение

На примере изучения вклада научных школ выдающихся учёных в формирование и развитие академических институтов мы можем подчеркнуть роль личности в науке. Именно благодаря ярким творческим личностям невозможное становилось возможным: научная идея постепенно превращалась в научное направление, научную школу, на основе которых возникал конкретный проект институционализации полученных результатов. Академические институты Сибирского региона сегодня — это лидеры отечественной и мировой науки по целому ряду направлений. Их история — это не только история фундаментального знания, прикладных разработок, но также история научного освоения богатейших природных ресурсов, которые составляют неотъемлемую часть экономического потенциала России.

История жизнедеятельности выдающихся учёных, многие из которых являлись выходцами из европейских научных школ, а в Сибири реализовали свои замыслы, показывает, что научное пространство страны связано незримыми нитями. Так, ученики Нобелевского лауреата Н.Н. Семёнова

Ил. 6. Институт физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова, г. Якутск

А.А. Ковальский и В.В. Воеводский основали в Сибири Институт химической кинетики и горения. Ученик академика И.В. Курчатов Г.И. Будкер реализовал смелые идеи в созданном им Институте ядерной физики. И такие примеры можно продолжать и продолжать.

Самый главный вывод нашего исследования: система академических институтов РАН, основанная на фундаментальных результатах научных школ выдающихся учёных — это, в том числе, и своеобраз-

ное научное наследие, национальное достояние страны. Изучение деятельности выдающихся учёных по развитию разнообразных научных направлений в России — это неисчерпаемый и актуальный ресурс в деле воспитания молодых поколений, формирования у них мотивации к познанию окружающего мира. В связи с этим задачей сообщества историков и науковедов является изучение научного наследия учёных во всём его многообразии и презентация результатов в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шола Т.С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России; Ростовский кремль, 2017.
2. Куперштох Н.А., Крайнева И.А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск: СО РАН, 2022.
3. Марчук А.Г. Рецензия на книгу Н.А. Куперштох и И.А. Крайневой «Их именами названы институты Новосибирского научного центра» // Вестник РАН. 2023. Т. 93. № 4. С. 390–393.
4. Шелегина О.Н. В интересах государства и общества: научное наследие основателей академических институтов Сибири: Рецензия на книгу Н. Куперштох, И. Крайневой «Их именами названы институты Новосибирского научного центра» // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 4. С. 238–246.
5. Академик В.Е. Зуев (1925–2003) — организатор Томского научного центра СО РАН // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 9 (99). С. 64–70.

6. Новицкий В.В., Уразова О.И., Некрылов С.А. Евгений Данилович Гольдберг (1933–2008) — учитель и учёный «штучного образца» // Сибирский медицинский журнал. 2013. Т. 28. № 4. С. 132–137.
7. Леонид Васильевич Киренский. Научное издание серии «Наука Сибири в лицах» / Отв. ред. В.Ф. Шабанов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009.
8. Куперштох Н.А. Научное наследие академика Л.В. Киренского // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней: Материалы IX Международного Сибирского исторического форума. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 787–792.
9. Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачёва // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 135–152.
10. Исаев А.С., Рысин Л.П. Эколог-натуралист: К 125-летию со дня рождения академика В.Н. Сукачёва // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 6. С. 538–545.
11. Мелентьева В.И., Хрилев Л.С. Академик Лев Александрович Мелентьев: Очерки о жизни и деятельности. М.: Наука, 1988.
12. Васильев С.Н. Образец преданности науке: 80 лет со дня рождения академика В.М. Матросова // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 8. С. 746–750.
13. Виктор Борисович Сочава: жизненный путь, научное творчество. Научное издание серии «Наука Сибири в лицах» / Ред.-сост. В.В. Воробьёв и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
14. Куперштох Н.А. Академик Н.Л. Добрецов и его вклад в развитие научного потенциала Республики Бурятия // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): Сборник научных статей / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. С. 256–259.
15. Крымский Г.Ф. Организатор космофизических исследований в Якутии // Наука и техника в Якутии. 2010. № 1 (18). С. 74–76.
16. Академик Павел Иванович Мельников. Научное издание серии «Наука Сибири в лицах» / Авт.-сост. И.В. Климовский. Новосибирск: Гео, 2008.
17. Куперштох Н.А. Владимир Петрович Ларионов — академик Севера // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 28–32.
18. Фрадкин Г.С. Академик Николай Васильевич Черский (к столетию со дня рождения) // Наука и техника в Якутии. 2004. № 2 (7). С. 67–71.

Role of Scientific Schools of Prominent Scientists in Development of Academic Institutions in Siberia

Natalia Aleksandrovna Kupershtokh — Candidate of Science (History), senior researcher of the Institute of History of RAS, Siberian Branch, leader of the project ‘Novosibirsk Institutes are Named after Them: Life History of Outstanding Scientists of the 20th Century’ (19-49-540001).
E-mail: nataly.kuper@gmail.com

As the first regional branch of the USSR Academy of Sciences has been established in Siberia in 1957, a new stage of scientific exploration of the region began. For the first time, research has become systematic rather than isolated. The efforts of prominent scientists yielded fundamental results. The scientific heritage of the founders of scientific schools and institutions of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences is a relevant and important asset of modern culture, which requires comprehensive study and development. The paper presents the key approaches to the study of scientific heritage of distinguished scholars. The study subject is scientific schools as a framework for the establishment and development of academic institutions in Siberia; their history reflects the crucial milestones in the evolution of fundamental knowledge and scientific exploration of the region.

Keywords: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, prominent scientists, scientific schools, academic institutions, scientific heritage

REFERENCES

1. Shola T.S. Mnemosofiya. Esse o nauke publichnoi pamyati. Rostov Velikii: IKOM Rossii; Rostovskii kreml', 2017 (in Russian).
2. Kupershtokh N.A., Kraineva I.A. Ikh imenami nazvany instituty Novosibirskogo nauchnogo tsentra. Novosibirsk: SO RAN, 2022 (in Russian).
3. Marchuk A.G. Retsenziya na knigu N.A. Kupershtokh i I.A. Krainevoi «Ikh imenami nazvany instituty Novosibirskogo nauchnogo tsentra» // Vestnik RAN. 2023. T. 93. № 4. S. 390–393 (in Russian).
4. Shelegina O.N. V interesakh gosudarstva i obshchestva: nauchnoe nasledie osnovatelei akademicheskikh institutov Sibiri: Retsenziya na knigu N. Kupershtokh, I. Krainevoi «Ikh imenami nazvany instituty Novosibirskogo nauchnogo tsentra» // Upravlenie nauko: teoriya i praktika. 2022. T. 4. № 4. S. 238–246 (in Russian).
5. Akademik V.E. Zuev (1925–2003) – organizator Tomskogo nauchnogo tsentra SO RAN // Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 9 (99). S. 64–70 (in Russian).
6. Novitskii V.V., Urazova O.I., Nekrylov S.A. Evgenii Danilovich Gol'dberg (1933–2008) uchitel' i uchyonyi «shtuchnogo obraztsa» // Sibirskii meditsinskii zhurnal. 2013. T. 28. № 4. S. 132–137 (in Russian).
7. Leonid Vasil'evich Kirenskii. Nauchnoe izdanie serii «Nauka Sibiri v litsakh» / Otv. red. V.F. Shabanov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009 (in Russian).
8. Kupershtokh N.A. Nauchnoe nasledie akademika L.V. Kirenskogo // Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka s drevnikh vremyon do nashikh dnei: Materialy IX Mezhdunarodnogo Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2022. S. 787–792 (in Russian).
9. Kupershtokh N.A. Stranitsy istorii Instituta lesa im. V.N. Sukachyova // Sotsiologicheskii zhurnal. 2005. № 3. S. 135–152 (in Russian).
10. Isaev A.S., Rysin L.P. Ekolog-naturalist: K 125-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.N. Sukachyova // Vestnik RAN. 2005. T. 75. № 6. S. 538–545 (in Russian).
11. Melent'eva V.I., Khrilev L.S. Akademik Lev Aleksandrovich Melent'ev: Ocherki o zhizni i deyatelnosti. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
12. Vasil'ev S.N. Obrazets predannosti nauke: 80 let so dnya rozhdeniya akademika V.M. Matrosova // Vestnik RAN. 2013. T. 83. № 8. S. 746–750 (in Russian).
13. Viktor Borisovich Sochava: zhiznennyi put', nauchnoe tvorchestvo. Nauchnoe izdanie serii «Nauka Sibiri v litsakh» / Red.-sost. V.V. Vorob'yov i dr. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2001 (in Russian).
14. Kupershtokh N.A. Akademik N.L. Dobretsov i ego vklad v razvitie nauchnogo potentsiala Respubliki Buryatiya // Transgranich'e Vostoka Rossii v modernizatsionnykh protsessakh XX–XXI vv. (k 100-letiyu Respubliki Buryatiya): Sbornik nauchnykh statei / Nauch. red. B.V. Bazarov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2023. S. 256–259 (in Russian).
15. Krymskii G.F. Organizator kosmofizicheskikh issledovaniy v Yakutii // Nauka i tekhnika v Yakutii. 2010. № 1 (18). S. 74–76 (in Russian).
16. Akademik Pavel Ivanovich Mel'nikov. Nauchnoe izdanie serii «Nauka Sibiri v litsakh» / Avt.-sost. I.V. Klimovskii. Novosibirsk: Geo, 2008 (in Russian).
17. Kupershtokh N.A. Vladimir Petrovich Larionov – akademik Severa // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2017. T. 24. № 3. S. 28–32 (in Russian).
18. Fradkin G.S. Akademik Nikolai Vasil'evich Cherskii (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) // Nauka i tekhnika v Yakutii. 2004. № 2 (7). S. 67–71 (in Russian).

Индекс УДК 903.2 /094

Код ГРНТИ 03.41.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-21-32

Л.В. ЯВОРСКАЯ*

Русь и Орда: возможности реконструкции экономических процессов методами археозоологии

Проведённый по данному проекту анализ археозоологических коллекций, полученных из археологических раскопок, позволил создать целостную картину мясного рациона средневековых поселений Восточной Европы и реконструировать структуры обеспечения мясными продуктами восточноевропейских городов и сёл лесной, лесостепной и степной зон, а также выявить сходные и различающиеся черты этой структуры для разных ландшафтных и культурных зон. Установлено, что в мясной диете средневекового населения всех исследуемых ландшафтных зон, вне зависимости от статуса поселений (город или сельское поселение), доминировала говядина. Для русских городов, функционировавших несколько веков, выявлена тенденция увеличения доли говядины в мясном рационе от ранних (XII в.) к наиболее поздним (XVI в. и далее) периодам. В Золотой Орде в XIII–XIV вв. в мясном потреблении горожан также доминировала говядина.

Исследование показало, что крупный рогатый скот выращивался в сельских поселениях и регулярно доставлялся в города для получения шкур и мяса. Скот кочевников – овцы и лошади – поставлялся в города и забивался эпизодически для получения шкур. В ремесленных кварталах городов нашим археозоологическим исследованием зафиксированы скопления костей домашних копытных со специфичным таксономическим и анатомическим набором – остатками масштабных забоев кочевнического и сельского скота. В этих же кварталах производилась первичная обработка шкур, наше исследование зафиксировало в археозоологических коллекциях чёткие маркеры обрабатывающих производств. Исследования изотопов ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) более чем 150 образцов костей домашних копытных из лесной и степной ландшафтных зон доказали возможность использования изотопных меток ^{13}C для фиксации статуса домашних копытных: «местные» и «пришлые», изотопные сигналы ^{15}N характеризует вклад культивируемого фуража в диету конкретных особей. Удалось выявить перемещения степного скота кочевников из аридной зоны для забоя и получения шкур в лесостепной Болгар, зафиксировать факт обмена скотом между степными и лесными территориями, а также между различными регионами средневековой Руси.

* **Яворская Лилия Вячеславовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН, руководитель проекта «Археозоологические материалы как источник для реконструкции палеоэкономических процессов в лесной и степной зонах Восточной Европы в XII–XVI вв.» (20-09-00310).
E-mail: lv.yavorskaya@gmail.com

Ключевые слова: археозоология, средневековая Русь, Золотая Орда, скотоводство, система обеспечения мясными продуктами, средневековые города, сельские поселения, кочевое скотоводство, ремесленные производства, обрабатывающие животное сырьё, изотопные исследования, перемещения скота

Экономическая история Восточной Европы в средневековую эпоху крайне скудно отражена в письменных источниках. Некоторую часть палеоэкономической информации позволяют восстановить археология и её естественно-научные субдисциплины, например археозоология.

В частности, коллекции костных остатков животных, полученные из раскопок археологических памятников, являются базовым материалом для воссоздания различных сторон жизни общества. Это стержневая информация о потреблении мясных продуктов и шире — о практиковавшихся системах жизнеобеспечения, о сырье животного происхождения в ремесленной и торговой деятельности, об использовании животных в бытовой и ритуальной сферах.

Для поселенческих памятников фрагменты костей животных являются таким же массовым археологическим материалом, как, например, обломки керамических сосудов. Кости так же наполняют культурные напластования городов и поселений, как и любые другие артефакты, почти всегда можно «дешифровать» причины попадания тех или иных остатков в культурный слой. Координируясь с археологическим контекстом и другими полученными при раскопках данными, возможно реконструировать информацию о прошлом.

В Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН создана методическая схема исследования костных остатков из раскопок, специально направленная на то, чтобы получить палеоэкономическую информацию. Фиксируются и анализируются как биологические параметры остеологических ма-

териалов, так и археологические: сохранность, характер раздробленности, следы искусственного воздействия и многое другое [1]. Наиболее обширные коллекции, изученные в соответствии с этой методикой, происходят из раскопок средневековых городов и сельских поселений Восточной Европы. В совокупности они составляют около 1 млн фрагментов костных остатков.

Основной целью проекта «Археозоологические материалы как источник для реконструкции палеоэкономических процессов в лесной и степной зонах Восточной Европы в XII–XVI вв.» было продемонстрировать, как из такого специфического источника, как костные остатки животных, возможно получить информацию археологического характера и использовать её для реконструкции палеоэкономических процессов в эпоху зрелого Средневековья. Безусловно, на этих материалах, в координации с археологическим контекстом и скупыми сведениями письменных источников, удаётся реконструировать лишь те процессы, которые связаны с использованием животных, преимущественно домашнего скота.

Мясные продукты в средневековых русских городах

Для реконструкции структуры обеспечения городов мясными продуктами в разных хозяйственно-культурных ландшафтах были проанализированы археозоологические коллекции, выполненные по одной и той же методической схеме ИА РАН, из русских городов, расположенных в сугубо «лесном» ландшафте и на границе с лесостепью, а также из городов Золотой Орды — степных и лесостепных.

К исследованию памятников Руси привлечены коллекции в основном из центральных частей, преимущественно из кремлей таких русских городов, как Великий Новгород, Ярославль, Ростов Великий, Смоленск, Москва и Переяславль Рязанский, а также из сельских поселений, преимущественно с территории северо-восточной Руси. Удалось установить, что в мясной диете всех поселений, независимо от городского или сельского статуса, доминирует говядина, доля которой постепенно вырастает с 60 до 90% в спектре мясных продуктов по хронологическому вектору от наиболее ранних слоёв к «поздним» напластованиям уже Нового времени.

Процессы, изменившие структуру мясного рациона русских городов в эпоху зрелого Средневековья, были связаны между собой, и сложно выявить отправную причину этих трансформаций. Разные типы источников отчётливо фиксируют интенсификацию земледелия и необходимость в производстве удобрений – навоза. Возможно, именно это повлекло за собой изменение структуры скотоводческой отрасли: резкое увеличение поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах сельских поселений, которое повлекло за собой избыток говядины, шкур и кости как ремесленного сырья. Это, в свою очередь, позволило «прокормить» говяжиной растущее ремесленное население, в числе которого были и специалисты, занимающиеся обработкой животного сырья (рис. 1).

Фиксируемые нами хронологические трансформации в продовольственном обеспечении и экономике средневековых поселений Руси – избыток говядины и увеличение в хозяйствах поголовья крупного рогатого скота – по-видимому, отражают объективные и взаимосвязанные закономерности процесса урбанизации: рост численности городского ремесленного населения, и как следствие – появление в сельской округе постоянных центров

Рис. 1. Схема взаимосвязанных процессов, определяющих изменения мясного рациона в русских городах в XII–XVII вв.

по производству и обеспечению городов продуктами питания.

«Костные вымостки»

Мы также проанализировали причины появления многотысячных костных скоплений, устилающих центральные торговые улицы русских городов в XV–XVI вв. Эти «костные вымостки», зафиксированные в Великом Новгороде и Пскове, состоят почти исключительно из обломков коровьих черепов или метаподий [2, 3]. Их наличие маркирует огромное поголовье крупного рогатого скота (КРС) в сельском хозяйстве Руси эпохи зрелого Средневековья и раннего Нового времени, а также подтверждает урбанистическую тенденцию в мясном потреблении горожан. Нами выявлено использование костей КРС из мест централизованной мясной торговли для благоустройства городов, а также применение метаподиальных костей КРС в качестве деталей оснащения станковых механизмов в кожевенном производстве [4]. В косторезном ремесле эти процессы тоже отразились. Фиксируется смена сырьевых ресурсов: если в XI–XII вв. основным сырьём городских

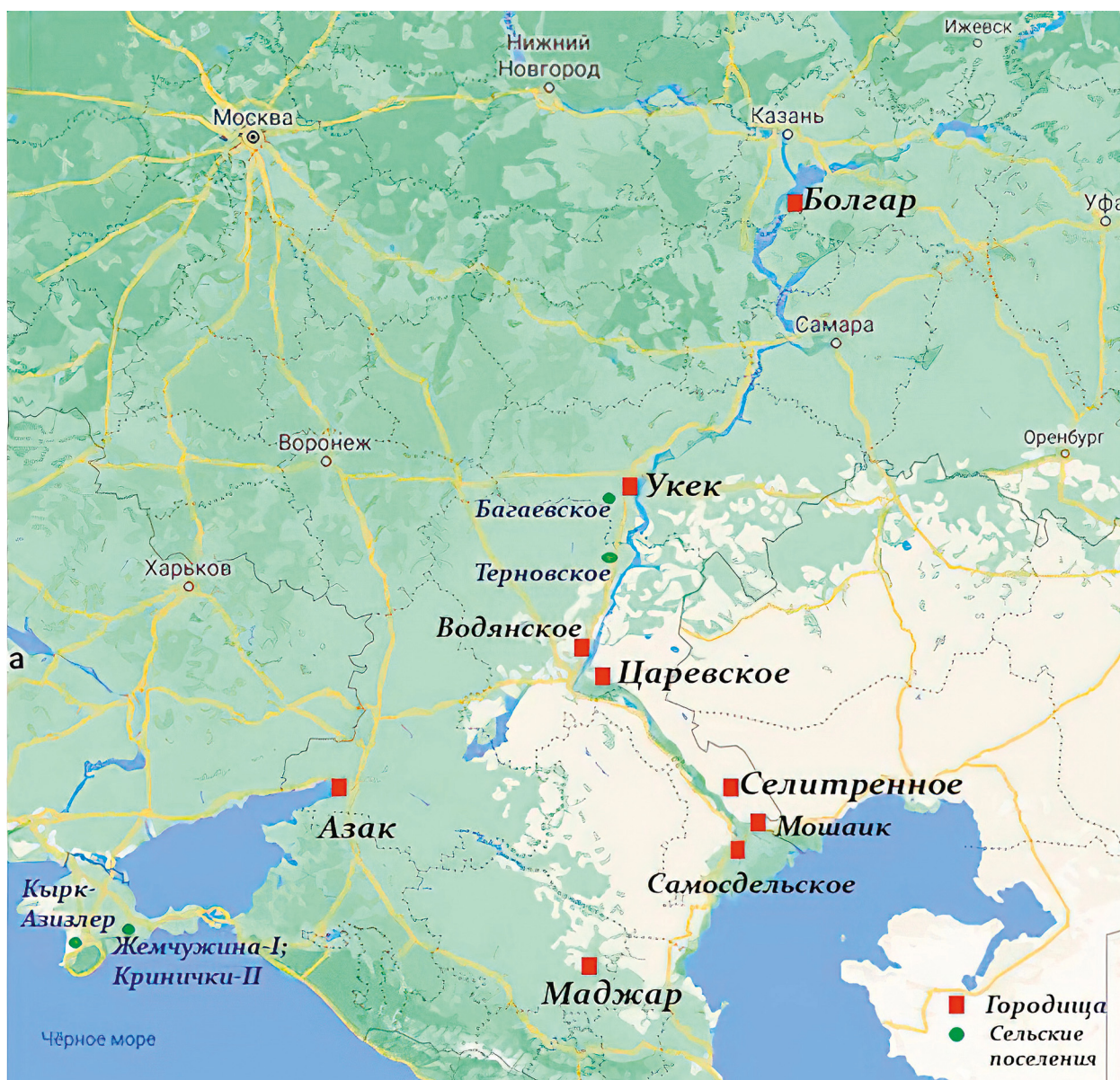

Рис. 2. Карта памятников Золотой Орды с изученными археозоологическими коллекциями

косторезов был плотный рог, то с конца XV в. и далее он замещается костью КРС и лошадей.

Кто кормил мясом горожан Золотой Орды

Исследование и обобщение археозоологических материалов из лесостепной и степной зон — городских центров Золотой Орды — установили, что так же, как и в русских городах, мясное потребление горожан и соответственно мясное обеспечение базировались на таком ресурсе, как говядина. Баранина и конина дополняли

городской мясной рацион. Свинына, мясо диких животных, а также птиц и рыб употреблялись в городах крайне редко [5].

Если в системе русского «лесного» хозяйственного пространства роль скотоводства по отношению к земледелию может быть обозначена как вспомогательная, то для государственной экономики Золотой Орды сектор скотоводства играл ключевую роль: на кочевом образе жизни базировались династические принципы монгольско-чингизидов, живой скот и продукция скотоводства были важнейшими внутренними и экспортными товарами государства.

Исследования историков, основанные исключительно на письменных источниках, подчёркивают роль степных продуктов скотоводства — мяса домашних копытных не просто как важный, но практически единственный продовольственный ресурс в золотоордынской хозяйственной структуре. По этой логике основными мясными продуктами должны быть баранина и конина — продукция степных скотоводческих хозяйств. Однако нашим исследованием для золотоордынских городов установлена ведущая роль говядины (60–80%) — продукции преимущественно оседлого, а не кочевого населения [5].

Таким образом, возникает предположение, что важным источником обеспечения ордынских городов были сельские поселения. Их мясное потребление и экономические особенности оказались почти не изучены, поэтому по нашему проекту была впервые проанализирована структура потребления мяса домашних копытных для шести сельских поселений золотоордынского государства, расположенных в разных природных условиях и культурных ландшафтах: в Крыму и Поволжье (рис. 2).

Все коллекции изучались по той же методической схеме ИА РАН. В культурном слое всех поселений изобиловали «кухонные» остатки крупного рогатого скота, а доля говядины в мясном рационе оказалась даже выше, чем в ордынских городах, — 80–85% [6]. Сравнение данных по скотоводческой отрасли в сельских поселениях и по мясному потреблению в городах заставляет рассматривать в качестве наиболее реалистичной версию, что для всех изученных золотоордынских городов говядина как главный мясной ресурс была продукцией преимущественно оседлых сельских поселений. А баранина и конина, получаемые от степных скотоводов, только дополняли основной мясной рацион горожан. Установлено, что в городах, вокруг которых располагались значительные по площади пространства для выпаса крупного рогатого скота —

Болгар и Укек в Поволжье, Азак на Нижнем Дону, Маджар на Северном Кавказе на р. Кума, доля говядины в рационе была существенно — на 10–20% — выше, чем в городах вдоль нижнего течения Волги и Ахтубы, которые расположены в полупустыне. Возможности содержания и выпаса крупного рогатого скота в их округе были ограничены узостью полосы пойменных лесов и лугов — Водянское, Царёвское, Селитренное городища, а также памятники в Волжской дельте — городища Мошаик и Самосдельское (для двух последних мы говорим исключительно о напластованиях золотоордынского периода) [7].

Впервые нашим исследованием была выявлена важнейшая функция сельских поселений в Золотой Орде — разведение крупного рогатого скота для получения экспортного товара — бычьих шкур и большого количества говядины для потребления горожан. Масштабы эпизодических сезонных забоев КРС были столь велики, что превосходили возможности потребления его мяса в городах, поэтому остатков туш этих животных, разделанных крупными кусками, довольно много обнаружено в культурных напластованиях самих сельских поселений [8].

Истоки и источник главного золотоордынского экспортного товара

Огромное количество крупного рогатого скота, который выращивали в Золотой Орде, было необходимо для обеспечения бесперебойного экспорта животных шкур. Когда удалось установить, где преимущественно выращивался этот скот, встал новый вопрос: где, собственно, происходил забой животных для получения шкур и велась первичная их обработка? Происходило это на тех же сельских поселениях, в степных кочевьях или в городах? В крупном портовом торговом городе, расположенном в низовьях Дона, из археологических раскопок в начале XXI в. были известны скопления костных

Рис. 3. Метаподии рогатого скота Восточной Европы со следами их использования в обработке шкур и кож (кости-инструменты). 1, 2 — пястные кости крупного рогатого скота; 3, 4 — пястные кости мелкого рогатого скота; 5 — плюсневые кости мелкого рогатого скота

остатков рогатого скота. Предположительно это и были остатки от масштабных забоев домашних копытных для получения шкур [9].

Исследования коллекций костных остатков из раскопок в ремесленных кварталах пяти золотоордынских городов выявили их специфику по отношению к накоплению в жилых усадьбах: «обеднённый» таксономический набор костных остатков в скоплениях — сравнительно меньшее число костей принадлежало в них птицам, рыбам, домашним «помощникам». Среди домашних «мясных» копытных ведущая роль оказывается не у остатков КРС, как в обычных бытовых накоплениях, а у костей мелкого рогатого скота. Фиксируется и очень высокая насыщенность костями, в несколько раз превышающая накопление в жилых районах этого же города на единицу площади.

Необычен оказался и анатомический набор остатков в скоплениях: зачастую выявлялся отбор костей отдельных наименований — метаподиев, лопаток, фрагментов черепов и нижних челюстей, роговых стержней, который возможно осуществил исключительно при массовом забое скота [10].

Помимо специфичного таксономического и анатомического наборов в скоплениях в ремесленных кварталах Азака и Маджара обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, преимущественно метаподиальные, которые несут на себе следы использования их в станковых приспособлениях, т.е. как инструментов в обработке животных шкур [11]. На этих костях видны следы залощённости (рис. 3: 3), срабатывания поверхностей проксимальной площад-

ки метаподиев (рис. 3: 2), отверстия для крепления в станковых приспособлениях (рис. 3: 4, 5) и особые следы, связанные с пропуском через скруглённую поверхность диафиза кости сыромятных ремней, вымоченных в специальных химических растворах с кислой или щелочной средой (рис. 3: 1).

Как только особые следы на «производственных» остатках рогатого скота были выявлены на памятниках Золотой Орды, такие же следы начали обнаруживаться и на коровьих метаподиях из средневековых русских памятников. Невероятные накопления остатков почти исключительно от крупного рогатого скота в «костных вымостках» русских городов получили объяснение: после распада Золотой Орды именно на Руси получили широкое распространение как само разведение этих животных, так и обработка их шкур в «промышленных» масштабах.

Для золотоордынских городов все перечисленные аспекты – необычно высокая насыщенность слоя костями животных, обеднённый таксономический набор, «перекося» видового состава остатков домашних копытных в пользу МРС, специфика анатомического набора наиболее многочисленных видов, отбор отдельных наименований костей, а также следы использования метаподиев как инструментов – маркируют данные скопления как остатки масштабных забоев и ремесленных производств по обработке шкур домашних копытных. Эти кости уложены в уличные мостовые и отличаются от русских «костных вымосток» лишь тем, что не используются как забутовка под деревянные конструкции. Кроме Азака и Маджара, где обнаружены остатки обработавших кожи мастерских [11, 12], маркеры таких забоев и производств обнаружены в коллекциях раскопа XIII 2019 г. на Увекском городище [13] и раскопа № 3 (2017–2019 гг.) на Селитренном городище. Для ремесленного квартала Селитренного удалось впервые зафиксировать следы массовых забоев лошадей [7].

Об огромных объёмах экспорта животных шкур из Золотой Орды можно судить по документам итальянской морской торговли через порты в Крыму (Каффа) и на Нижнем Дону (Азак) [9]. Но результаты археозоологических исследований уточняют важные экономические аспекты, связанные с использованием домашнего скота в Золотой Орде:

- крупный рогатый скот выращивали на сельских поселениях, мясо этих животных реализовывалось в качестве основной мясной пищи горожан;
- мелкий рогатый скот и лошади эпизодически пригонялись из степных кочевнических хозяйств специально для масштабного забоя и получения шкур. Мясо кочевнического скота дополняло белковый рацион в городах, костные остатки оседали преимущественно в их ремесленных кварталах. Хорошо видно, что роль кочевнического степного скота в мясном потреблении города была не столь существенной, как это принято утверждать;
- забой крупных партий домашнего скота из сельских поселений и кочевых хозяйств происходил в городах, в основном в ремесленных кварталах;
- основная часть шкур обрабатывалась в золотоордынских городских мастерских, экспортировалась обработанная кожа, изготавливались изделия.

Исследования торговли скотом через изотопы

Для подтверждения гипотезы предполагаемых перемещений скота между различными регионами вследствие торговой деятельности, а также для нужд ремесленных производств, обрабатывающих животное сырьё, проведены изотопные исследования костных остатков. На основе изучения только морфологических характеристик домашних животных в обоих регионах эти перемещения зафиксировать почти невозможно. Исследованиями накопления изотопов углерода ^{13}C и азота ^{15}N в костях животных мы пытались

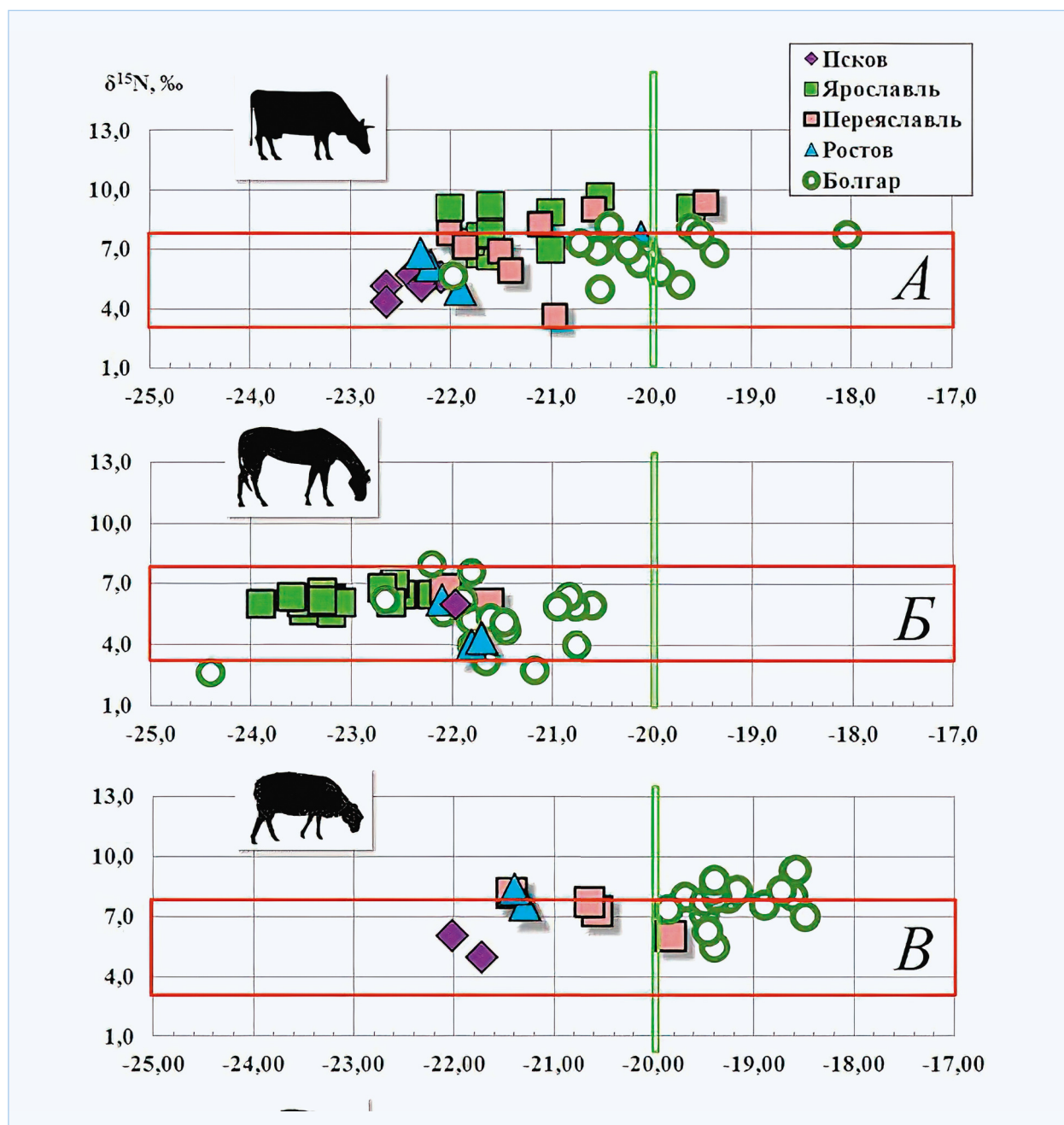

Рис. 4. Индивидуальные изотопные сигналы по углероду и азоту $\delta^{13}\text{C}$ (‰) и $\delta^{15}\text{N}$ (‰) домашних копытных из средневековых городов Восточной Европы: А — крупного рогатого скота; Б — лошадей; В — овец

не только обозначить трофический уровень конкретного вида в пищевой пирамиде, но и зафиксировать те природные условия, в которых функционировало животное, а также специфику его кормовой диеты. По общепринятой в международных исследованиях методике в рамках проекта выполнен изотопный анализ более чем 150 образцов из русских и золо-

тоордынских памятников в хронологическом диапазоне XII–XIV вв., использовались данные исследований, опубликованные ранее [14].

Тщательный анализ изотопных подписей костей домашних и диких копытных средневековой Восточной Европы показал, что наиболее ярко различаются природные кормовые ресурсы лесной и степ-

ной природных зон. В смешанных и хвойных лесах углеродная изотопная подпись местных диких травоядных находится в рамках от -30 до -22% , а в степях она превышает -20% . По сигналу азота соответственно от 2 до 8‰ и от 5 до 10‰. Анализ полученных по проекту изотопных данных по домашним копытным (корова, лошадь, овца) показал, что в основном они тоже характеризуют растительную диету: оба сигнала ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$, ‰) по средним показателям могут отражать различия в диете домашних копытных в рамках природных зон: лес – степь [14] (рис. 4).

Детализация, полученная на графиках индивидуальных изотопных данных по видам, показала (см. рис. 4), что масштаб отклонений сигналов средневековых домашних копытных в одном регионе может быть значительным и по ^{13}C обусловлен кормовыми ресурсами природной зоны, а по ^{15}N характеризует вклад культивируемого фуража в диету конкретных особей. Соответственно, доказана возможность использования изотопных меток ^{13}C для фиксации статуса домашних копытных: «местные» и «пришлые». Но эти статусы можно фиксировать только для больших блоков изотопных данных и сопрягать их с информацией о размерах животных.

Проведённый по проекту изотопный анализ обозначил яркие отличия в кормовых ресурсах древнерусских и золотоордынских домашних копытных. Так, по образцам из Ярославля выявлено использование отходов от переработки зерновых культур в качестве основного фуража для городских и сельских коров, что отражает господство в округе города земледельческих пахотных угодий и существование системы их унавоживания уже в XIII в. Крайне важными оказались индивидуальные сигналы по углероду, которые могут транслироваться непосредственно на статус нахождения животных на поселении: «местные» или «пришлые». В нашем исследовании удалось среди основного местного стада обнаружить «пришлых»

коров в Ярославле, а в Переяславле-Рязанском – коров и овец из степных областей. В Болгаре оказались коровы и лошади из северо-западных территорий, а часть коров и овец – из дальних степных кочевий. Эта информация является археологическим свидетельством, подтверждающим известные по историческим источникам масштабные разнонаправленные перемещения скота по территории Восточной Европы между древнерусскими княжествами, золотоордынскими улусами, северо-западными и южными государствами в ходе как торговых, так и военных операций.

Итак, анализ археозоологических коллекций из раскопок средневековых памятников Восточной Европы, выполненный по единой методической схеме ИА РАН, существенно дополнил и даже скорректировал имеющуюся палеоэкономическую информацию:

1. Для обеих экономических систем – лесной (русской) и степной (золотоордынской) – удалось выявить унификацию структуры мясного рациона, где главная роль принадлежит говядине.
2. Для лесной зоны это обусловлено тремя взаимозависимыми процессами, которые определяли структуру мясного рациона горожан в эпоху зрелого Средневековья: интенсификацией земледелия, трансформацией скотоводства, ускоренной урбанизацией.
3. Для степной зоны установлена ведущая роль сельских поселений в поставках говядины в города, роль степных кочевников состояла в эпизодических пригонах скота в города для нужд ремесленных производств – получения и обработки шкур домашних копытных.
4. В средневековых городах Восточной Европы зафиксирован избыток отходов шкурно-кожевенных производств в виде мощных скоплений костных остатков, которые использовались для благоустройства – вымосток центральных улиц и площадей.
5. Выявлены археозоологические маркеры «производственных» костных скоплений,

среди которых наиболее заметными являются следы на метаподиях крупного и мелкого рогатого скота, получившиеся от использования их в специальных приспособлениях по обработке шкур и кож.

6. Изотопные исследования подтвердили масштабные и разнонаправленные перемещения домашнего скота по территории Восточной Европы в средневековую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.
2. Yavorskaya L.V. Rethinking the Improvement of Medieval Cities in the Eastern Europe Through «Bone Causeways» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science. 2021. 14 (1). Pp. 128–136.
3. Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах северо-запада: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.
4. Яворская Л.В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: Современные интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН. 2021. Вып. 5. С. 216–226.
5. Яворская Л.В. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинёв: Stratum plus, 2015. С. 197–207.
6. Яворская Л.В. К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 136–147.
7. Яворская Л.В. К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археозоологических коллекций // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 13–19.
8. Яворская Л.В. Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики юго-восточного Крыма в золотоордынский период // Поволжская археология. 2020. № 2. С. 171–181.
9. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 7–11.
10. Яворская Л.В. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань; Кишинёв: Stratum Plus, 2019. С. 553–567.
11. Яворская Л.В. Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле шкурно-кожевенной продукцией: археозоологический аспект // Нижневолжский археологический вестник. 2020. № 1 (19). С. 202–210.
12. Яворская Л.В., Масловский А.Н. Находки скоплений костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2014–2015 гг. Вып. 30. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. С. 358–378.
13. Яворская Л.В. Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от Древности до Средневековья: Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции. Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 2020. С. 222–228.
14. Антипина Е.Е., Яворская Л.В. Археозоологические контексты к результатам изотопного анализа костей домашних копытных из древнерусских городов // Краткие сообщения Института археологии. 2022. № 266. С. 265–279.

Rus' and the Golden Horde: Options for Reconstructing Economic Processes by Methods of Archaeozoology

Liliya Vyacheslavovna Yavorskaya – Candidate of Science (History), senior researcher of the Laboratory of the Scientific Methods in Archaeology, Institute of Archaeology of RAS, leader of the project 'Archaeozoological Materials as a Source for Reconstruction of Palaeoeconomic Processes in Forest and Steppe Regions of the Eastern Europe in the 12th–16th Centuries' (20-09-00310).

E-mail: lv.yavorskaya@gmail.com

Our analysis of archaeozoological collections found on archaeological sites allowed to build a complex picture of the meat diet of medieval settlements in Eastern Europe and to reconstruct the structure of meat supply in Eastern European towns and villages in forest, forest-steppe and steppe areas, as well as to determine the similarities and differences in this structure across different landscapes and cultural zones. We found that the dominant meat in the diet of the medieval population in all studied landscapes, regardless of settlement form was beef. For Rus' towns, which existed for several centuries, we identified the tendency to increase the share of beef in the meat diet from the early (12th century) to the latest (16th century and later) periods. Beef also dominated the meat consumption of townspeople in the Golden Horde in the 13th–14th centuries.

The study shows that cattle were raised in rural settlements and regularly delivered to the towns for hides and meat. Nomadic cattle, such as sheep and horses were delivered to the towns and slaughtered episodically to produce hides. In the artisanal quarters of the towns, our archaeozoological research registered accumulations of domestic ungulate bones with a specific taxonomic and anatomical set – the remains of large-scale slaughter of nomadic and rural livestock. These quarters also did the primary processing of hides – our study found clear markers of processing industries in archaeozoological collections. The study of isotopes ($\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$) in more than 150 bone samples of domestic ungulates of forest and steppe areas proved the feasibility of using ^{13}C isotope tags to capture the status of domestic ungulates: local and outsider; ^{15}N isotope signals describe the contribution of farmed fodder to the diet of specific animals. We managed to discover the movement of nomadic steppe cattle from the arid zone for slaughtering and hides to the forest-steppe Bolgar town, and to record the fact of cattle exchange between steppe and forest territories, as well as between different regions of medieval Rus'.

Keywords: archaeozoology, medieval Rus', Golden Horde, cattle breeding, meat supply system, medieval towns, rural settlements, nomadic cattle breeding, handicraft production, processing animal raw materials, isotope studies, livestock movements

REFERENCES

1. Antipina E.E. Arkheozoologicheskie materialy // Kargaly. T. III: Selishche Gornyi: arkheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskie issledovaniya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. S. 182–239 (in Russian).
2. Yavorskaya L.V. Rethinking the Improvement of Medieval Cities in the Eastern Europe Through «Bone Causeways» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science. 2021. 14 (1). Pp. 128–136.
3. Yavorskaya L.V. «Kostnye vymostki» v drevnerusskikh gorodakh severo-zapada: «anatomya» odnoi arkheologicheskoi zagadki // Zoologicheskii zhurnal. 2013. T. 92. № 9. S. 1179–1189 (in Russian).

4. Yavorskaya L.V. Arkheozoologicheskie issledovaniya gorodov Zolotoi Ordy: Sovremennyye interpretatsii // Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvenno-nauchnykh metodov. M.: IA RAN. 2021. Vyp. 5. S. 216–226 (in Russian).
5. Yavorskaya L.V. Protsessy urbanizatsii i dinamika myasnogo potrebleniya v srednevekovykh gorodakh Povolzh'ya (po arkheozoologicheskim materialam) // Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda. Kishinyov: Stratum plus, 2015. S. 197–207 (in Russian).
6. Yavorskaya L.V. K voprosu o funktsiyakh sel'skikh poselenii v ekonomicheskoi sisteme Zolotoi Ordy // Povolzhskaya arkheologiya. 2021. № 2 (36). S. 136–147 (in Russian).
7. Yavorskaya L.V. K probleme obespecheniya myasnymi produktami zolotoordynskikh gorodov Nizhnei Volgi: novye issledovaniya arkheozoologicheskikh kollektzii // Arkheologiya evraziiskikh stepei. 2022. № 4. S. 13–19 (in Russian).
8. Yavorskaya L.V. Arkheozoologicheskoe issledovanie poseleniya Zhemchuzhina-I i voprosy ekonomiki yugo-vostochnogo Kryma v zolotoordynskii period // Povolzhskaya arkheologiya. 2020. № 2. S. 171–181 (in Russian).
9. Bocharov S.G., Maslovskii A.N. Pis'mennyye istochniki ob ital'yanskoi torgovle kozhei v Severnom Prichernomor'e i dannye arkheologii // Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. 2015. T. 157. Kn. 3. S. 7–11 (in Russian).
10. Yavorskaya L.V. Skopleniya kostei zhivotnykh v gorodakh Zolotoi Ordy: osnovnyye nakhodki, vidovoi sostav, anatomicheskii nabor // Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda. T. 2. Kazan'; Kishinyov: Stratum Plus, 2019. S. 553–567 (in Russian).
11. Yavorskaya L.V. Novyye dannye o roli Madzhara v zolotoordynskoi torgovle shkurno-kozhevennoi produktsiei: arkheozoologicheskii aspekt // Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. 2020. № 1 (19). S. 202–210 (in Russian).
12. Yavorskaya L.V., Maslovskii A.N. Nakhodki skoplenii kostei zhivotnykh v zolotoordynskom Azake: vidovoi sostav, anatomicheskii nabor, topografiya // Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2014–2015 gg. Vyp. 30. Azov: Azovskii muzei-zapovednik, 2018. S. 358–378 (in Russian).
13. Yavorskaya L.V. Remeslennyye proizvodstva iz zhivotnogo syr'ya v zolotoordynskom Ukeke: novyye dannye // Volgo-Ural'skii region ot Drevnosti do Srednevekov'ya: Materialy VI Nizhnevolzhskoi Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi nauchnoi konferentsii. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosuniversiteta, 2020. S. 222–228 (in Russian).
14. Antipina E.E., Yavorskaya L.V. Arkheozoologicheskie konteksty k rezul'tatam izotopnogo analiza kostei domashnikh kopytnykh iz drevnerusskikh gorodov // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2022. № 266. S. 265–279 (in Russian).

Индекс УДК 94(470) + 791.65.079
Код ГРНТИ 03.23.55
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-33-47

**Е.В. ВОЛКОВ,
Е.В. КОНЫШЕВА,
М.В. САПРОНОВ***

Городской кинотеатр советской эпохи: трансформация социального пространства (на примере Москвы, Ленинграда, Челябинска)

В статье представлены основные тезисы исторического исследования о городских кинотеатрах советской эпохи (на примере Москвы, Ленинграда, Челябинска). Кинотеатр в данном исследовании изучен как социальное пространство, которое с точки зрения концепции французского социолога А. Лефевра складывается из трёх уровней: как оно планируется и воплощается в материальных формах; как оно функционирует в реальных условиях своего времени; как оно переживается и интерпретируется его пользователями (зрителями). С опорой на эту концепцию исследованы система советского управления кинотеатрами, их архитектурные образы в пространстве города, проблемы работы кинотеатров и отзывы зрителей о «походе в кино». Основные выводы исследования указывают, что, с одной стороны, кинотеатры являлись социальным пространством культурного досуга советских граждан, а с другой — кинопродукция, архитектурные образы кинотеатров, проводимые в них мероприятия были направлены на пропаганду советских идеологических канонов.

Ключевые слова: кинотеатр, социальное пространство, советская эпоха, киносет, кинопрокат, кинозритель

* **Волков Евгений Владимирович** — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ), руководитель проекта «Городской кинотеатр советской эпохи: трансформация социального пространства (Москва—Ленинград— Челябинск)» (20-09-00107).

E-mail: volkovev@susu.ru

Конышева Евгения Владимировна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник филиала «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, исполнитель того же проекта.

E-mail: e_kon@mail.ru

Сапронов Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: mvsapronov@mail.ru

Кинотеатр как объект исторического исследования

Кино на большом экране для советских людей, как свидетельствуют исторические источники, стало очень популярным средством развлечения и в то же время получения новых знаний.

Отечественная, советская и российская, а также зарубежная историографии уделяли не столь значительное внимание кинотеатрам как культурному явлению. Но в последнее время в рамках развития такого направления, как «новая история кино» («new cinema history»), когда в фокусе изучения находятся зритель и его рецепция кинопродукции, исследование кинотеатров становится важной составляющей данного процесса [22]. И здесь следует заметить, ссылаясь на мнения некоторых отечественных и зарубежных исследователей, что на зрителя всегда оказывают влияние не только содержание того или иного фильма, но и обстановка, и условия его просмотра: архитектурный, технический, интерьерный, коммуникативный и другие аспекты [2, 9–11, 18–21].

В целях изучения феномена кинотеатра с позиции исторического исследования вполне можно использовать категорию «социальное пространство», применяемую в социологических штудиях. Опираясь на концепцию французского философа и социолога Анри Лефевра о производстве социального пространства, мы изучали кинотеатр, по крайней мере, с трёх позиций: как пространство было задумано и осмысливалось, создавалось в материальных формах; как пространство функционировало в реальных условиях своего времени; как пространство переживалось и интерпретировалось его пользователями (зрителями) [22, 17, 1].

Согласно одной из точек зрения, которая нам представляется убедительной, социальное пространство городского кинотеатра советского времени конструировалось посредством деятельности трёх сторон: государства, прокатчиков и потребителей (зрителей). Поскольку интересы каждой из сторон менялись в зависимости

от конкретной социально-политической и экономической ситуации, постольку трансформировались как архитектурные образы, так и дискурс относительно содержания данного социального пространства.

Для релевантной реконструкции кинотеатра советской эпохи необходимо использовать корпус исторических источников, содержащих информацию о запросах и ожиданиях каждой из сторон, причастных к конструированию данного пространства. Во-первых, значительный пласт информации о кинотеатрах содержит делопроизводственная документация разных видов (отчёты, приказы, постановления, инструкции, предписания, служебные записки, справки, штатные расписания), как правило, отложившаяся в центральных и региональных архивах.

Во-вторых, различного рода справочники и путеводители по городам (в нашем случае – Москвы, Ленинграда и Челябинска) содержат информацию, в том числе и визуального характера, о внешнем облике и функциональном потенциале кинотеатров, их местоположении в городском ландшафте.

В-третьих, периодическая печать советского времени, безусловно, даёт информацию об официальных представлениях того, каким должен быть идеальный советский кинотеатр. Здесь же можно почерпнуть сведения о проблемах, связанных с функционированием кинотеатров в тот или иной период советской эпохи. Реклама фильмов и репертуар кинотеатров являлись неотъемлемой составляющей периодической печати. Эта информация даёт возможность на основе числа прокатных дней составить базу данных, с одной стороны, об «идеологически правильных фильмах», а с другой – о популярности тех или иных кинокартин. Другими словами, опираясь на такие данные, можно судить о том, какие фильмы предпочитал советский кинозритель и какие фильмы, с точки зрения властей, были обязательны для массового просмотра.

В-четвёртых, это-документы являются ещё одной важной группой исторических

источников для данного исследования. Прежде всего, это воспоминания (в том числе и устные свидетельства) кинозрителей и лиц, причастных к функционированию кинотеатров. Ещё одной разновидностью эго-документов являются письма, жалобы, телеграммы зрителей, рассказывающие о посещении кинотеатров и просмотре тех или иных фильмов.

В-пятых, важным информационным ресурсом обладают анкеты зрителей, которых опрашивали социологи советской эпохи. По ним можно выявить зрительские предпочтения относительно кинорепертуара и мнения о кинотеатрах как месте досуга.

В-шестых, источником являются здания кинотеатров, и здесь можно выделить несколько специфических источников групп. Прежде всего, это собственно материальные объекты: здания, как сохранившие свой первоначальный вид, так и зафиксированный исторический облик перестроенных или утраченных зданий в фото и кинодокументах. К этой же группе можно отнести и проектные материалы, отражающие поиск архитектурно-художественного образа киноздания. К вышеназванному корпусу источников примыкают документальные материалы, отражающие процесс формирования типа и образа советского кинотеатра (официальные регламентирующие документы, стенограммы профессиональных дискуссий, совещаний и т.п.), а также опубликованные в специализированной прессе критические обзоры конкурсных проектов, тексты архитекторов с обоснованиями тех или иных подходов к проектированию советского кинотеатра и т.д.

Кинотеатр в контексте государственного управления и партийного контроля

С точки зрения государственной политики развитие советской киносети и её основного звена — кинотеатра — можно разделить на нескольких этапов.

Первый этап (1918 г. — начало 1930-х гг.) ознаменовался установлением контроля

над кинотеатрами со стороны местных властей ещё задолго до декрета о национализации киноиндустрии (27 августа 1919 г.). Однако в данный период, в условиях только формирующегося авторитарного политического режима, администрация кинотеатров имела относительную свободу действий в сфере проката фильмов. Репертуар отличался разнообразием. В течение первого десятилетия второго этапа (начало 1930-х — середина 1950-х гг.) завершились полное огосударствление киносети и институциональное оформление системы управления кинотеатрами. Во время Великой Отечественной войны часть кинотеатров оказались уничтожены или закрыты. Но при этом советская мобилизационная пропаганда в пространстве кинотеатров приобрела значительные масштабы. В послевоенный период, в условиях резкого сокращения кинопроизводства в СССР, кинотеатры «выживали» за счёт проката зарубежного, так называемого трофейного кино.

На третьем этапе (вторая половина 1950-х — первая половина 1980-х гг.) произошли значительные изменения в социальном пространстве советского кинотеатра с точки зрения строительства и их технической оснащённости в связи с бурным развитием советской киноиндустрии и увеличением потока зрителей. При этом пропаганда советской идеологии и советского образа жизни в действиях сотрудников кинотеатров значительно сократилась, уступив место экономической составляющей, связанной с выполнением планов и получением прибыли. Советская пропаганда преимущественно подавалась зрителям посредством показа «правильных», с точки зрения властей, фильмов и их нечастых обсуждений при киноклубах.

Завершающий, четвёртый этап (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.) ознаменовался тем, что контроль и управление кинотеатрами со стороны государства и партийных органов стали ослабевать. V съезд кинематографистов (май 1986 г.) провозгласил переход к рыночной модели в развитии советского кинематографа,

киносети и кинопроката. В конце 1980-х гг. началось внедрение рыночных отношений в киносети и кинопрокате СССР. Преведняя, советская, система функционирования в данной сфере была ликвидирована, что привело к закрытию многих кинотеатров.

Кинотеатр в пространстве советского города

Эволюция архитектурно-градостроительной концепции советского городского кинотеатра в целом вписывается в выше-названную периодизацию, отражая общий историко-культурный контекст. В первые послереволюционные и 1920-е гг. образ советского кинотеатра не был значимым предметом архитектурных поисков, речь шла только о единичных экспериментальных проектах. Однако были сформулированы основные задачи и функции советского кино, оказавшие непосредственное влияние на принципы организации пространства советского кинотеатра. В понимании задач советского киноискусства на первое место выдвигались не развлекательная и рекреационная функции, а политико-пропагандистская и воспитательная. Советский кинотеатр позиционировался как место социальной адаптации, накопления культурного капитала, просвещения и воспитания. Средоточием подобных функций во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. являлся рабочий клуб, и кинопоказ был включён в общее течение клубной работы. Система кинопроката оказалась разделённой на два сегмента: исторических городских кинотеатров, сохранявших приоритетно коммерческую и развлекательную задачи, и клубных кинозалов с широким набором социальных функций.

Новый этап можно хронологически обозначить 1930-ми – серединой 1950-х гг. С начала 1930-х гг. стала проводиться целенаправленная политика массовой кинофикации и формироваться концепция советского городского кинотеатра [16]. Эта концепция полностью исходила из понимания идеологической и культурно-воспитательной

роли советского кино. Во многом наследуя клубную практику, советский кинотеатр понимался не только как архитектурное, но и как социальное пространство, место не индивидуально-семейного, но коллективного досуга, как важнейший центр культурно-политической работы. Социально-идеологическая составляющая была основной причиной сохранения в проектных нормативах 1930-х – середины 1950-х гг. приоритета площадей вспомогательных помещений для публики (в первую очередь, вестибюлей, фойе, кулуаров) по сравнению с площадью кинозалов, что кардинально отличало советскую практику от западной.

В этот период сложилась государственная сеть кинофикации, которая состояла из постоянных и летних кинотеатров, киноустановок в профсоюзных клубах, кинопередвижек. При этом даже к середине 1960-х гг. более половины киноустановок (52%) по-прежнему приходилось на клубную сеть [8, с. 11]. На протяжении всех советских десятилетий СССР значительно уступал Западной Европе и США как по числу кинотеатров в расчёте на одного жителя, так и в абсолютном числе кинотеатров в крупных городах, по количеству в них мест и средней вместимости одного кинотеатра. Поиск путей преодоления дефицита специализированных зданий породил феномен типового кинотеатра. В 1930-е – 1950-е гг. проектирование и строительство кинотеатров в городах сосредоточилось на двух «полюсах»: репрезентативные крупномасштабные здания по индивидуальным проектам для центров городов и типовые проекты для массовой сети. В последнем случае речь шла преимущественно об одноэтажных однозальных кинотеатрах небольшой ёмкости (300, 400 и 500 мест) и двухзальных кинотеатрах (600 и 800 мест) – именно они доминировали в практике массового строительства.

В 1930-е гг. также были определены принципы размещения кинотеатров в городском пространстве. Коммерческий подход, который превалировал в Европе и США, как и в дореволюционной России,

Ил. 1. Схема киносети г. Москвы. 1952 г. (РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 86. Л. 3). Закаменный О.Н. Кинотеатр центра города и центра городского района: Дисс... канд. арх. М., 1953. Т. 2. Табл. 1

предполагал приоритетное размещение кинозданий в городском центре, на главных улицах, бульварах и площадях. Вместе с сохранением и использованием до-революционных кинотеатров и с учётом относительно небольшого объёма строи-

тельства новых кинозданий этот принцип сохранил своё значение и в 1930-е – начале 1950-х гг. (ил. 1–3).

В противовес старому подходу основным принципом социалистической кинофикации провозгласили «возможно более

Ил. 2. Схема киносети г. Ленинграда. 1952 г. (РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 86. Л. 4). Закаменный О.Н. Кинотеатр центра города и центра городского района: Дисс... канд. арх. М., 1953. Т. 2. Табл. 2

Ил. 3. Схема киносети г. Челябинска. 1952 г. (РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 86. Л. 6). Закаменный О.Н. Кинотеатр центра города и центра городского района: Дисс... канд. арх. М., 1953. Т. 2. Табл. 4

равномерное размещение кинотеатров» [12, с. 23]. Была определена ступенчатая структура государственной киносети: центральные кинотеатры общегородского значения, кинотеатры районного значения, небольшие кинотеатры второй-третьей очереди

кинопоказа. В соответствии с теорией равномерности именно создание сети малых типовых кинотеатров, которыми можно было насытить рабочие районы и жилмассивы, представлялось приоритетной задачей. Однако проведенные в 1930-е – нача-

Ил. 4. Кинотеатр «Ленинград». Москва, 1959 г.
Источник: Журнал «Строительство и архитектура Москвы». 1959. № 7

Ил. 5. Кинотеатр «Спутник». Ленинград, 1960-е гг.

Ил. 6. Кинотеатр «Россия». Челябинск, 1967 г.
Фото Е. Мандросова

ле 1960-х гг. исследования (А.Я. Корнфельд, Н. Колли, В. Щербаков, Ю. Гнедовский и др.) показали недостаточность теории равномерности и приоритета малых кинотеатров, продемонстрировав необходимость учёта дополнительных критериев. Согласно этим исследованиям, опережающей оказывалась необходимость строительства средних и крупных кинотеатров в центрах городов и городских районов. Выводы этих и других исследований, как и анализ практики строительства, стимулировали переход с конца 1950-х – начала 1960-х гг. к приоритету крупного кинотеатра и трансформации принципов размещения кинотеатров в городском пространстве.

С точки зрения градостроительной роли и архитектурной образности советский кинотеатр 1930-х – 1950-х гг. мыслился как «важнейший общественный центр». Характерным был подход к зданию кинотеатра как к ядру архитектурно-градостроительного ансамбля. Архитектурный образ советского кинотеатра должен

был являть пример «высокого искусства» и формировать соответствующий стереотип «культурной нормы» и «культурного» поведения. В отличие от разнообразия архитектурного облика западных кинозданий архитектура советского кинотеатра 1930-х – 1950-х гг. соответствовала стилистической направленности советской архитектуры этого периода – неоклассицизму. Если в 1930-е гг. визуальное обозначение специфической функции здания ещё играло роль во внешнем облике (мотив «экрана» на главном фасаде, световое оформление, тематика скульптурных рельефов) и сохранялось стилевое разнообразие (постконструктивизм, ар-деко, ранний неоклассицизм), то во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. элементы архитектурно-художественного языка, непосредственно связанные с типом сооружения, были полностью нивелированы.

Проектирование и строительство массового городского кинотеатра в 1930-е – 1950-е гг. являли собой борьбу стремле-

УТВЕРЖДАЮ 2
 Штат в количестве 62,5
 единиц
 Заместитель Министра
 культуры РСФСР
 [Подпись] Шамшуров
 30 " августа 1954 г.

ШТАТНОЕ РАСПИСАНИЕ

Административно-управленческого, технического и обслуживающего персонала кинотеатра им. А.С. Пушкина в городе Челябинск городского управления культуры /составлено в соответствии с типовыми штатами, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 30 января 1954 года № 170/.

№ пп. : Наименование структурных подразделений и должностей	: Количество :		Примечание
	: штатных :	: единиц :	
Административно-управленческий персонал			
1. Директор	1	✓	Должностные обязанности административно-руководящему, техническому и обслуживающему персоналу устанавливаются в соответствии с постановлениями Совнаркома СССР от 22 сентября 1939 года № 1526 и от 30 января 1941 года № 213 и постановлением Совета Министров СССР от 30 января 1954 года.
2. Администратор	1	✓	
3. Старший бухгалтер	1	✓	
4. Бухгалтер	-	✓	
Технический и обслуживающий персонал			
1. Технический руководитель	1	✓	
2. Старший киномеханик	1	✓	
3. Киномеханик	5	✓	
4. Помощник киномеханика	4	✓	
5. Микшер	2	✓	
6. Нотариус	-	✓	
7. Старший кассир	1	✓	
8. Кассир	4	✓	
9. Старший билетер	1	✓	
10. Билетер	4	✓	
11. Старший контролер	1	✓	
12. Контролер	1	✓	
13. Художник	1	✓	
14. Дежурный читальня	1	✓	

Ил. 7. Штатное расписание сотрудников кинотеатра им. А.С. Пушкина. Челябинск, 1954 г. (ОГАЧО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 183. Л. 2)

ния к функциональности и экономичности, с одной стороны, и необходимости обеспечения дополнительных социально-культурных и идеологических функций и архитектурно-художественной ценности — с другой. Доминирование первого подхода над вторым характерно для третьего этапа развития советского городского кинотеатра, начавшегося с конца 1950-х гг. и продолжавшегося до конца советской эпохи. Как уже было сказано выше, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. наметился переход к приоритету крупного типового кинотеатра. Прогресс технологии кинопоказа — широкоэкранный, широкоформатный и панорамный показы — сделал этот

ориентир определяющим. Архитектурный образ подобных зданий соответствовал новой, модернистской направленности советского зодчества (в общем тренде с западной архитектурой) и демонстрировал интерес к архитектурной интерпретации новых инженерных технологий и материалов (ил. 4–6). Увеличение масштаба зданий кинотеатров и технологический прогресс, дающий возможность проектировать большие залы, стимулировал в 1970-е – 1980-е гг. обращение к идее кинотеатра с залом универсального использования в центре города или центрах административных районов и, шире, к типу многофункционального культурного центра. Эта идея получит дальнейшее и максимальное развитие в постсоветский период.

Ещё с дореволюционного периода в пространстве кинотеатра сложилось три уровня должностей его сотрудников. Во-первых, это административно-управленческие работники (директор, администратор, бухгалтер); во-вторых, технический персонал, представленный киномеханиками; в-третьих, вспомогательный персонал (кассиры, билетёры, уборщицы). С развитием

системы кинопроката появляются и новые должности в кинотеатрах: художники, музыканты, массовики по работе с детскими зрителями (ил. 7.). Основные цели работников советского кинотеатра состояли в том, чтобы обеспечить экономическую прибыль за культурный досуг и, развлекая, заниматься пропагандой советского образа жизни. Со временем, особенно в послесталинский период, первая цель становилась главной для работников кинотеатров.

Для советского зрителя кинотеатр являлся доступным и увлекательным местом проведения досуга. Конечно, в фокусе его интересов были фильмы, которые демонстрировались на экране, но при этом само

Ил. 8. На проспекте 25-го Октября (Невском проспекте) у кинотеатра «Художественный». Ленинград, 1941 г. (Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944 [фотоальбом] / [авт.-сост. В. Никитин]. СПб.: Лимбус Пресс, 2002)

Ил. 9. Афиша на фасаде кинотеатра «Художественный». Москва, 1971 г.

пространство кинотеатра также оставалось в памяти зрителей как место соприкосновения с искусством, а также увлекательно-кинозрелища и приобретения нового знания (ил. 8–9). Авторы этих строк реконструировали и показали данный процесс в своих публикациях [3–7, 13–15].

Сопоставляя развитие кинотеатров в Москве, Ленинграде и Челябинске (эти города взяты для сравнения столичного и регионального уровней), можно заметить сходные тенденции, проявлявшиеся в разные периоды советской эпохи. Отличались только масштабы с точки зрения числа кинотеатров, функционировавших в городском пространстве. Естественно, в Москве и втором по значимости городе СССР – Ленинграде – кинотеатров действовало на порядок больше, чем в Челябинске, одном из крупных городов Урала.

Таким образом, история любого кинотеатра как социального пространства, трансформирующегося под воздействием разных факторов во времени, – это история деятельности людей, по крайней мере, на трёх уровнях. Во-первых, создание ар-

хитектурных образов кинотеатров в материальных формах и правил их функционирования. Во-вторых, работа сотрудников кинотеатров в сфере культурного обслуживания кинозрителей. В-третьих, потребление и восприятие зрителями кинопродукции, а также обстановки и атмосферы кинотеатров в контексте «похода в кино».

Кинотеатры советской эпохи, с одной стороны, создавались и функционировали в русле общемировых тенденций в сфере кинопроката. Но, с другой стороны, кинопродукция, архитектурные образы кинотеатров, проводимые в них мероприятия были направлены и на пропаганду советских идеологических канонов. Власти в советской стране рассматривали кинотеатры как социальное пространство, в русле которого реализовывались экономические задачи (прибыль в сфере кинопроката), а также идеологические цели (воспитание советского человека). Для зрителей посещение кинотеатров являлось культурным досугом с целью как развлечения, так и приобретения нового опыта посредством погружения в историю, демонстрировавшиеся на экране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (126). С. 219–224.
2. Варганов А.С., Сальникова Е.В. Советский «поход в кино» как культурологический феномен // Художественная культура. 2019. Т. 2. № 3 (30). С. 119–121.
3. Волков Е.В., Сапронов М.В. Кинотеатры Челябинска во время Великой Отечественной войны: пространство пропаганды и «доступного развлечения» // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 71–86.
4. Волков Е.В. Кинотеатры Москвы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2021. № 2. С. 56–79.
5. Volkov E.V., Sapronov M.V. Soviet city cinema: approaches to historical research // Вестник Пермского университета. История. 2021. Вып. 3. (54). С. 114–126.
6. Волков Е.В. Московский кинотеатр «Художественный» в период революционных перемен // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22. № 2. С. 6–10.
7. Волков Е.В., Сапронов М.В. Кинотеатры Ленинграда военного времени: в период и после блокады // Новейшая история России. 2022. Т. 12. Вып. 3. С. 581–595.
8. Гнедовский Ю.П., Савченко М.Р. Кинотеатры (основы проектирования). М.: Стройиздат, 1968.
9. Жданкова Е.А. Частные кинотеатры в годы НЭПА как «свободное культурное пространство» // Время, вперед! Культурная политика в СССР: Сборник статей / Под ред. И.В. Глушченко, В.А. Куренного. М., 2013. С. 210–222.

10. Жданкова Е.А. Кинотеатры в СССР глазами зрителей: ожидания и повседневность в период НЭПа (на материале анкетирования и социологических опросов, проведённых в кинотеатрах) // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 136–143.
11. Жданкова Е.А. Кинотеатр для «нового человека». Досуг и кино в СССР в 1920-е годы // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 122–136.
12. Калмыков В.П. Архитектура и проектирование кинотеатров. М.: Гос. архитектурное изд-во Академии архитектуры СССР, 1941.
13. Конышева Е.В. Первый двухзальный кинотеатр в Челябинске в контексте формирования образа советского кинотеатра в 1930-е годы // Academia. Архитектура и строительство. 2021. № 1. С. 40–47.
14. Конышева Е.В. «Ставка на кино клуб сделана»: кино клуб ЧТЗ как архитектурное и социальное пространство // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 27–33.
15. Конышева Е.В. Советский городской кинотеатр 1930-х – 1950-х гг.: между научным анализом и практикой строительства // Архитектон: известия вузов. 2022. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archvuz.ru/2022_1/6/ (дата обращения: 14.03.2022).
16. Корнфельд Я.А. Архитектура советского городского кино // Проблемы архитектуры: Сборник материалов. Т. I. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. С. 245–296.
17. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelkapress, 2015.
18. Рябусова Д.Н. «На вечернем сеансе в небольшом городке...»: кино в контексте Великой Отечественной войны по воспоминаниям и письмам уральцев // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 3 (30). С. 99–109.
19. Цивьян Ю.Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991.
20. Hiley N. “At the Picture Palace”: The British Cinema Audience, 1895–1920 // Audiences. Defining and Researching Screen Entertainment Reception / Ed. by I. Christie. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. Pp. 25–34.
21. Lefcourt J. The Uses of the Cinema: French Cinema and Everyday Life (1918–1932). Cambridge: Harvard University Press, 2003.
22. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.
23. Maltby R. New Cinema Histories // Exploration new cinema history: approaches and case studies / Ed. by R. Maltby, D. Biltereyst, Ph. Meers. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley–Blackwell, 2011. Pp. 3–41.

City Cinema of the Soviet Time: Transformation of Social Space (on the Example of Moscow, Leningrad, Chelyabinsk)

Evgeny Vladimirovich Volkov – Doctor of Science (History), professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (SUSU), leader of the project ‘City Cinema of the Soviet Time: Transformation of Social Space (Moscow–Leningrad–Chelyabinsk)’ (20-09-00107).

E-mail: volkovev@susu.ru

Evgeniya Vladimirovna Konysheva – Candidate of Science (Art History), leading researcher of the Branch of Central Research and Development Institute of the Ministry of Construction of the Russian Federation, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Advisor to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, executor of the same project.

E-mail: e_kon@mail.ru

Maksim Viktorovich Sapronov – Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of National and Foreign History, SUSU, executor of the same project.

E-mail: mvsapronov@mail.ru

The study provides the main theses of a historical study of city cinemas of the Soviet era (on the example of Moscow, Leningrad, and Chelyabinsk). In this study, the cinema is studied as a social space, which, which French sociologist Henri Lefebvre believed consisted of three levels: how it is planned and implemented in a material form; how it functions in the actual conditions of its time; and how it is experienced and interpreted by its the users (audience). Based on this concept, the study investigates the system of Soviet management of cinemas, their architectural images in the urban landscape, the problems of operating cinemas, and audience's opinion on 'going to the cinema'. The key conclusions of the study indicate that, on the one hand, cinemas were a social space of cultural recreation for Soviet citizens, and, on the other hand, films, cinemas' architecture, and the events hosted in the cinemas were aimed at promoting Soviet ideological beliefs.

Keywords: cinema, social space, Soviet era, cinema network, film distribution, film audience

REFERENCES

1. Bedash Yu.A. Kontseptsiya sotsial'nogo prostranstva Anri Lefevra // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 11 (126). S. 219–224 (in Russian).
2. Vartanov A.S., Sal'nikova E.V. Sovetskii «pokhod v kino» kak kul'turologicheskii fenomen // Khudozhestvennaya kul'tura. 2019. T. 2. № 3 (30). S. 119–121 (in Russian).
3. Volkov E.V., Sapronov M.V. Kinoteatry Chelyabinska vo vremya Velikoi Otechestvennoi voyny: prostranstvo propagandy i «dostupnogo razvlecheniya» // Novyi istoricheskii vestnik. 2021. № 2 (68). S. 71–86 (in Russian).
4. Volkov E.V. Kinoteatry Moskvy v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8.: Istoriya. 2021. № 2. S. 56–79 (in Russian).
5. Volkov E.V., Sapronov M.V. Soviet city cinema: approaches to historical research // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2021. Vyp. 3. (54). S. 114–126.
6. Volkov E.V. Moskovskii kinoteatr «Khudozhestvennyi» v period revolyutsionnykh peremen // Vestnik YUUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2022. T. 22. № 2. S. 6–10 (in Russian).
7. Volkov E.V., Sapronov M.V. Kinoteatry Leningrada voennogo vremeni: v period i posle blokady // Noveishaya istoriya Rossii. 2022. T. 12. Vyp. 3. S. 581–595 (in Russian).
8. Gnedovskii Yu.P., Savchenko M.R. Kinoteatry (osnovy proektirovaniya). M.: Stroizdat, 1968 (in Russian).
9. Zhdankova E.A. Chastnye kinoteatry v gody NEPa kak «svobodnoe kul'turnoe prostranstvo» // Vremya, vpered! Kul'turnaya politika v SSSR: Sbornik statei / Pod red. I.V. Glushchenko, V.A. Kurenogo. M., 2013. S. 210–222 (in Russian).
10. Zhdankova E.A. Kinoteatry v SSSR glazami zritelei: ozhidaniya i povsednevnost' v period NEPa (na materiale anketirovaniya i sotsiologicheskikh oprosov, provedyonnykh v kinoteatrakh) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2013. Vyp. 3 (23). S. 136–143 (in Russian).
11. Zhdankova E.A. Kinoteatr dlya «novogo cheloveka». Dosug i kino v SSSR v 1920-e gody // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 3 (175). S. 122–136 (in Russian).
12. Kalmykov V.P. Arkhitektura i proektirovanie kinoteatrov. M.: Gos. arkhitekturnoe izd-vo Akademii arkhitektury SSSR, 1941 (in Russian).
13. Konysheva E.V. Pervyi dvukhzal'nyi kinoteatr v Chelyabinske v kontekste formirovaniya obraza sovetskogo kinoteatra v 1930-e gody // Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2021. № 1. S. 40–47 (in Russian).
14. Konysheva E.V. «Stavka na kinoklub sdelana»: kinoklub CHTZ kak arkhitekturnoe i sotsial'noe

- prostranstvo // Vestnik YUUrGU. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2021. № 1. S. 27–33 (in Russian).
15. Konysheva E.V. Sovetskii gorodskoi kinoteatr 1930-kh – 1950-kh gg.: mezhdru nauchnym analizom i praktikoi stroitel'stva // Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2022. № 1 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://archvuz.ru/2022_1/6/ (data obrashcheniya: 14.03.2022) (in Russian).
 16. Kornfel'd Ya.A. Arkhitektura sovetskogo gorodskogo kino // Problemy arkhitektury: Sbornik materialov. T. I. M.: Izd-vo Vsesoyuznoi Akademii arkhitektury, 1936. S. 245–296 (in Russian).
 17. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M.: Strelkapress, 2015 (in Russian).
 18. Ryapusova D.N. «Na vechernem seanse v nebol'shom gorodke...»: kino v kontekste Velikoi Otechestvennoi voiny po vospominaniyam i pis'mam ural'tsev // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2015. Vyp. 3 (30). S. 99–109 (in Russian).
 19. Tsiv'yan Yu.G. Istoricheskaya retsepsiya kino: Kinematograf v Rossii, 1896–1930. Riga: Zinatne, 1991 (in Russian).
 20. Hiley N. “At the Picture Palace”: The British Cinema Audience, 1895–1920 // Audiences. Defining and Researching Screen Entertainment Reception / Ed. by I. Christie. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. Pp. 25–34.
 21. Lefcourt J. The Uses of the Cinema: French Cinema and Everyday Life (1918–1932). Cambridge: Harvard University Press, 2003.
 22. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.
 23. Maltby R. New Cinema Histories // Exploration new cinema history: approaches and case studies / Ed. by R. Maltby, D. Biltereyst, Ph. Meers. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley–Blackwell, 2011. Pp. 3–41.

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 338.24.01

Код ГРНТИ 06.56.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-48-58

**Р.М. КАЧАЛОВ,
Ю.А. СЛЕПЦОВА***

Управление уровнем риска в условиях цифровой трансформации социально- экономических экосистем

Для успешного развития современные социально-экономические экосистемы нуждаются в освоении и использовании современных технологий в управлении уровнем риска. Цель данного исследования состоит в анализе методических проблем выявления факторов риска в процессе присоединения предприятия к социально-экономической экосистеме, обусловленных изменением характеристик внешней среды и цифровизацией экономического пространства.

Для исследования управления уровнем риска и выявления его характеристик используются методология и прикладной инструментальной операциональной теории управления риском и системной экономической теории. Обосновано, что социально-экономические экосистемы на базе цифровых многосторонних платформ могут рассматриваться как принципиально новые социотехнологические институты. Показано, что существует несколько уровней управления риском в рамках цифровой экосистемы и появления нового инструмента – контроля пользователей или потребителей – в управлении риском.

Показано, что управление риском в современных социально-экономических экосистемах тесно связано с ценностями нового поколения потребителей: безопасной окружающей средой и социальной ответственностью предприятий перед обществом в целом.

Ключевые слова: феномен экономического риска, управление уровнем риска, фактор риска, цифровые многосторонние платформы, социально-экономические экосистемы

* **Качалов Роман Михайлович** — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института РАН, руководитель проекта «Феномен риска в условиях цифровой трансформации социально-экономических экосистем» (20-010-00403).

E-mail: kachalov1ya@yandex.ru

Слепцова Юлия Анатольевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: julia_slepsova@mail.ru

С развитием современных цифровых технологий появились новые формы сотрудничества предприятий и организаций. Ранее в экономическом пространстве исследователи выделяли такие способы совместной деятельности предприятий, как вертикально интегрированные холдинги, системные интеграторы, региональные сети по франчайзингу и т.п. [1].

В последние годы в зарубежных и отечественных исследованиях наблюдается всплеск интереса к понятию «экосистема», которое понимается как новый способ описать предпринимательскую среду не только в новых технологических отраслях, но и во вполне устойчивых секторах экономики, таких как, например, финансовые услуги или производство [2].

Важная черта подобных, относительно новых организационных образований, на которую обращает внимание Г.Б. Клейнер, состоит в том, что «это не столько статическая совокупность участников (объектов и субъектов экономической деятельности), сколько своеобразное «силовое поле», объединяющее в динамике объекты, проекты, процессы и среды за счёт сил взаимного тяготения, инерции и взаимодействия» [3].

Само понятие «экосистема» было заимствовано из биологии. В биологических экосистемах существует множество элементов, например, колоний живых организмов, таких как экосистемы муравейника или пчелиного роя. Поднимаясь на уровень выше, можно рассматривать экосистему леса, поля и т.п. Стратегии многих живых организмов осуществляются на основе специфического взаимодействия или симбиоза с другими живыми организмами в экосистеме.

По аналогии понятие «экосистема» может быть рассмотрено в социальном, экономическом и цифровом (виртуальном) пространствах. Так, например, совместная деятельность в различных социальных экосистемах устроена весьма разнообразно: от условной «анонимности» в массе людей

на улицах мегаполиса, от усилий некоммерческих организаций для появления слабых связей и помощи малознакомым людям в городах до пристального интереса к жизни сообщества со стороны жителей в малых городах или сельской местности. Кооперативные взаимодействия в цифровом мире устроены несколько иначе, но и там можно провести некоторые аналогии, учитывая модульность отдельных программных блоков и возможность их использования во множестве программных комплексов.

Границы экосистемы как места нахождения некоторых социальных или экономических объектов, т.е. некоторого локализованного объекта, к примеру мегаполиса, с одной стороны, могут быть очерчены явно, а с другой – вовлечение в социальное и экономическое пространство крупного города работников других регионов, складских, транспортных и производственных комплексов, находящихся за его пределами, делает такие физические границы размытыми. Эволюция социально-экономических экосистем происходит без каких-либо специальных управленческих решений руководителей входящих в неё предприятий. В то же время руководители всех уровней на предприятии могут использовать возможности и ограничения, которые предоставляет им экзогенно сложившаяся структура. Некоторые авторы в своих исследованиях (например, [4]) по масштабу деятельности выделяют глобальные, локальные, отраслевые (секторальные) экосистемы. К последним они относят образовательные, предпринимательские, инженерные, проектные и другие экосистемы. С появлением новых форм организации бизнеса и кооперации между предприятиями, новых способов совместного создания ими ценностей для потребителя и добавленной стоимости многие границы между предприятиями и организациями, входящими в экосистему, становятся более динамичными и нечёткими.

Сотрудничество может приносить не только выгоды, но и приводить к конфликтам. В биологических и в социальных экосистемах конфликтные ситуации могут также решаться путём установления иерархических отношений с ограничением доступа к различным ресурсам. Современные коммуникационные технологии, институты репутации могут помочь решению конфликтов в социальных сообществах более мягкими способами. Новейшие программные средства и технологии позволяют коллективам программистов, работающих в разных регионах страны и за рубежом, совместно создавать цифровые платформы с большим потенциалом дальнейшего развития.

Сравнительно новый для использования в бизнес-сообществах институт медиации позволяет хозяйствующим субъектам в рамках объединений, созданных для совместной деятельности, разрешать экономические споры.

Цель настоящей работы – проанализировать методические проблемы выявления факторов риска при присоединении предприятия к социально-экономической экосистеме, обусловленных изменением характеристик внешней среды и цифровизацией экономического пространства.

Социально-экономические экосистемы на базе цифровых многосторонних платформ

Сложившиеся к настоящему времени междисциплинарные направления развития экономической теории и практики существенно обогатили возможности и виды организации совместной деятельности предприятий, организаций и потребителей, созданной ими продукции, товаров и услуг. Социально-экономические экосистемы рассматриваются на мезоуровне, а выделение мезоуровня следует принятой в неоклассике логике и опирается на те же микрооснования, которые образуют её методологический каркас [5].

Существование социально-экономической экосистемы в цифровом пространстве можно представить как результат взаимодействия многих объектов и субъектов экономической, предпринимательской и производственной деятельности. При такого рода взаимодействиях могут возникнуть и должны быть идентифицированы разнообразные факторы риска, которые, с одной стороны, специфичны для любого предприятия или иного экономического агента, входящего в состав социально-экономической экосистемы, а с другой – создают помехи существованию и развитию не только данного предприятия-участника, но и всей экосистемы [6].

Опыт показывает, что при внедрении цифровых технологий возникают совершенно новые способы обслуживания существующих потребностей и при этом могут реализоваться нелинейные формы информационно-коммуникационного взаимодействия с неявными пространственными и временными границами [7]. Так, например, если предприятия-конкуренты получают доступ к глобальным многосторонним платформам для маркетинговых исследований, разработок, дистрибуции своей продукции, то они могут быстро вытеснить хорошо зарекомендовавших себя поставщиков, улучшая качество, скорость или стоимость доставки производственных ресурсов [8].

При этом сетевая координация экономических агентов в цифровой среде в случае присоединения к таким многосторонним платформам характеризуется как вертикальными, так и горизонтальными связями.

Многосторонние цифровые платформы вместе с их окружением фактически стали основой процессов цифровизации экономики [9]. Это означает, что появились такие компании, бизнес-модель которых базируется на цифровой платформе, и при этом они используют «системы, активы, технологии и процессы, инфраструктура которых обеспечивает основу для разработки дополняющих продуктов и серви-

сов её автономными участниками, а также — основу для прямого взаимодействия с пользователями (например, Сбербанк, Яндекс, Mail.ru Group, Тинькофф, Ростелеком, 1С, МТС, Мегафон)» [10].

Подобные цифровые платформы (или цифровые социально-экономические экосистемы) охватывают как технологические, так и социально-экономические области человеческой деятельности и управления.

Таким образом, цифровые платформы — это сравнительно новые субъекты экономических отношений, но активно участвующие в распределении, обмене и потреблении экономических благ. Их задача состоит в обеспечении ускоренного улучшения качества жизни, конкурентоспособности продукции и услуг в современной экономике путём внедрения цифровых технологий [11].

Предприятие, имеющее узнаваемый и широко известный потребителям бренд (например, ПАО Сбербанк), будет осуществлять множество взаимодействий и альянсов с другими, хорошо зарекомендовавшими себя предприятиями и организациями из разных секторов экономики, которые при этом могут не взаимодействовать непосредственно друг с другом. Следовательно, такое предприятие, становясь владельцем многосторонней платформы, выстраивает на её базе сеть, открытую для других союзов и альянсов.

В то же время малоизвестное предприятие может быть вытеснено на периферию своей отрасли, в узкую рыночную нишу и будет вынуждено для продолжения своей деятельности объединяться с другими. Аналогичным образом организация с известным брендом может обладать на базе цифровой платформы более широким кругом взаимоотношений с предприятиями, выпускающими продукцию и товары, которые дополняют её продукт, или оказывающими сервисные услуги, связанные с её продуктом. Таким образом, здесь обнаруживается проявление эффекта положительной обратной связи, когда к социально-

экономической экосистеме предприятия с позитивной репутацией присоединяются предприятия-партнёры с известными брендами.

Феномен экономического риска

В условиях развития цифровых технологий исследование феномена риска в деятельности социально-экономической экосистемы фактически означает выявление источников и характеристик уязвимости такого объекта при реализации стратегии и на пути к достижению стратегических целей.

Уязвимость социально-экономических экосистем — достаточно размытое понятие, свойственное скорее цифровым технологиям и программным комплексам; оно может быть представлено как количественная характеристика устойчивости развития бизнесов экономических агентов, присоединившихся к цифровой многосторонней платформе.

Современные предприятия работают в сложной предпринимательской и операционной среде, порождающей новые виды факторов риска, практически неизвестные ещё несколько десятилетий назад (например, связанные с компьютерной безопасностью), и создающей благоприятные условия для возникновения событий и ситуаций риска, способные серьёзно нарушить текущую и долгосрочную деятельность отдельных предприятий или социально-экономических экосистем.

Различные проявления уязвимости экосистем могут быть результатом ошибок, допущенных при проектировании архитектуры платформы, которая лежит в основе социально-экономической экосистемы, атаки вредоносных программ и т.п. Сам термин «уязвимость» (англ. vulnerability) возник для обозначения недостатков в защите информационных систем, которые способны вызвать сбой, неправильную работу отдельных подсистем или узлов информационной системы и даже нарушить её целостность.

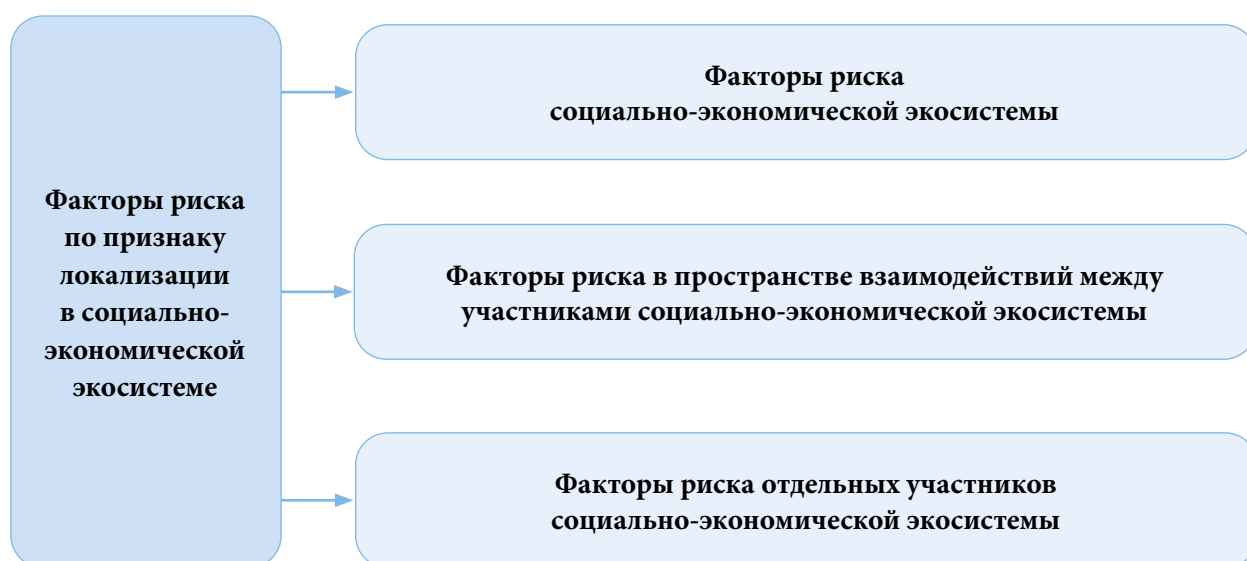

Рис. 1. Факторы риска по признаку локализации в социально-экономической экосистеме (разработано авторами)

Сразу же оговоримся, что феномен риска в данном случае рассматривается как негативное явление, суть которого состоит в том, что в работе социально-экономических экосистем выявляется спектр гипотетических препятствий достижению стратегических целей деятельности социально-экономических экосистем. Такое явление обнаруживается путём поиска и выявления неизвестных — в том числе и физически не обнаруживаемых — источников помех, которые можно трактовать как искусственные объекты в деятельности этих экосистем [12]. В составе понятия феномена риска, следуя основным положениям операциональной теории риска, обычно выделяют такие компоненты этого понятия, как ситуация экономического риска, уровень экономического риска, факторы риска, антирисковые управленческие воздействия [13]. Из практики управления риском понятно, что в первую очередь следует выявить и сформировать как можно более полное множество возможных факторов риска во всех структурных элементах рассматриваемой экосистемы.

Деятельность социально-экономической экосистемы на базе цифровых платформ состоит из таких компонентов, которые

можно перечислить, двигаясь — с известной долей условности — «сверху-вниз»: деятельность и различные взаимодействия предприятия — владельца цифровой платформы, взаимодействие (индивидуальное) каждого экономического агента — участника экосистемы с внешними предприятиями и организациями, а также внутрисистемное взаимодействие каждого экономического агента — участника экосистемы с потребителями и другими участниками экосистемы. Предприятие — владелец платформы для удовлетворения потребностей клиентов осуществляет координацию дополнительных действий предприятий-партнёров в процессе создания участниками экосистемы инновационных продуктов на базе общих активов. При этом уровень риска, связанный с поставками продукции и услуг в рамках экосистемы, может в некоторых случаях оказаться высоким, так как поставки в реальном, физическом пространстве могут стать причиной возникновения узких мест на пути создания ценности для потребителя.

Понятие феномена риска раскрывается обычно относительно стратегических целей деятельности социально-экономической экосистемы, например устойчивого развития экосистемы, сов-

местного создания нового продукта или услуги либо по отношению к стратегическим целям деятельности рассматриваемых подсистем, которые перечислены выше. Согласно такой структуризации целесообразно рассмотреть последовательно факторы риска (ФР), характерные для социально-экономической экосистемы в целом, затем ФР в пространстве межэлементных взаимодействий и, наконец, ФР, характерные для отдельных участников экосистем. Иными словами, это классификация ФР по признаку локализации рискогенного объекта в составе экосистемы (рис. 1). Необходимо отметить, что в данном случае базовый методологический индивидуализм не требует непереносимого «сведения социальных феноменов к индивидуальному поведению» [14].

Также вводится [15] новая концепция управления уровнем риска в цифровых социально-экономических экосистемах — концепция цифрового иммунитета, на основе которой в рамках цифровой платформы многие приложения смогут работать изолированно. Благодаря этому будет осуществляться разделение сценариев работы устройств для диссипации факторов риска с бо́льшим воздействием внешней, так называемой хакерской атаки. В процессе согласования

совместных усилий в пределах выделенной экосистемы первым шагом должно стать формулирование общей цели развития, а затем целей производственной деятельности отдельных предприятий. А в итоге должна быть выработана согласованная цель деятельности всего комплекса экономических агентов, входящих в социально-экономическую экосистему.

Критерии оценки управления уровнем риска в экосистемах

Выбор товаров и услуг, при производстве которых минимизируется влияние на окружающую среду, социальная ответственность производителя (под социальной ответственностью понимается помощь обществу со стороны производителя в решении острых социальных проблем) становится устойчивым трендом. О важности такого подхода пишут аналитики и средства массовой информации. Потребители всё чаще принимают во внимание вредные производственные выбросы при создании товаров и услуг, учитывают защищённость прав работников, отсутствие подневольного и детского труда и т.п.

Таким образом, можно заметить, что на выбор товаров и услуг влияет не только полезность этого частного блага в эко-

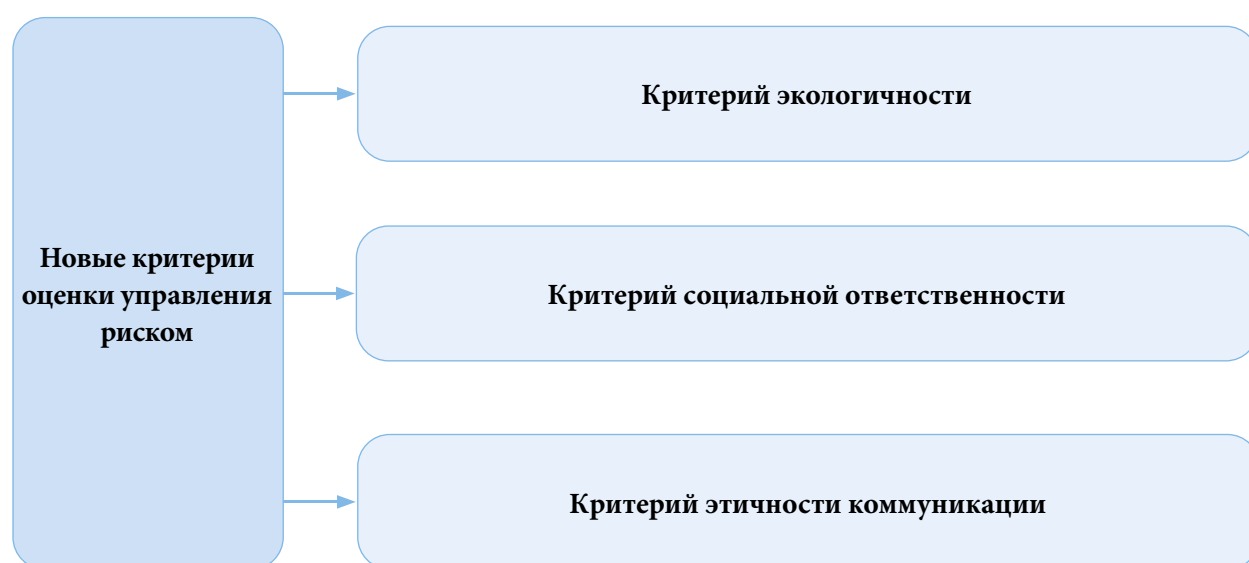

Рис. 2. Новые критерии оценки управления риском (разработано авторами)

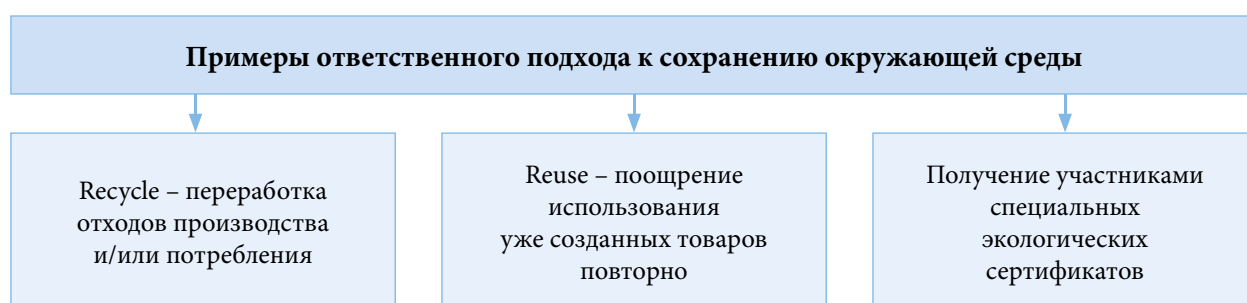

Рис. 3. Примеры применения критерия экологичности в деятельности социально-экономической экосистемы (разработано авторами)

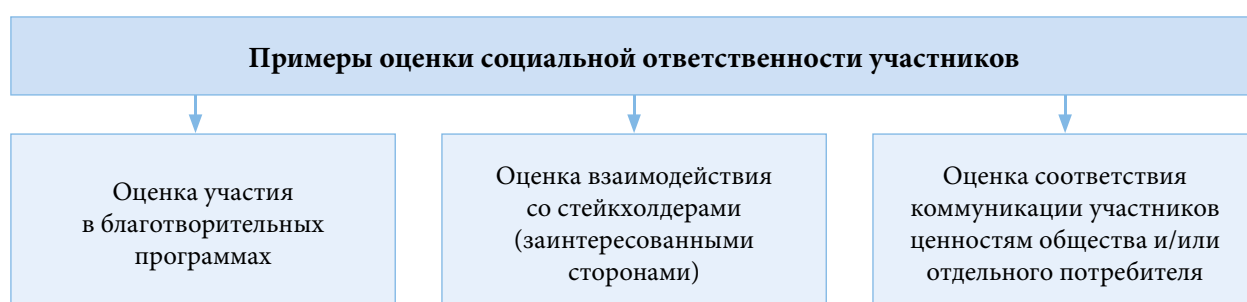

Рис. 4. Примеры оценки ответственности участников социально-экономической экосистемы перед обществом (разработано авторами)

номическом смысле, но и дополнительные ценности, такие как охрана окружающей среды и создание дополнительных общественных благ; и потребитель готов за это платить. Можно сказать, что возникают новые критерии оценки управления риском как на уровне отдельного экономического агента, так и на уровне социально-экономической экосистемы на базе многосторонней цифровой платформы (рис. 2).

Критерий экологичности обусловлен сохранением природных ресурсов и поддержанием биоразнообразия при осуществлении экономической деятельности. Для этого используется такой инструментарий, как переработка отходов производства и/или потребления (recycle) и создание из них инновационных материалов; поощрение потребителей использовать уже созданные товары повторно (reuse); получение производителями специальных экологических сертификатов (рис.3).

Критерий социальной ответственности производителей товаров и услуг, присоединившихся к многосторонней цифровой платформе, понимается как ответственность этих экономических агентов (предприятий и организаций) перед обществом за результаты своей деятельности. Социальная ответственность также может быть рассмотрена, с одной стороны, как защитная реакция или институциональная форма вынужденной адаптации предприятий и организаций к растущим требованиям гражданского общества и государственных регуляторов. А с другой – как своеобразная ответная реакция со стороны организации – маркетинговая технология укрепления имиджа предприятия или как обратная реакция – способ экспансии норм и практик на контрагентов и партнёров по глобальным цепям поставок [16].

Если проводить оценку социальной ответственности, то элементами такой оценки будут стратегия предприятия; применя-

ющиеся технологии; операционное управление предприятием; благотворительность; взаимодействие с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами); качество коммуникаций, соответствие коммуникаций ценностям как общества в целом, так и отдельного потребителя (рис. 4).

Критерием этичности коммуникации могут служить мотив и цель коммуникации. Одним из значимых факторов риска нарушения этичности на уровне владельца многосторонней платформы или производителя товаров и услуг может быть намеренное искажение фактов при предоставлении информации о неэтичной коммуникации.

Социальная ответственность потребителя на уровне транзакции может выражаться в покупке того или иного изделия с логотипом благотворительного фонда, когда часть выручки перечисляется на поддержку фонда, предоставившего товар. Ответственность за проверку деятельности фондов несут специализированные цифровые платформы-агрегаторы, такие как, например, «Добро Mail.ru», «Нужна помощь» и т.п.

Исследователи сетей отмечают, что именно способность строить целостные сообщества на членстве в группе, а не индивидуализме, позволяет социальным и экономическим акторам лучше контролировать ситуацию [17].

Заключение

В то же время наиболее опытные руководители предприятий могут предвидеть появление узких мест или потенциальных факторов риска нежелательного развития предприятий в социально-экономической экосистеме. Например, признание того факта, что кроссплатформенное программное обеспечение, а не аппаратное обеспечение, станет наиболее важным фактором для желательной эволюции индустрии персональных компьютеров, определило характер дальнейшего развития социально-экономической экосистемы по их производству и реализации. Руко-

водители предприятий не всегда принимают во внимание именно самые важные факторы риска неблагоприятного развития социально-экономической экосистемы. Гораздо чаще их тревожат факторы риска взаимодействий с внешней средой, и именно в состав этих видов взаимодействий они включают связи и взаимодополняемость компонентов социально-экономической экосистемы.

В заключение отметим, что современные тенденции в обществе, такие как устойчивое развитие, взаимосвязанность инфраструктур и цифровые технологии, получили развитие благодаря внедрению новых инструментов операциональной теории управления уровнем риска [18]. Вопросы выявления факторов риска в деятельности социально-экономической экосистемы на базе многосторонней цифровой платформы и выработка антирисковых управленческих воздействий являются предметом острых дискуссий исследователей и практиков. В настоящее время отсутствует согласие в отношении выявления факторов риска на уровне предприятия – владельца цифровой платформы и предприятий – производителей товаров и услуг, а также и новых возможных практик контроля со стороны потребителя.

Феномен риска в деятельности социально-экономической экосистемы на базе многосторонней цифровой платформы был исследован на следующих уровнях:

- на уровне владельца платформы при разработке и эксплуатации такой многосторонней цифровой платформы;
- на уровне взаимодействия владельца цифровой платформы с внешней средой: государственными регуляторами, иными цифровыми платформами, экономическими агентами, еще не присоединившимися к платформе;
- на уровне деятельности каждого отдельного экономического агента, присоединившегося к цифровой социально-экономической экосистеме;
- на уровне экономического агента – потребителя.

Современные многосторонние цифровые платформы как своеобразные социотехнологические институты создают социальную среду, которая не только влияет на эконо-

мическое поведение потребителя, но и формирует навыки выявления достоверной информации, заботы об окружающей среде, а также кооперативные нормы поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слепцова Ю.А., Качалов Р.М. Интеграционная стратегия предприятия в условиях цифровой трансформации экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 5. С. 7–21. DOI: 10.18721/Е.11501.
2. Jacobides M., Cennamo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018. Vol. 39. Issue 8. Pp. 2255–2276.
3. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.
4. Трабская Ю., Метс Т. Экосистема как источник предпринимательских возможностей. Форум сайт, 2019. № 13 (4). С. 10–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.10.22.
5. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 2017. № 9 (3). Pp. 7–23. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.3.007-023.
6. Song A. The Digital Entrepreneurial Ecosystem – a critique and reconfiguration // *Small Business Economics*. 2019. № 51 (2). Pp. 501–514. DOI:10.1007/s11187-019-00232-y.
7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общества, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
8. Yablonsky S. A multidimensional platform ecosystem framework // *Kybernetes*. 2020. Vol. 49. № 7. Pp. 2003–2035. DOI: 10.1108/K-07-2019-0447.
9. Маркова В.Д. Бизнес-модели компаний на базе платформ // *Вопросы экономики*. 2018. № 10. С. 127–135. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-10-127-135.
10. Жданов Д.А. Цифровая трансформация: платформенные экосистемы как инструмент управления высокотехнологичным бизнесом // *Управленческие науки*. 2021. № 11 (4). С. 25–39. DOI:10.26794/2404-022X-2021-11-4-25-39.
11. Степнов И.М. Экономические агенты и принципы их функционирования в цифровом пространстве // *Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях цифровой экономики: Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции*. СПб., 2019. С. 274–279.
12. Качалов Р.М. Феномен риска как искусственный объект экономических исследований // *Новое измерение в управлении рисками – стремление в будущее: Сборник научно-практических статей*. М.: Деловой экспресс, 2019. С. 6–13.
13. Качалов Р.М. Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения. СПб.: Нестор-История, 2012.
14. Oliveira T.D., Suprinyak S.E. The nature and significance of Lionel Robbins' methodological individualism // *Economia*. 2018. Vol. 19. Pp. 24–37. <https://doi.org/10.1016/j.econ.2017.08.001>.
15. Слепцова Ю.А., Качалов Р.М. Риски стратегического развития социально-экономической экосистемы предприятия. Секция 2. «Модели и методы разработки стратегии предприятия». Сборник докладов участников секционных заседаний XXI Всероссийского симпозиума. Москва, 10–11 ноября 2020 г. С. 308–310. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-010-00403 А). DOI: 10.34706/978-5-8211-0783-1-s2-34.
16. Фролов Д.П., Шулимова А.А. Институциональная системность социальной ответственности бизнеса (природа, институции, механизм) // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2013. № 5 (1). Pp. 124–144.

17. Подопригора А.В. Доверие как ключевой ресурс социально-экономического развития информационного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 11. С. 393.
18. Качалов Р.М. Феномен риска как искусственный объект экономических исследований // Проблемы анализа риска. 2020. № 17 (1). С. 100–108. DOI: 10.32686/1812-5220-2020-17-1-100-108.

Risk Management amidst Digital Transformation of Socio-Economical Ecosystems

Roman Mikhailovich Kachalov – Doctor of Science (Economy), Professor, Head of the Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute, RAS, leader of the project ‘Phenomenon of Risk in the Conditions of Digital Transformation of Socio-Economic Ecosystems’ (20-010-00403).

E-mail: kachalov1ya@yandex.ru

Yuliya Anatolievna Sleptsova – Candidate of Science (Economy), leading researcher of the Central Economics and Mathematics Institute, RAS, executor of the same project.

E-mail: julia_sleptsova@mail.ru

For successful development, modern socio-economic ecosystems require mastering and using advanced technologies for risk management. The purpose of this study is to analyse the methodological problems of identifying risk factors when a business enters a socio-economic ecosystem resulting from changes in the environment characteristics and digitization of the economic space.

In this study, the authors use the methodology and applied tools of the operational theory of risk management and systemic economic theory to investigate the risk management and identify its features. It is substantiated that socio-economic ecosystems built on digital multi-stakeholder platforms can be viewed as fundamentally new socio-technological institutions. The paper demonstrates different levels of risk management within the digital ecosystem and the emergence of a new tool – user or consumer control – in risk management.

The paper reveals that risk management in modern socio-economic ecosystems is tightly linked to the values of the new generation of consumers: safe environment and overall socially responsible businesses.

Keywords: economic risk phenomenon, risk management, risk factor, digital multi-stakeholder platforms, socio-economic ecosystems

REFERENCES

1. Sleptsova Yu.A., Kachalov R.M. Integratsionnaya strategiya predpriyatiya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii ekonomiki // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki. 2018. T. 11. № 5. S. 7–21. DOI: 10.18721/JE.11501 (in Russian).
2. Jacobides M., Cennamo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems. Strategic Management Journal. 2018. Vol. 39. Iss. 8. Pp. 2255–2276.
3. Kleiner G.B. Ekonomika ekosistem: shag v budushchee // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2019. № 1 (59). S. 40–45 (in Russian).
4. Trabskaya Yu., Mets T. Ekosistema kak istochnik predprinimatel'skikh vozmozhnostei. Forsait, 2019. № 13 (4). S. 10–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.4.10.22. (in Russian).

5. Kirdina-Chendler S.G., Maevskii V.I. Metodologicheskie voprosy analiza mezourovnya v ekonomike // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy), 2017. № 9 (3). Pp. 7–23. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.3.007-023 (in Russian).
6. Song A. The Digital Entrepreneurial Ecosystem – a critique and reconfiguration // Small Business Economics. 2019. № 51 (2). Pp. 501–514. DOI:10.1007/s11187-019-00232-y.
7. Kastel's M. Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestva, kul'tura. M.: GU VSHE, 2000 (in Russian).
8. Yablonsky S. A multidimensional platform ecosystem framework // Kybernetes. 2020. Vol. 49. № 7. Pp. 2003–2035. DOI: 10.1108/K-07-2019-0447.
9. Markova V.D. Biznes-modeli kompanii na baze platform // Voprosy ekonomiki. 2018. № 10. S. 127–135. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-10-127-135 (in Russian).
10. Zhdanov D.A. Tsifrovaya transformatsiya: platformennye ekosistemy kak instrument upravleniya vysokotekhnologichnym biznesom // Upravlencheskie nauki. 2021. № 11 (4). S. 25–39. DOI:10.26794/2404-022X-2021-11-4-25-39 (in Russian).
11. Stepnov I.M. Ekonomicheskie agenty i printsipy ikh funktsionirovaniya v tsifrovom prostranstve // Upravlenie innovatsionnymi i investitsionnymi protsessami i izmeneniyami v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki: Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPb., 2019. S. 274–279 (in Russian).
12. Kachalov R.M. Fenomen riska kak iskusstvennyi ob"ekt ekonomicheskikh issledovaniy // Novoe izmerenie v upravlenii riskami – stremlenie v budushchee: Sbornik nauchno-prakticheskikh statei. M.: Delovoi ekspress, 2019. S. 6–13 (in Russian).
13. Kachalov R.M. Upravlenie ekonomicheskim riskom: teoreticheskie osnovy i prilozheniya. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012 (in Russian).
14. Oliveira T.D., Suprinyak C.E. The nature and significance of Lionel Robbins' methodological individualism // Economia. 2018. Vol. 19. Pp. 24–37. <https://doi.org/10.1016/j.econ.2017.08.001>.
15. Sleptsova Yu.A., Kachalov R.M. Riski strategicheskogo razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi ekosistemy predpriyatiya. Sektsiya 2. «Modeli i metody razrabotki strategii predpriyatiya». Sbornik dokladov uchastnikov sektsionnykh zasedanii XXI Vserossiiskogo simpoziuma. Moskva, 10–11 noyabrya 2020 g. S. 308–310. Rabota vypolnena pri finansovoi podderzhke Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy (proekt № 20-010-00403 A). DOI: 10.34706/978-5-8211-0783-1-s2-34 (in Russian).
16. Frolov D.P., Shulimova A.A. Institutsional'naya sistemnost' sotsial'noi otvetstvennosti biznesa (priroda, institutsii, mekhanizm) // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy). 2013. № 5 (1). Pp. 124–144 (in Russian).
17. Podoprighora A.V. Doverie kak klyuchевой resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya informatsionnogo obshchestva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 11. S. 393 (in Russian).
18. Kachalov R.M. Fenomen riska kak iskusstvennyi ob"ekt ekonomicheskikh issledovaniy // Problemy analiza riska. 2020. № 17 (1). S. 100–108. DOI: 10.32686/1812-5220-2020-17-1100-108 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК УДК I (091)
Код ГРНТИ 00.09; 00.11
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-59-73

**И.Д. ОСИПОВ,
А.Е. РЫБАС***

Теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии

Анализ теоретического наследия философской науки в Ленинграде—Петербурге представляется актуальным для лучшего понимания особенностей становления и формирования философии в России. В городе были различные философские школы и направления (философии науки и культуры, социальной философии и истории философии), которые оказали значительное влияние на философскую науку в стране. Принципиальное значение имеют конкретный анализ институциональных и социокультурных аспектов становления философской культуры в Санкт-Петербурге, изучение важнейших результатов творчества философов города, форм и методов освоения ими мировой философской мысли, ибо тем самым существенно расширяются знания теоретических и аксиологических особенностей отечественной философии и культуры.

В статье обращается внимание главным образом на философию науки и культуры в Ленинграде—Петербурге второй половины XX – начала XXI в., так как именно эти философские дисциплины обусловили процесс существенной трансформации философского знания от догматического марксизма к множеству различных продуктов философского творчества. Авторы анализируют идеи представителей Ленинградской школы философии науки В.И. Свидерского, В.П. Бранского, В.П. Тугаринова и В.А. Штоффа, которые посредством синтеза актуальных в Европе XX в. научно-философских концепций и оригинально истолкованного марксизма предложили выход на другие философские проблемы, инициировав тем самым появление новых философских дисциплин. Кроме того, рассмотрены особенности формирования в Санкт-Петербурге философии культуры, представленные в исследованиях М.С. Кагана, Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова, В.В. Савчука, А.В. Демичева, Э.В. Соколова и В.Ю. Сухачёва, а также становление и развитие истории русской философии благодаря работам А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова и А.Ф. Замалеева.

* **Осипов Игорь Дмитриевич** — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Теоретическое наследие философии в Ленинграде—Петербурге. Вторая половина XX века» (20-011-00144).

E-mail: idosipov@mail.ru

Рыбас Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры Института философии СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: arybas@spbu.ru

Ключевые слова: философия науки, философия культуры, культурология, советский марксизм, личность, свобода, история русской философии

Ленинградская школа философии науки

Если рассматривать теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии второй половины XX в. как закономерный результат систематического продумывания определённого круга проблем, актуальность которых сохраняется и в настоящее время, то нельзя не отметить ту особую роль, которую сыграла в этом процессе философия науки. Появившийся в середине XX в. среди широких кругов ленинградских гуманитариев интерес к философии науки привёл не только к образованию соответствующего направления в советской философии, но и к открытию новых предметных областей философского знания. Из, казалось бы, узкоспециализированного дискурса, строго регламентирующего как содержание, так и методологию исследования, а именно из философии науки, вырастают тематически разнообразные формы философствования, охватывающие целый ряд новых, с точки зрения официального советского марксизма, проблем: синергетики, антропологии, аксиологии, философии сознания, культурологии, социальной философии, футурологии и т.д., вплоть до проблематики экзистенциализма и танатологии.

Причина, в силу которой философия науки стала источником появления столь различных дисциплин, кроется, с одной стороны, в том, что советская идеология, особенно в период «оттепели», была достаточно лояльной к науке и даже способствовала тому, чтобы советские философы в своих работах учитывали современные достижения научного знания, а с другой — в специфике научного знания и той «картины мира», которая сложилась в европейской философии науки в середине XX в., особенно в её позитивистской трактовке. Кроме того, обращаясь к проблематике

философии науки, советские философы получали возможность максимально реализовать свою свободу творчества. Как известно, в условиях идеологического господства марксистской философии, понимавшейся как «последовательно научное философское мировоззрение, а также общая методология познания объективного мира» [1, с. 726], апелляция к науке и требование прояснения принципов научности философского мышления выглядели вполне законными. Поскольку «образцом» научного познания считались науки точные и естественные, то именно естествознание стало ареной для самых новаторских философских экспериментов. В.П. Бранский, один из важнейших представителей Ленинградской школы философии науки, писал об этом: «Так как в советское время все исследования в области философских дисциплин находились под строгим и неусыпным идеологическим контролем со стороны партийных органов, свобода научно-исследовательской деятельности могла быть обеспечена только там, где эта деятельность была очень далека от социальных проблем. Именно такой областью оказалась философия современного точного естествознания, ядром которой была философия физики... Таким образом, философия физики стала тем уникальным бастионом свободы, находясь в котором, можно было разрабатывать практически любые идеи, не оглядываясь на партийные органы. Ничего подобного не существовало в других сферах содержательного философского знания» [2, с. 47].

Конечно, подлинное философское творчество было возможным в то время лишь в ограниченном и замаскированном виде, т.е. выступало в форме научного познания «законов» или «наиболее общих характеристик» объективной реальности. Но, тем не менее, это был вполне самостоятельный

опыт мышления, требующий от философа ответственности за принятие решений и отстаивание полученных результатов. Неудивительно, что проблематика философии науки стала привлекать к себе внимание наиболее талантливых интеллектуалов своего времени, а также харизматических личностей и организаторов, и в результате на философском факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ) сложилась благоприятная атмосфера для дискуссий, предполагающих «свободное, творческое взаимодействие учёных» [3, с. 5].

Можно выделить основные тематические блоки, появившиеся вследствие попыток философского осмысления теоретических и практических достижений научно-технической революции и определившие содержание дискуссий на философском факультете ЛГУ во второй половине XX в. Это, во-первых, обоснование важной роли «субъективного фактора» в когнитивном описании объективной реальности; во-вторых, идея моделирования объекта в процессе его познания; в-третьих, теория идеала как необходимого компонента научной истины. Каждый из этих тематических блоков, изначально возникший в процессе решения актуальных вопросов философии науки, впоследствии, по мере развития соответствующих идей и концептов, стал основанием для творческого расширения философского интереса, появления новых тем и сюжетов. Так, тезис о важности субъективного фактора в научном познании трансформировался в доказательство необходимости понимания человека как личности, что, в свою очередь, открыло простор для развития персонологии, акмеологии и философской антропологии. Идея моделирования объекта в научном познании при её дальнейшем продумывании привела к тезису об универсальности этого процесса: было показано, что моделирование свойственно не только научно-познавательным практикам, но и всем формам социокультурного общения. Теория моделирования, таким

образом, стала использоваться в более широком контексте — для демонстрации возможности не только объяснения, но и понимания, что привело в итоге к проблемам философской герменевтики, философии сознания [4] и теории коммуникации [5]. Наконец, диалектика идеала и научной истины стимулировала разработку аксиологической проблематики, что в той или иной степени способствовало постановке целого ряда новых вопросов социальной философии (например, концепция гуманной цивилизации [6], идеи многополярного мира), а также появлению особой дисциплины — культурологии [7].

Начало теоретическому оформлению Ленинградской школы философии науки положил Владимир Иосифович Свидерский (1910–1994) (фото 1), доказывавший необходимость системного представления объекта. Он исходил из того, что «мир как движущая материя представляет собой... бесконечное многообразие пребывающих процессов, находящихся во взаимной связи и взаимообуславливающих друг друга, переходящих друг в друга и т.д., причём все конкретные состояния в мире, их связи и отношения в силу относительности и противоречивости движения — преходящи и противоречивы» [8, с. 10]. Отсюда следовала задача — найти такой способ описания становящейся объективной реальности, который позволил бы зафиксировать единство в многообразии и уловить закономерности перманентных трансформаций. Для решения этой задачи В.И. Свидерский стал использовать понятия «структура» и «элементы», сосредоточив внимание на выявлении научно-философских принципов анализа отношений между элементами внутри объекта, представленного в виде сложно организованной структуры, и между элементами и структурой как системным целым. Заметим, что, предлагая в качестве нововведения в марксистскую философию диалектику структуры и элементов, В.И. Свидерский отличал её от диалектики формы и содержания, утверждая, что причиной такого нововведения явля-

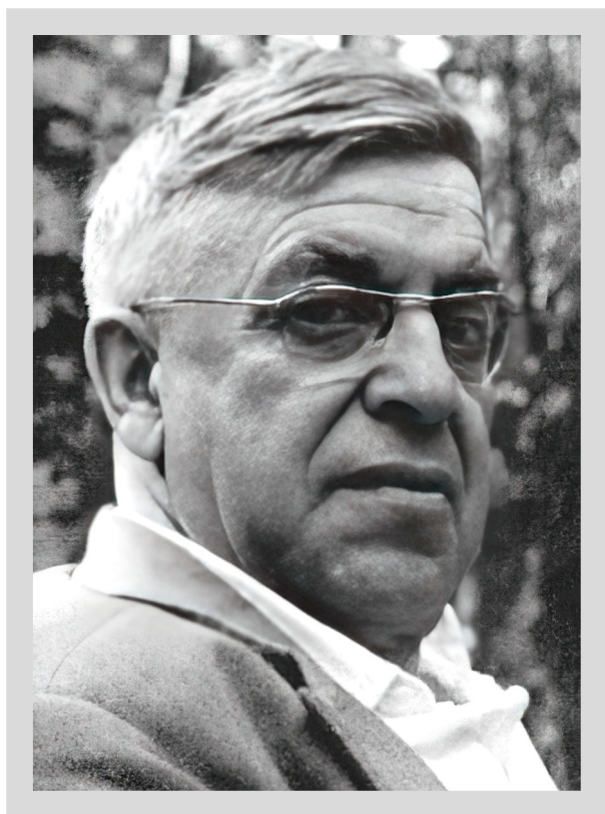

Фото 1. Профессор В.И. Свидерский

ется необходимость учитывать «некоторые новые диалектические представления, вытекающие из обобщения данных конкретных наук» [8, с. 12]. Практически во всех его работах отстаивается тезис об активности субъекта в процессе познания. Уже в докторской диссертации «О развитии пространственно-временных представлений в физике и их философском значении» (1955) он проводил мысль о том, что категории «пространство» и «время» нельзя трактовать упрощённо, считая их априорными формами чувственного созерцания (так как это ведёт к феноменализму и выводу о непознаваемости «вещей в себе») и догматически отождествляя пространство и время с бытием, т.е. материей (так как это ведёт к объективизму и наивному реализму — тем формам докритической философии, которые обуславливаются верой в совпадение порядка идей и порядка вещей). Согласно В.И. Свидерскому, пространство и время — это объективные формы существования материи, вечно движущейся

и изменяющейся, однако сами они не являются материей, а лишь позволяют субъекту, вовлечённому в процесс познания, фиксировать относительную устойчивость и постоянную трансформацию материальных образований, или объектов.

В исследованиях Василия Петровича Тугаринова (1898–1978) (фото 2) проблематика субъекта получает дальнейшее развитие и в итоге трансформируется в проблематику личности человека, его свободы, смысла жизни и оптимального общественного устройства, что предполагает моделирование общезначимого социального идеала. Его труды наряду с работами Э.В. Ильенкова, Н.И. Лапина, М.К. Мамардашвили и Г.С. Батищева сыграли особую роль в разработке проблемы личности в марксистской философии и способствовали совершенствованию методологии социальной философии. В.П. Тугаринов развивал новые для советской философии аксиологические исследования, изучал ценностные основания познания, идеальные и материальные феномены бытия человека и общества, лично-общественные коммуникации в культуре как мире ценностей. Он выявил основные черты «гуманной цивилизации»: плюралистический взгляд на мир, человека и общество, который обеспечивает свободу мысли и действий людей и не ведёт к анархизму в обществе и релятивизму в познании; формирование социальных институтов, способных гарантировать реализацию свободы; обеспечение благоприятных условий для творческого развития и нравственного совершенствования личности; критика буржуазной, эгоистической морали и образа жизни. В понимании В.П. Тугаринова исторический материализм Маркса приобретает экзистенциальный смысл, и в результате человек-рабочий осмысливается в контексте возможностей развития его внутреннего мира. С одной стороны, личность человека содержательно определяется внешними условиями его жизни, прежде всего положением и функцией в системе производства, но, с другой стороны, уро-

вень культуры и развития личности влияет на качество его работы, человек творчески относится к своему делу.

В.П. Тугаринов многократно подчёркивал, что личность не может всецело определяться внешними условиями, ибо человек по своей природе свободен. Именно свобода позволяет человеку ставить перед собой цели и стремиться к их достижению. Смысл жизни человека обуславливается свободно избранным идеалом, который, в свою очередь, детерминирует жизнь человека. В.П. Тугаринов настаивал на вариативности смысла жизни: этот тезис прямо следовал из утверждения о сложности и противоречивости окружающего мира, или объективной реальности, и высказывался как альтернатива упрощенческим метафизическим и религиозным трактовкам человека и единого для всех смысла жизни. Из того факта, что у каждого человека смысл жизни «свой», не следует, однако, что социальная жизнь как целое невозможна. Напротив, только при наличии социально-значимых идеалов, или всеобщей цели, у конкретного человека появляется действительный смысл его жизни, и содержательное определение этого смысла происходит в результате анализа диалектической взаимосвязи части и целого, а также индивидуального и социального. Тезис о вариативности смысла жизни подкреплялся также указанием на факт разнообразия человеческих личностей, каждая из которых имеет свою, относительную ценность. Безусловной шкалы ценностей, при помощи которой можно было бы ранжировать человеческое достоинство, как доказывал В.П. Тугаринов, не может быть, ибо не существует абстрактного человека, жизнь которого регулировалась бы единым, универсальным принципом. Исходя из этого он предложил определение смысла жизни как «сознательно поставленной цели, имеющей общественное значение и составляющей главный и постоянный интерес человека» [9, с. 6].

Размышления о смысле жизни человека закономерно приводили В.П. Тугарино-

Фото 2. Профессор В.П. Тугаринов, декан философского факультета ЛГУ (1951–1960)

ва к вопросу моделирования идеального общественного устройства, а также стимулировали его критическую рефлексию существующего положения дел. Ни современное В.П. Тугаринову социалистическое общество, ни тем более капиталистическое не соответствовали провозглашённым им идеалам. Реально существующего человека он характеризует как «человека, обладающего исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующегося или способным пользоваться в соответствии со своими внутренними качествами определёнными правами и свободами, вносящего свой индивидуальный вклад в развитие общества и ведущего образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи или класса» [10, с. 88]. В условиях капитализма человек вынужден преодолевать максимальное количество препятствий на его пути к личности. «Человек в современном буржуазном обществе, — писал В.П. Тугаринов, — отравляется не только отбросами, но и продуктами

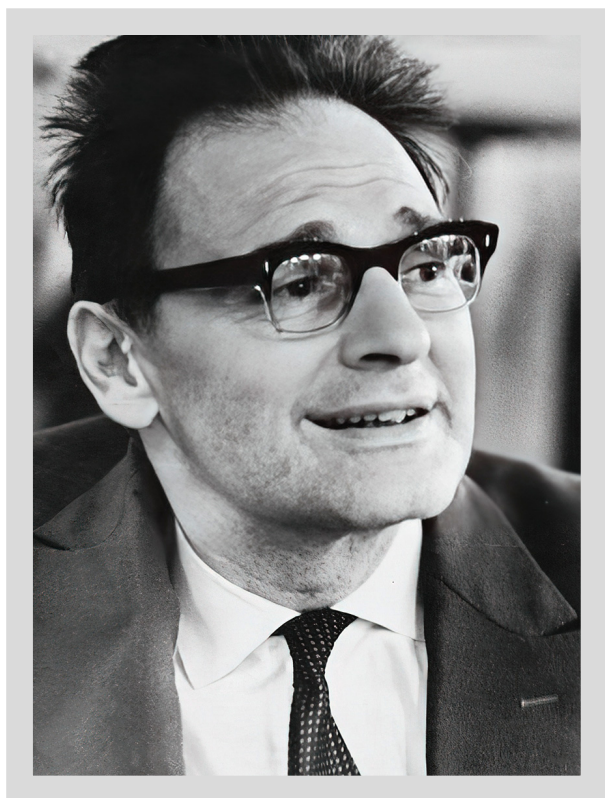

Фото 3. Профессор В.А. Штофф

буржуазной культуры, задыхается не только в выхлопных газах автомобилей, но и в ядах буржуазного образа жизни. Это образ жизни привёл к разгулу преступности, сексуализма, наркомании, к предельному упадку морали, к отвержению духовных ценностей, к культу роскошной и престижной жизни» [11, с. 65]. При социализме ситуация качественно меняется, поскольку реализованная в социалистическом обществе «наибольшая свобода даёт человеку возможность разносторонне развивать свою индивидуальность» [9, с. 24], однако и здесь говорить о достижении идеального общественного устройства не приходится. Социальный идеал — это цель, к которой нужно стремиться, и для того, чтобы реализовать этот идеал на практике, нужно обеспечить всестороннее и гармоничное развитие личности, воспитание её высокой моральности и ответственности. «Идея совершенствования человека, — делал вывод В.П. Тугаринов, — придаёт смысл всем теориям человека. Ведь если верно, что человек таков же, как его общество, то столь же

верно, что и общество будет таким, каким будет человек, живущий и действующий в нём» [11, с. 127].

Идея моделирования объекта исследования, или, точнее, использования концептуальных моделей в процессе научного познания, наиболее полно была разработана в трудах Виктора Александровича Штоффа (1915–1984) (фото 3). Он показывал, что моделирование объекта является существенным элементом самого познания, а не всего лишь вспомогательным, т.е. обязательным, эвристическим средством, которое применяется на этапе умозрительного, или теоретического, исследования. Научное познание, с этой точки зрения, становится принципиально гипотетическим, объект познания перестаёт мыслиться как нечто статичное и обладающее не зависящими от исследователя качествами, а представляет собой динамичную сложную систему отношений к другим объектам, с одной стороны, и к самому исследователю — с другой. Метод моделирования В.А. Штофф трактует предельно расширительно — как универсальный метод познания. «Под моделью, — писал он, — понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте» [12, с. 19].

Таким образом, моделирование реализуется на практике не только как создание субъективно значимой схемы упорядочивания опыта, или потока эмпирических данных, но и как отражение объективной реальности. При выполнении соответствующих условий удобство представления сущего в качестве логически упорядоченной системы не препятствует его познанию, а, наоборот, во многом способствует ему. Отражение в данном случае является диалектическим, т.е. оно мыслится как сложный и противоречивый процесс взаимодействия чувственного и рационального познания, мыслительной и практической деятельности человека, как процесс, в ко-

тором человек не пассивно приспосабливается к внешнему миру, а сам воздействует на него, преобразуя и подчиняя его своим целям. Акцент на моделировании как принципе познания помогает В.А. Штоффу подчеркнуть активность субъекта, его заинтересованность в познании, которая, в свою очередь, обуславливается не только стремлением построить объективно истинную картину мира (как если бы в ней «не было человека»), но и сугубо человеческими, или же субъективными, причинами и мотивами.

Учение об идеале

Ленинградские философы науки, обосновывая тезис об активности субъекта в познании и разрабатывая концепцию моделирования объекта исследования, так или иначе выходили на проблематику идеала. В результате появилось учение об идеале как необходимом компоненте научной истины, а затем это учение, опять же, получило расширительную трактовку. В качестве примера приведём теорию идеала Владимира Павловича Бранского (1930–2017) (фото 4).

Отстаивая тезис о том, что учение о ценности, или аксиология, является высшим «этажом» философского здания, В.П. Бранский пришёл к выводу, что понятия «идеал» и «истина» существенно связаны друг с другом. Истина как соответствие знания объекту, каким он существует до, вне и независимо от человека, доказывается тем, что имеется «возможность появления в нашем сознании мысли о существовании независимой от знания реальности» [13, с. 521]. Что касается идеала, то «он даёт нам картину мира не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть согласно нашему желанию» [13, с. 522]. Диалектика сущего и должного раскрывается В.П. Бранским как указание на то, что идеал — это не заблуждение и не ложь, а важнейший момент познания: «Если заблуждение есть отклонение знания от истины вопреки желанию, то идеал является таким от-

Фото 4. Профессор В.П. Бранский

клонением соответственно желанию. Стало быть, в отличие от заблуждения, являющегося искажённым представлением о реальности, идеал есть точное представление о желаемом изменении реальности» [13, с. 522]. Поскольку научно познанная истина никогда не бывает абсолютной и человек не желает жить в условиях тотальной относительности, то неизбежно происходит идеализация реальности, и в результате научная картина мира получает целостность благодаря достраиванию к ней множества различных идеализаций. «Если не путать истину и идеал, — делал вывод В.П. Бранский, — то легко понять, что идеалов может быть сколько угодно, тогда как объективная истина может быть только одна. Другими словами, плюрализм идеалов не вступает в противоречие с монизмом истины» [13, с. 525].

В.П. Бранский ставит задачу создания «идеологии», считая её «учением о природе и универсальных закономерностях формирования и реализации идеала» [13,

Фото 5. Профессор М.С. Каган

с. 520], но, по сути, он выходит на новую философскую проблематику, стержнем которой являются вопросы культуры. Плюрализм идеалов, не исключающий, а дополняющий монизм истины, — это уже модель культуры, а не только описание процесса познания. Не случайно В.П. Бранский, развивая свою теорию идеала, всё больше внимания уделяет рассмотрению социально-философских, антропологических, эстетических, моральных и эстетических проблем. «Итак, значение категории идеала в философской системе, в конечном счете, состоит в том, что это понятие показывает, как в рамках данной системы можно ответить на вопрос о смысле человеческой деятельности. Дело в том, что понятие истины не в состоянии ответить на этот вопрос (вопреки довольно распространенному мнению). Истина не несёт никакой ответственности за её применение именно потому, что эту ответственность целиком принимает на себя идеал. По мере расцвета идеала деятельность, направляемая этим идеалом, наполняется глубоким

смыслом; по мере же его упадка она постепенно теряет этот смысл и становится бессмысленной» [13, с. 526].

Рождение культурологии

Диалектика идеала и истины, актуализированная в процессе философско-научных дискуссий, может рассматриваться как теоретический пролог к культурологии, институционально оформленной в 1990-е гг. Следует заметить, что новая философская дисциплина — культурология — появилась и развивалась в контексте строгой самокритики. Дискуссии о возможности культурологии, о её предмете и методе определили специфику философской жизни в СПбГУ в постсоветское время. И хотя высказанные позиции в этот период демонстрируют неоднозначность отношения к культурологии, вплоть до утверждения её псевдонаучности, тем не менее, на фоне общего кризиса постсоветской философской мысли, обусловленного некритическим усвоением западных моделей философского знания, идея культурологии как продукта «исключительно отечественного топоса» [14, с. 11] была своего рода нитью Ариадны, позволявшей сориентироваться в хаотическом нагромождении различных концепций и сохранить преемственность философской культуры. В связи с этим В.В. Савчук предложил рассматривать культурологию как адекватную современности «русскую философскую традицию в её реальном, а не историко-философском виде» [14, с. 13], а Е.Г. Соколов увидел в «абсурдности» культурологии эффективное средство борьбы против абсурдности современной жизни [15].

Особый интерес вызывают работы Моисея Самойловича Кагана (1921–2006) (фото 5), в которых зафиксирован процесс постепенной трансформации марксистской философии культуры в культурологию, которая, в свою очередь, стала требовать выхода на уровень более широких, синергетических исследований. Действительно, обнаруженная М.С. Каганом в результате проведённого им с марксистских позиций

«онтологического анализа» наличных «форм бытия» культура, «являющаяся изобретением и плодом деятельности человека, превращающая его двустороннее био-социальное существование в трёхстороннее — био-социо-культурное» [16, с. 12], стала рассматриваться им сначала как предмет особой науки — культурологии, призванной преодолеть упрощенческий синкретизм в понимании культуры, обусловленный простым суммированием данных биологии, психологии, социологии, культуроведения, философии и т.д., а затем инициировала междисциплинарные исследования.

Нельзя не упомянуть и о работах Юрия Никифоровича Солонина (1941–2014) (фото 6), в которых в равной мере затрагивается проблематика философии науки и культуры, а также представлен выход на её теоретическое и историко-философское осмысление. Как заметил Е.Г. Соколов, для Ю.Н. Солонина наука всегда была важнейшим культурообразующим фактором, «актантом которого является человек (учёный), в репертуаре которого не только “научные фикции”, действующие в пределах конкретной жизни, т.е. всегда-уже-расположенный в реальных габитуально-топологических пределах» [17, с. 677]. А значит, изучение науки, «уяснение её пределов, ресурсов, возможностей, оценка качества технологически-операционной и символической оснастки, всегда, наряду с собственно внутренне-научным, должно принимать во внимание и социально-антропологические, в том числе и культурные априори» [17, с. 677].

Немаловажную роль в развитии новых тенденций постсоветской философии сыграл и организованный Ю.Н. Солониным междисциплинарный Центр изучения консерватизма. Задачей Центра являлось всестороннее и конкретное изучение методологических и историко-философских аспектов консерватизма с целью обоснования его актуальности для постсоветской России. Согласно Ю.Н. Солонину, консерватизм сам по себе является творческой

Фото 6. Профессор Ю.Н. Солонин, декан философского факультета СПбГУ (1989–2010)

культурной силой. «Консерватизм, — писал он, — не только отдельные элементы социального анахронизма, но и те общественные и культурные ценности, которые упорно вырабатывались национальным историческим опытом и, таким образом, составляли органический, неотъемлемый признак нашей самобытности» [18, с. 6].

Своеобразие русского консерватизма виделось ему в «неодолимом патернализме», свойственном нашим традиционным межличностным и общественным отношениям, а также в таком свойстве отечественного национального сознания, как стремление к «иерархической упорядоченности» при сохранении «слабой вертикальной социальной мобильности». Кроме того, Ю.Н. Солонин отмечал глубину и актуальность идей представителей русского консерватизма, призывая использовать их для решения насущных политических и социальных вопросов, а также проблем культуры. В частности, отечественные консерваторы выявили

одну из существенных причин социальной нестабильности России – культурное разобщение российского общества, обусловленное тем фактом, что высшие слои общества развивались в рамках западноевропейской культурной парадигмы, в то время как народные массы – в традиционалистской.

Одним из направлений постсоветской философии культуры стала танатология, возникшая в результате работы Ассоциации танатологов Санкт-Петербурга, основанной Андреем Витальевичем Демичевым (1957–2000). В.В. Савчук, активный участник и теоретик Ассоциации, впоследствии в ряде своих исследовательских работ предпринял успешную попытку историко-философского осмысления танатологии, проанализировав идейно-организационное становление этого течения. Он показал, что, начав с критики советского идеологического контента, петербургские танатологи вскоре обнаружили собственную проблематику и приступили к её содержательной разработке, создав для этой цели специфический вокабуляр «некропоэтического языка» и стимулировав тем самым появление других, близких танатологии направлений – «новой архаики» и «некрореализма» [19].

В качестве другой вариации культурологической рефлексии можно назвать концепцию «нравственной культуры» Эльмара Владимировича Соколова (1932–2003). Создав в конце 1980-х гг. в ленинградском Доме учёных им. М. Горького научную секцию по «теории культуры» и наладив регулярную работу теоретических семинаров по таким в то время новым темам, как «русская идея», «природа власти», «общество как система», «современный мировоззренческий вакуум и типы мировоззрений», «о преимуществах монархии и демократии», «смысл истории» и т.п., Э.В. Соколов собрал вокруг себя большую группу гуманитариев, остро переживающих перипетии кризисной эпохи и стремящихся найти выход из этой ситуации. Главным принципом «нравственной куль-

туры» и в то же время её условием, согласно Э.В. Соколову, выступает свобода мышления, предполагающая способность человека к суверенному суждению: «Нравственная культура... является выражением свободного разума человека, постоянно ищущего, стремящегося к ясным идеям, но не боящегося признать таинственность мира, реальные противоречия жизни» [20, с. 148]. Эта продуктивная «свобода для» предполагает творческую, ответственную сопричастность личности целому (семье, обществу, культуре) и философскую «заботу о себе», которая состоит в стремлении человека к полноте душевной и духовной жизни. В условиях «здоровой нравственности» [20, с. 133] свободу личности дополняет «диктатура совести», данная не рассудочно-логически и не в социальных установлениях (кодексах, правилах, уставах), но коренящаяся в добротолубии как высшем принципе человеческой жизни [21].

Рецепции и развитие философии Ницше

Важную роль в формировании философии в Петербурге сыграл Вячеслав Юльевич Сухачёв (1955–2016), один из организаторов и идейных вдохновителей «Ницше-семинара». Семинары, регулярно проводившиеся в течение нескольких лет, начиная с 1999 г., на площадке философского факультета СПбГУ под эгидой кафедры философской антропологии и Ассоциации философских обществ Санкт-Петербурга, были своего рода философским знаменем времени. В конце XX в. популярность идей Ницше в России достигает своего апогея, что, с одной стороны, оказало сильное влияние на развитие отечественной философской культуры, а с другой – породило «моду на Ницше», вследствие чего возникло множество поверхностных и даже вульгарных истолкований ницшевской мысли, авторами которых зачастую выступали и профессиональные философы. В этой ситуации, задумав проведение «Ницше-семинара», в работе которого могли бы при-

нять участие абсолютно все желающие, В.Ю. Сухачёв преследовал как минимум две цели: 1) творческое аутентичное развитие философии Ницше и 2) ограждение идей Ницше от «нищезанятия», т.е. противодействие вульгаризации его учения. Не случайно в 2000 г., в юбилейный год со дня смерти Ницше, на обсуждение семинара была вынесена тема «Ницше и Россия: Ницше в русской интеллектуальной культуре». Обе цели, как показывает время, были в основном достигнуты: «Сдерживая агрессию эпохи и удерживая строй мысли, сохраняя духовность ленинградской школы в её культурологическом и антропологическом изводе, “Ницше-семинары” как интуитивно точно сформировавшаяся философская институция (или самоорганизация круга близких философов) задали вектор скрепляющей всё многообразие дискурса идентичности, протеста и личного поиска на стыке либерализма и русской традиции» [22, с. 97].

Исследования истории русской философии

Немаловажными являлись и процессы осмысления русской философской традиции, которые в это время зачастую приобретают приоритетное значение. Стоит вспомнить о том, что именно на философском факультете ЛГУ А.А. Галактионовым и П.Ф. Никандровым впервые в СССР была опубликована «История русской философии» (1961). В этой работе подчёркивалась специфика русской философии в контексте «многообразных связей отечественной философии с западноевропейской научной и философской мыслью» [23, с. 459] и отстаивался тезис о её самостоятельности, а также о растущем влиянии на философскую культуру Европы и мира в целом.

После образования кафедры истории русской философии в университете в 1990 г. разработка новой научной историографии и методологии изучения русской философии продолжилась под руководством известного ученого, заве-

дующего кафедрой истории русской философии (1991–2016) Александра Фазлаевича Замалеева (1943). Была выработана новая исследовательская парадигма, основанная на целостном и всестороннем изучении русской философии в контексте глубоких трансформаций, которые происходили в постсоветской философии. Особое внимание уделялось решению вопроса о соотношении универсального и национального в русской философии, определению важнейших категорий и теоретических проблем русской философии, исследованию таких направлений в русской мысли, как антропологизм, морализм, гносеологический реализм, онтологизм, философия политики и права. Русская философская культура стала рассматриваться прежде всего как мир духовного богатства и интеллектуальных поисков, при этом акцентировалось внимание на концептуальном многообразии русской мысли, оригинальности её аксиологии и методологии.

В ряде работ А.Ф. Замалеева был реализован культурно-исторический подход к изучению истории русской философии. Критикуя существующие историко-философские методы, А.Ф. Замалеев приходит к выводу, что «нет философии вообще, есть философия отдельных личностей» [24, с. 13], и предлагает свой, «компаративистский» метод, который сочетает в себе, «во-первых, сравнительно-сопоставительный подход, предназначенный для “горизонтального” изучения философии, т.е. выявления общего содержания различных концепций, относящихся к одной и той же исторической эпохе, и, во-вторых, историко-генетический, дающий “вертикальный” срез и позволяющий зафиксировать сходство философских систем как результат их родства по происхождению» [24, с. 16].

Используя этот метод, А.Ф. Замалеев обнаруживает философию не только и даже не столько в собственно философских трактатах (каковых, кстати, было совсем немного в России), сколько в сочинениях, имеющих отношение к богословскому,

литературно-художественному, публицистическому и народному творчеству. Такое расширение предмета исследования напрямую вытекало из принципиального положения, согласно которому философию нельзя рассматривать вне контекста культуры, потому что она всецело является продуктом культуры. История философии, таким образом, обуславливается развитием культуры и отражает парадигмальные трансформации последней. Особенностью русской культуры, полагал А.Ф. Замалеев, выступает её «идеократичность», т.е. она «воплощает определённую идею, которая пронизывает дух и самосознание нации, формирует её мировоззрение и нравственные ориентации» [24, с. 348]. Эволюция культуры происходит вследствие смены идеократических констант (византизм, европеизм, советизм), которые доминируют в соответствующую историческую эпоху. Утрачивая своё доминантное положение, идеократические константы не исчезают,

а продолжают существовать и оказывают определённое влияние на культуру в целом, обуславливая её многогранность. Русская философия также идеократична, и специфика её заключается в разрыве и преемственности различных традиций, каждая из которых одинаково важна для понимания историко-философского процесса.

* * *

В заключение можно сделать вывод о том, что теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии второй половины XX в. сохраняет свою особую актуальность в настоящее время и должно быть всесторонне изучено. Без понимания всей диалектической сложности историко-философского процесса в России, в частности в Ленинграде—Петербурге, нельзя сохранить уверенность в том, что последующее развитие российской философской мысли приведёт к позитивным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
2. Бранский В.П. Ленинградская школа философии науки // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 47–60.
3. Осипов И.Д., Погодин С.Н. Философия науки в современном мире // Философия науки: история и современность / Под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 3–6.
4. Тугаринов В.П. Философия сознания. М.: Мысль, 1971.
5. Штофф В.А., Шилков Ю.М. О соотношении объяснения и понимания в методологии общественных наук // Философские науки. 1984. № 2. С. 59–67.
6. Осипов И.Д., Рыбас А.Е. Идея гуманной цивилизации в трудах представителей Ленинградской философской школы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. Вып. 3. С. 15–22.
7. Осипов И.Д., Рыбас А.Е. Культура как предметность и горизонт философского мышления в постсоветской России (петербургские сюжеты) // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 73–83.
8. Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М.: Соцэкгиз, 1962.
9. Тугаринов В.П. О смысле жизни. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
10. Тугаринов В.П. Личность и общество. М.: Мысль, 1965.
11. Тугаринов В.П. Философия сознания. М.: Мысль, 1971.
12. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966.

13. Бранский В.П. Искусство и философия. М.: Янтарный сказ, 1999.
14. Савчук В.В. Культуролог в России больше, чем философ? // Савчук В.В. Режим актуальности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 11–25.
15. Соколов Е.Г. Мета-до-логия (методологии) культурологии // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 163–189.
16. Каган М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: Материалы международной научной конференции 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 9–14.
17. Соколов Е.Г. Деконструкция дисциплинарной ортодоксии. К 80-летию Ю.Н. Солонина // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 672–693.
18. Солонин Ю.Н. Предисловие // Введение в проблематику российского консерватизма: Учебное пособие / Ред.: Ю.Н. Солонин, Н.В. Полякова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.
19. Савчук В.В. А.В. Демичев — основатель петербургской танатологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3. С. 156–164.
20. Соколов Э.В. Нравственная культура как условие формирования здорового общества // Какая философия нам нужна? Размышления о философии и духовных проблемах нашего общества / Сост. Ю.Н. Солонин. Л.: Лениздат, 1990. С. 123–151.
21. Хайдарова Г.Р. У истоков ленинградской философии культуры. Эльмар Владимирович Соколов: обоснование нравственности в философской практике // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 497–510.
22. Савчук В.В., Хайдарова Г.Р. В.Ю. Сухачёв: волеизъявление философа // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 94–109.
23. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.
24. Замалеев А.Ф. Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре. СПб.: Наука, 2010.

Theoretical Heritage of Leningrad / St. Petersburg Philosophy

Igor Dmitrievich Osipov — Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg University (SPBU), leader of the project ‘Theoretical Heritage of Philosophy in Leningrad/St. Petersburg. Second Half of the Twentieth Century’ (20-011-00144).

E-mail: idosipov@mail.ru

Aleksandr Evgenievich Rybas — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy SPBU, executor of the same project.

E-mail: arybas@spbu.ru

The analysis of the theoretical heritage of philosophical science in Leningrad / St. Petersburg appears relevant for a better understanding of the characteristics of how philosophy was formed and shaped in Russia. There were various philosophical schools and trends (philosophy of science and culture, social philosophy and history of philosophy) in the city, which had a significant impact on the national philosophical science. Of crucial value is the concrete analysis of institutional and socio-cultural aspects of the development of philosophical culture in St. Petersburg, as well as the study of the most important results of the philosophers who worked

in Leningrad/St. Petersburg, the forms and methods of how they mastered the world's philosophical thought – thereby significantly expanding the understanding of the theoretical and axiological features of Russian philosophy and culture.

The paper primarily focuses on the philosophy of science and culture in Leningrad/St. Petersburg in the latter half of the 20th and early 21st centuries, as these philosophical subjects were the ones that caused the significant transformation of philosophical knowledge from dogmatic Marxism to a multitude of different philosophical products. The authors analyse the ideas of members of the Leningrad school of philosophy of science: Vladimir Svidersky, Vladimir Bransky, Vasily Tugarinov, and Victor Stoff; these figures, through the synthesis of scientific and philosophical concepts relevant in Europe of the 20th century and the original interpretation of Marxism, produced solutions to other philosophical problems, thus initiating the emergence of new philosophical subjects. Also, the authors study how philosophy of culture was developing in St. Petersburg, as represented in the studies of: Moisey Kagan, Yury Solonin, Evgeny Sokolov, Valery Savchuk, Andrey Demichev, Elmar Sokolov, Vyacheslav Sukhachyov; as well as the establishment and development of the history of Russian philosophy through the works of Anatoly Galaktionov, Pyotr Nikandrov, Alexander Zamaleev.

Keywords: philosophy of science, philosophy of culture, culturology, Soviet Marxism, identity, freedom, history of Russian philosophy

REFERENCES

1. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983 (in Russian).
2. Branskii V.P. Leningradskaya shkola filosofii nauki // Filosofiya o predmete i sub"ekte nauchnogo poznaniya / Pod red. E.F. Karavaeva, D.N. Razeeva. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. С. 47–60 (in Russian).
3. Osipov I.D., Pogodin S.N. Filosofiya nauki v sovremennom mire // Filosofiya nauki: istoriya i sovremennost' / Pod red. I.D. Osipova, S.N. Pogodina. SPb.: POLITEKH-PRESS, 2020. S. 3–6 (in Russian).
4. Tugarinov V.P. Filosofiya soznaniya. M.: Mysl', 1971 (in Russian).
5. Shtoff V.A., Shil'kov Yu.M. O sootnoshenii ob"yasneniya i ponimaniya v metodologii obshchestvennykh nauk // Filosofskie nauki. 1984. № 2. S. 59–67 (in Russian).
6. Osipov I.D., Rybas A.E. Ideya gumannoi tsivilizatsii v trudakh predstavitelei Leningradskoi filosofskoi shkoly // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya. 2022. Vyp. 3. S. 15–22 (in Russian).
7. Osipov I.D., Rybas A.E. Kul'tura kak predmetnost' i gorizont filosofskogo myshleniya v postsovetskoj Rossii (peterburgskie syuzhety) // Voprosy filosofii. 2022. № 12. С. 73–83 (in Russian).
8. Sviderskii V.I. O dialektike elementov i struktury v ob"ektivnom mire i v poznanii. M.: Sotsekgie, 1962 (in Russian).
9. Tugarinov V.P. O smysle zhizni. L.: Izd-vo LGU, 1961 (in Russian).
10. Tugarinov V.P. Lichnost' i obshchestvo. M.: Mysl', 1965 (in Russian).
11. Tugarinov V.P. Filosofiya soznaniya. M.: Mysl', 1971 (in Russian).
12. Shtoff V.A. Modelirovanie i filosofiya. M.; L.: Nauka, 1966 (in Russian).
13. Branskii V.P. Iskusstvo i filosofiya. M.: Yantarnyi skaz, 1999 (in Russian).
14. Savchuk V.V. Kul'turolog v Rossii bol'she, chem filosof? // Savchuk V.V. Rezhim aktual'nosti. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. S. 11–25 (in Russian).

15. Sokolov E.G. Meta-do-logiya (metodologii) kul'turologii // Formirovanie distsiplinarnogo prostranstva kul'turologii: Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii 16 yanvarya 2001 g., Sankt-Peterburg. Ser. «Symposium». Vyp. 11. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. S. 163–189 (in Russian).
16. Kagan M.S. Perspektivy razvitiya gumanitarnykh nauk v XXI veke // Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. K 80-letiyu professora Moiseya Samoilovicha Kagana: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 18 maya 2001 g., Sankt-Peterburg. Ser. «Symposium». Vyp. 12. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. S. 9–14 (in Russian).
17. Sokolov E.G. Dekonstruksiya distsiplinarnoi ortodoksii. K 80-letiyu Yu.N. Solonina // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2021. T. 37. Vyp. 4. S. 672–693 (in Russian).
18. Solonin Yu.N. Predislovie // Vvedenie v problematiku rossiiskogo konservatizma: Uchebnoe posobie / Red.: Yu.N. Solonin, N.V. Polyakova. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2007 (in Russian).
19. Savchuk V.V. A.V. Demichev – osnovatel' peterburgskoi tanatologii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2020. № 3. S. 156–164 (in Russian).
20. Sokolov E.V. Nravstvennaya kul'tura kak uslovie formirovaniya zdorovogo obshchestva // Kakaya filosofiya nam nuzhna? Razmyshleniya o filosofii i dukhovnykh problemakh nashego obshchestva / Sost. Yu.N. Solonin. L.: Lenizdat, 1990. S. 123–151 (in Russian).
21. Khaidarova G.R. U istokov leningradskoi filosofii kul'tury. El'mar Vladimirovich Sokolov: obosnovanie nravstvennosti v filosofskoi praktike // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2020. T. 36. Vyp. 3. S. 497–510 (in Russian).
22. Savchuk V.V., Khaidarova G.R. V.Yu. Sukhachyov: voleiz'yavlenie filosofa // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2022. T. 38. Vyp. 1. S. 94–109 (in Russian).
23. Galaktionov A.A., Nikandrov P.F. Istoriya russkoi filosofii. M.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1961 (in Russian).
24. Zamaleev A.F. Samosoznanie Rossii: Issledovaniya po russkoi filosofii, politologii i kul'ture. SPb.: Nauka, 2010 (in Russian).

Индекс УДК 316.654:94
Код ГРНТИ 02.41.41, 03.01.07
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-74-83

**С.В. ТИХОНОВА,
Д.С. АРТАМОНОВ***

Социальные медиа как арена конструирования исторической памяти

Статья посвящена проблеме конструирования исторической памяти в социальных медиа. В цифровую эпоху представления о прошлом создаются массами интернет-пользователей, которые демонстрируют свои интерпретации истории в социальных сетях. Инструментами воспроизводства образов прошлого стали информационные фейки, цифровые фотографии и селфи, интернет-мемы, компьютерные игры, фанфики и видеоролики на историческую тематику, создаваемые интернет-пользователями в огромном количестве. Социальные медиа являются ареной формирования исторической памяти, так как в этом цифровом пространстве аккумулируются все информационные ресурсы, в том числе и на историческую тематику. Массы интернет-пользователей, овладевшие цифровыми технологиями для производства информационного контента, активно используют их для создания своих версий прошлого и распространения их на широкую аудиторию. Особенностью воспроизводимых представлений о прошлом в социальных медиа является их эмоциональность, мифологизированность и стереотипность. Пользователи создают свои версии исторических событий, соответствующие коллективно разделяемым представлениям о прошлом, имеющим ассоциации с сюжетами и символами массовой культуры. В социальных медиа зарождаются новые коммеморативные практики, обусловленные погружением человека в цифровое виртуальное пространство.

Ключевые слова: историческая память, memory studies, образы прошлого, социальные медиа, сетевой контент, медиатизация истории

Историческая память является одной из ключевых тем современной социальной политической мысли. Актуализация темы исторической

памяти объясняется работой внешнеполитических факторов, внутренней для России политической повесткой, процессами самоидентификации поколе-

* **Тихонова Софья Владимировна** — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета (СНИГУ) им. Н.Г. Чернышевского, руководитель проекта «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» (19-011-00265).

E-mail: segedasv@yandex.ru

Артамонов Денис Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, исполнитель того же проекта.

E-mail: artamonovds@mail.ru

ний, поисками маскульта в области новых эстетических форм и соответствующего содержания. Между тем, несмотря на широкое распространение тематических исследований, сам феномен исторической памяти нуждается в серьёзном социально-философском осмыслении. В классических моделях *memory studies* историческая память противопоставляется массовой («культурной», «коллективной», «живой») как институционально продуцируемый профессиональными учёными-историками нарратив, адаптируемый государством к задаче обеспечения лояльности населения и транслируемый через все базовые институты общества, включённые в процесс социализации.

В этом качестве явления исторической памяти объективированы как феномены культуры печатной книги. Каждый из них работает как текст, семантическое содержание которого интертекстуально включено в пропозициональную систему исторической науки: даже если автор преследует в качестве цели прямую фальсификацию истории, ему придётся выстраивать свою аргументацию таким образом, чтобы включать в неё факты и интерпретации, признанные сообществом академических историков в качестве релевантных. Критическая работа научного дискурса проходит «селекцию» государства, осуществляемую с помощью прямой и непрямой цензуры, а также инструментов государственного заказа. В итоге формируется нарратив «официальной истории», который противостоит живой памяти поколения, подавляет её, входит с ней в конфликт и противоречие [1].

Важно отметить, что первая волна *memory studies*, в ходе которой и закладывались основания категориального аппарата, сформировалась в условиях зрелого капитализма с его вертикальной системой массовой информации, где медийная коммуникация как посредник пропаганды направлена на подчинение коммуникации устной, неформальной [2]. Этот разрыв между печатным текстом (и радио, те-

лесообщениями, на нём основанными) и устной речью концепции *memory studies* воспроизводят и продолжают как разрыв социально-онтологического характера. Между тем он является продуктом коммуникационной ситуации, характерной для конкретного периода исторического развития обществ. Основанные на нём модели *memory studies* невозможно ретроспективно обратить «вглубь веков» в отношении тех обществ, где не было массово распространённой письменности [3]. Отсутствие экспансии неформальной коммуникации в письменную традицию через дневники, частные «хроники» и мемуары означает для исследователя отсутствие тех самых данных, по которым можно реконструировать массовые (не элитарные) коллективные представления.

Историческая память в эпоху социальных медиа

На уровне прикладных исследований историческая память чаще всего используется как термин, фиксирующий совокупность представлений о событиях прошлого, имевших последствия для больших социальных групп. С одной стороны, отмеченное выше отсутствие чёткой категориальной проработки концепта «историческая память» действительно оставляет исследователям определённое пространство для маневра и близкая к обыденной трактовка концепта вполне может иметь право на существование. С другой стороны, отказ от институционального ракурса во взгляде на историческую память сам по себе может быть свидетельством утраты институтами власти над ней [4].

Число акторов, вмешивающихся в производство и тиражирование того, что классики *memory studies* именовали «официальная история», неуклонно растёт в процессе цифровой коммуникационной революции. С самых ранних этапов своего развития интернет-коммуникация формировалась в серой зоне между публичным и приватным, официальным и частным, поэтому она включила голоса памяти тех,

кто в раннем капиталистическом обществе такого голоса не имел, поскольку не обладал доступом к образованию, политическим правам и культурному ландшафту эпохи печатной книги. Диапазон структурных статусов таких акторов чрезвычайно широк, все существующие их формы вряд ли поддаются учёту, они начинаются от атомарного уровня (индивиды и «виртуальные» публичные личности) и заканчиваются сетевым представительством классических институциональных органов и структур. Все они участвуют в развитии исторического официального нарратива, не обязательно в качестве очевидных инстанций коммуникационной цепи, значение имеет и опосредованное влияние через широкие сети коммуникации. Тем не менее, модерновые схемы создания и трансляции нарратива «официальной истории», включающие институциональное взаимодействие академического сообщества историков, государства, доминирующих политических сил и системы образования, продолжают работать. Сам нарратив снижает свою монологическую силу за счёт диффузии и частичной эрозии институтов, но он продолжает работать и сохранять свою актуальность [5].

Формирование исторической памяти может быть рассмотрено через призму методологии социального конструирования, в которой социальные интеракции формируют знание, становящееся основой новых интеракций. Знание в этом случае понимается предельно широко, оно включает свои дорациональные и внерациональные формы: мифы, стереотипы, поведенческие установки и социальные эмоции. Представители теорий медиатизации показали, что теоретические конструкции П. Бергера и Т. Лукмана типизации социального знания не учитывали вклад медиа в процессы социального знания [6].

Попытки «расширить» социальный конструктивизм весьма актуальны в условиях глубочайшего и повсеместного сращения цифровой медиасферы и повседневности [7]. Для исследования исторической

памяти они означают, во-первых, повышение внимания к социально-эпистемическим особенностям социальных медиа, заключающимся в том, что получение нового знания неотделимо от использования инструментов цифровой коммуникации, познание и опосредованный интерфейс сети диалог (в том числе и полилог) не отделимы в социальных медиа друг от друга [8]. Во-вторых, в социальных сетях формируются свои практики запоминания и забвения, влияющие на конструирование коллективных воспоминаний. Последняя волна *memory studies* акцентирует проблематику цифровой памяти [9]. В-третьих, высокое значение имеет степень совместимости исторических текстов культуры печатной книги и медиатекста, основной формы объективации смысла в социальных сетях. Медиатекст интегрирует цифровые мультимедиа (видео, фото, аудио) с текстом, причём комбинации и удельный вес таких элементов могут быть самыми разными [10].

Различные социальные сети выбирают конкретный элемент в качестве ведущего: есть сети, ориентированные на записи, есть те, что специализируются на фотографиях или видеороликах, рекомендуемые и предельно допустимые объёмы каждого элемента в конкретной сети свои собственные. Прямая рецепция сложного текстового исторического контента в социальных сетях практически невозможна, используются сообщения, резюмирующие его в той или иной медиаформе. В большинстве сетей, конечно, к сообщению можно добавить файл, например с учебником истории или исторической монографии, но расположить сам учебник в формате сетевых сообщений — задача, более чем нетривиальная.

Цифровой контент социальных медиа как инструмент конструирования исторической памяти

В этом контексте весьма существенной исследовательской задачей является выбор типового контента, на примере которого

Яндекс Найти

Поиск Картинки Видео Карты Товары **Новости** Переводчик Все

Главное Саратов Интересное Коронавирус Политика Общество Экономика В мире Спорт Происшествия

Российские старообрядцы нашли первоисточник «Повести временных лет»

НСН **Старообрядцы: Открытие «Русского летописца» сложно переоценить**
Представитель Старообрядческой Церкви рассказал НСН, что россиянам предстоит познакомиться с оцифрованной древнейшей летописью, которую назвали первоисточником «Повести временных лет». Национальная служба новостей 11.03.2019 в 23:35

✙ «Им в своём мире уютно»: Историк счел бесполезным приглашать украинцев к анализу «Русского летописца»
Поэтому размышлять о том, как украинские историки отнесутся к тому, что новгородские князья покорили Киев, бесполезно, считает он. Царьград 11.03.2019 в 22:37

✙ Историк оспорил подлинность «Русского летописца», опровергающего роль Киева в рождении Руси
Украинские "историки", основывающие возникновение Руси с Киева, отнесутся к этому как к очередному поводу для нападок на российскую науку, считает Алексеев. Царьград 11.03.2019 в 20:36

Pravda.Ru **Российские старообрядцы нашли первоисточник «Повести временных лет»**
Так, указывают российские старообрядцы, в "Повести временных лет" опущено подавляющее большинство событий истории древней Руси вплоть до завоевания Киева князем Олегом. Pravda.Ru 11.03.2019 в 18:54

НСН **Обнаружен первоисточник «Повести временных лет»**
Российские старообрядцы обнаружили в архивах древнейшую летопись, которую считают первоисточником "Повести временных лет".
Национальная служба новостей 11.03.2019 в 18:30

Ил. 1. Подборка новостей на сайте Яндекс о «Русском летописце 1649 г.»

возможен анализ цифровых трансформаций исторической памяти. В рамках исследования «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» (проект РФФИ № 19-011-00265) исследовались следующие виды контента.

1. Фейковый новостной контент. Его специфика — интеграция сообщений новостных лент, отражающих контент конкретных сайтов-источников, и распространяющих их постов в социальных сетях. Собственно исторический контент, основанный на фальсификации исторических фактов и источников, располагается на тематических сайтах. Новостные ленты актуализируют содержание сай-

тов в более лаконичной форме, социальные сети на их основе запускают волну постов, содержание которых с позиций исторической науки является фейковым. Примером такого исторического фейка является публикация на сайте «Русская вера» издания «Русский летописец 1649 г.» в марте 2019 г., который выдавался за первоисточник «Повести временных лет». Авторы фейка выложили на сайте фотографии летописного сборника XVII в. и объявили его подлинным историческим источником об истории Древней Руси без особых доказательств этого факта [11]. Это известие с интернет-сайта было опубликовано без должной проверки или

Ил. 2. Скульптура «Курортница», г. Зеленоградск. Автор – В. Фильшин

экспертизы историков в СМИ, а потом быстро распространилось в социальных сетях, вызвав бурную общественную дискуссию (ил. 1). Этот кейс наглядно показывает, что для фальсификации исторического источника в эпоху цифровых медиа не нужно создавать материального памятника, а достаточно публикации текста и графического изображения.

2. Фотоконтент в жанре селфи, позволяющий установить характер связи мировоззрения пользователя с местами памяти. Практика фотографирования с историческими местами памяти в жанре селфи позволяет пользователю перенести офлайн-опыт прикосновения к прошлому в цифровой формат и поделиться им со своей аудиторией в социальных медиа. Селфи можно назвать цифровым инструментом конструирования и тиражирования представлений о прошлом, символически отражённых в местах памяти, которые в концепции П. Нора являются единством духовного и материального наследия исторической

памяти сообществ [12]. Памятники, скульптуры, мемориалы являются маркерами городского пространства, выполняющими коммеморативные функции. Они притягивают туристов и становятся излюбленными местами встреч местных жителей, которые, фотографируясь рядом с мемориальным объектом, осуществляют соединение своего индивидуального опыта с коллективным постижением прошлого, заложенным в памятнике. Делая селфи и выкладывая его в социальных медиа, интернет-пользователь демонстрирует свою сопричастность к историческим ценностям и коллективным представлениям о прошлом (ил. 2). День музейного селфи или проведение акции «Бессмертный полк» в период пандемии COVID-19 и локдауна, когда селфи стали способом участия в данном мероприятии, показывают, что данный способ цифровой коммеморации стал частью исторической культуры современного мира.

3. Исторические интернет-мемы, выражающие эмоциональное отношение

пользователей к историческим событиям и вписывающие их в повестку дня. Например, в период пандемии COVID-19 появились вариации интернет-мема «Природа оживает» с изображением животных, вернувшихся в города. Однако пользователи социальных медиа развили этот сюжет, и в созданных ими интернет-мемах из прошлого вернулись в США представители коренного народа (индейцы), а у нас в Санкт-Петербург вернулся Пётр I (ил. 3). Также в это время появились интернет-мемы, ставшие своеобразной летописью 2020 г., фиксируя в мем-формате все события, попавшие в повестку дня [13, с. 406–419].

Интернет-мем представляет собой коммуникационный феномен, позволяющий передавать вирусные сообщения на большие аудитории социальных медиа. Они возникают как реакция интернет-пользователей на актуальные события и имеют массовое распространение, отражая коллективную оценку происходящего. Возникновение интернет-мемов на исто-

рическую тематику не редкость, но они появляются в результате актуализации представлений о прошлом в повестку дня. Например, интернет-мем в виде фотожабы «Иван Грозный убивает» возник и воспроизводился вновь при каждом упоминании русского царя Ивана IV в СМИ. Интернет-мемы «Пётр I и Шрек», «Ленин-гриб», «Гитлер против Сталина» и многие другие, в которых фигуры исторических деятелей сливаются с образами массовой культуры, показывают, что представления о прошлом в социальных медиа имеют тенденцию к визуализации в знакомых и понятных массам интернет-пользователей популярных графических изображениях, зачастую имеющих отдалённое отношение к репрезентуемым историческим событиям и интерпретациям истории. Демонстрируемое ироничное отношение к прошлому в интернет-мемах способно не только привлечь внимание, но и полностью изменить к нему отношение, используя тональность интернет-сообщения, так как они могут пе-

Ил. 3. В Санкт-Петербурге из-за карантина каналы Невы так очистились, что в них вернулся Пётр I. Интернет-мем «Природа оживает!!!»

Ил. 4. Компьютерная игра «Аллоды Онлайн» по мотивам истории Новгородского княжества.
Разработчик – российская компания Astrum Entertainment

редавать эмоции с высокой степенью эффективности.

4. Компьютерные игры с историческим сеттингом (повествованием) и возникающий на их основе контент сетевых сообществ геймеров. Видеоигры на историческую тематику позволяют добиваться погружения игроков в виртуальные миры, воссоздающие прошлое в графическом формате. Создатели видеоигр воспроизводят свои представления о прошлом, которые могут быть близки исторической действительности или очень сильно её искажать, но в любом случае они закладывают в свой продукт массовые стереотипные и зачастую мифологизированные представления об истории (ил. 4). Однако геймеры воспринимают исторические видеоигры как достоверное воссоздание событий, даже если в них присутствуют элементы фантазии и чётко прослеживаемые образы массовой культуры [14].

Более того, возможность модификаций студийных компьютерных игр и создание инди-игр непрофессиональными геймдизайнерами показывают, что историческая

достоверность видеоигр не является приоритетной при их создании. Цифровые технологии позволяют любому геймдизайнеру, создателю игры или её модификации, воспроизвести ту историческую реальность, которая соответствует его личным убеждениям и представлениям о прошлом, а массовое распространение игр и создание вокруг них сообществ геймеров приводит к тиражированию исторических образов среди значительных аудиторий.

Заключение

Сетевой контент социальных медиа на историческую тематику формирует представления о прошлом не менее эффективно, чем школьные учебники, уроки истории, научная историография, официальная политика памяти и общественные коммеморативные практики. Художественная литература в жанре исторической беллетристики уступает место фанфикам на историческую тематику, жанру сетературы, в котором интернет-пользователи создают свои собственные произведения, интерпретирующие прошлое [15], а до-

кументальный и художественный кинематограф потеснен в медиапространстве интернет-видеороликами с историческими сюжетами, создаваемыми массами любителей истории [16].

Прежде молчаливое большинство масс перестало быть просто потребителями исторической информации. Получив цифровые технологии, они стали использовать их для выражения собственного представления об истории, создавая исторический контент, который распространяется в социальных медиа, демонстрируя бесконечное множество интерпретаций событий прошлого. Социальные медиа стали частью коммеморативного про-

странства, в котором происходит конструирование исторической памяти усилиями интернет-пользователей, освоивших практики производства сетевого контента, воспроизводящего образы прошлого. Соединяя и перемешивая их с образами массовой культуры, пользователи, с одной стороны, делают историю актуальной и востребованной современностью, а с другой – превращают её в фейк, делая главными своё личное восприятие прошлого и его интерпретацию, а не историческую достоверность. Данное положение вещей стало фактом, который нельзя не учитывать при проведении политики памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
2. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01.
3. Николаи Ф.В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369–374.
4. Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1–2. С. 227–253. DOI 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253.
5. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge. 2017. DOI 10.4324/9781315637235.
6. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.
7. Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 409–427.
8. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 68–74.
9. Шестакова Э.Г. Медиатекст и проблема социального забвения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 30–38.
10. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53). С. 19–28.
11. Русский летописец // Русская вера [Сайт]. URL: https://ruvera.ru/news/russkij_letopisec (дата обращения: 28.03.2022).
12. Франция-память / П. Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
13. Шомова С.А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 399–424.
14. Белов С.И. Методика изучения видеоигр как инструмента символической политики // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73). С. 2457–2464. DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.002.

15. Ключикова Е.А., Четина Е.М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31). С. 95–104.
16. Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: создание исторического повествования на YouTube // Преподаватель XXI век. 2019 № 4. С. 323–337.

Social Media as an Arena for Constructing Historical Memory

Sofya Vladimirovna Tikhonova – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov Chernyshevsky State University, leader of the project ‘Social Construction of Historical Memory in the Digital Space’ (19-011-00265).

E-mail: segedasv@yandex.ru

Denis Sergeevich Artamonov – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Saratov Chernyshevsky State University, executor of the same project.

E-mail: artamonovds@mail.ru

The paper focuses on the problem of constructing historical memory on social media. In digital era, perception of the past is created by masses of Internet users who display their interpretation of history on social networks. The tools of reproducing the past are information fakes, digital photos and selfies, Internet memes, computer games, fanfiction and videos on historic topics, created by Internet users in enormous quantities. Social media are the arena where historical memory is shaped, as all information resources, including those on historical subjects, are accumulated in the digital space. Number of Internet users, skilled in digital technologies for producing information content, actively use them to create their own versions of the past and spread them among a broad audience. The specific characteristic of reproduced perceptions of the past on social media is their emotional nature, mythologizing and stereotyping. Users create their own versions of historical events that match the shared perception of the past that is associated with the stories and symbols of popular culture. New commemorative practices are emerging in social media as people immerse in the digital virtual space.

Keywords: historical memory, memory studies, perception of the past, social media, online content, mediatisation of history

REFERENCES

1. Efremenko D.V., Malinova O.Yu., Miller A.I. Politika pamyati i istoricheskaya nauka // Rossiiskaya istoriya. 2018. № 5. S. 128–140 (in Russian).
2. Safronova Yu.A. Tret'ya volna memory studies: dvadtsat' tri goda protiv shersti // Politicheskaya nauka. 2018. № 3. S. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01 (in Russian).
3. Nikolai F.V. «Tret'ya volna» memory studies: kul'turnaya pamyat' mezhdru opytom i reprezentatsiei // Dialog so vremenem. 2018. № 63. S. 369–374 (in Russian).
4. Logunova L.Yu. Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly // Idei i idealy. 2019. T. 11. № 1–2. S. 227–253. DOI 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253 (in Russian).
5. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge. 2017. DOI 10.4324/9781315637235.

6. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.
7. Nim E. (Ne)sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti v epokhu mediatizatsii // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2017. T. 16. № 3. S. 409–427 (in Russian).
8. Ageeva G.M. Mediatizatsiya pamyati: memuarnye svidetel'stva v blogakh i sotsial'nykh setyakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 363. S. 68–74 (in Russian).
9. Shestakova E.G. Mediatekst i problema sotsial'nogo zabveniya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. 2013. T. 12. № 10. S. 30–38 (in Russian).
10. Anikin D.A., Bubnov A.Yu. Politika pamyati v setevom prostranstve: internet kak mediator pamyati // Voprosy politologii. 2020. T. 10. № 1 (53). S. 19–28 (in Russian).
11. Russkii letopisets // Russkaya vera [Sait]. URL: https://ruvera.ru/news/russkij_letopisec (data obrashcheniya: 28.03.2022) (in Russian).
12. Frantsiya-pamyat' / P. Nora i dr.; per. s fr. D. Khapaevoi. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999 (in Russian).
13. Shomova S.A. Mem-letopisets: reprezentatsiya novostnoi povestki dnya pandemii v memeticheskom kontente Runeta // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. № 5 (165). S. 399–424 (in Russian).
14. Belov S.I. Metodika izucheniya videoigr kak instrumenta simvolicheskoi politiki // Voprosy politologii. 2021. T. 11. № 9 (73). S. 2457–2464. DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.002 (in Russian).
15. Klyuikova E.A., Chetina E.M. Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nykh platformakh // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2015. № 3 (31). S. 95–104 (in Russian).
16. Zvereva G.I. Ryadovoi pol'zovatel' sotsial'nykh media kak istorik: sozdanie istoricheskogo povestvovaniya na YouTube // Prepodavatel' XXI vek. 2019 № 4. S. 323–337 (in Russian).

Индекс УДК 261.7

Код ГРНТИ 21.41.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-84-95

**М.О. ОРЛОВ,
А.В. ИВАНОВ,
С.А. ДАНИЛОВ***

Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога

В современном российском обществе проблема взаимодействия светского и религиозного мировоззрения является актуальной, её значение во многом определяется ростом внутренних рисков и угроз, в том числе экстремистских, протестных движений, распространением кризисных форм духовности, вовлечением граждан в деструктивные квазирелигиозные практики. Сохранение духовно-нравственной культуры России является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности, гарантом её устойчивости и стабильности в условиях экспансии чуждых российским традициям и ценностям социокультурных практик и идеологических нарративов. Поиск конструктивных оснований сотрудничества государства, религиозных институтов и общества является приоритетной целью настоящего исследования.

В результате проведённой работы можно выделить следующие достижения исследовательского коллектива: выявлены историко-философские горизонты представлений о светскости; обоснован выбор дискурсивного анализа в качестве методологического основания изучения светскости и религиозности; сформулировано представление о секулярности как комплексном взаимодействии светских и религиозных типов мировоззрения; очерчены границы понимания светскости в контексте теологического дискурса; выделены и описаны рискогенные направления публичных дискуссий о роли религии в современном научном пространстве, негативные сценарии развития отношений государства, Церкви и общества; проанализировано влияние цифровой среды на отношение молодёжи к проблемам веры, религии, нравственности; проанализированы век-

* **Орлов Михаил Олегович** — доктор философских наук, декан философского факультета, заведующий кафедрой теологии и религиоведения Саратовского государственного университета (СГУ) имени Н.Г. Чернышевского, руководитель проекта «Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога» (21-011-44127).
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Иванов Андрей Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, исполнитель того же проекта.
E-mail: ivanowaw@gmail.com

Данилов Сергей Александрович — кандидат философских наук, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, исполнитель того же проекта.
E-mail: danilovsa@sgu.ru

торы трансформации границ религиозности и светскости в условиях цифровой среды; создана классификация медиаресурсов, публикующих религиозный контент; описаны их основные стратегии, выявлены потенциальные риски и угрозы; сформулированы рекомендации для органов государственной власти в области экспертизы и мониторинга интернет-пространства на предмет деструктивных религиозных тенденций.

Полученные результаты нашли своё выражение в разработанной консенсусной модели межконфессионального взаимодействия, направленного на поддержание духа сотрудничества и укрепление доверия между представителями светского и религиозного мировоззрения в условиях современного постсекулярного общества, формирования готовности государственных, религиозных, социальных институтов к сотрудничеству по социально значимым вопросам.

Ключевые слова: теология, религиозные ценности, мировоззрение, постсекулярное общество, светский гуманизм, гражданское общество, общество риска, социальные институты

Исследование проблемы религии и общества на современном этапе развития научного знания предполагает поиск новых методов, позволяющих изучить комплексную природу секулярности в пространстве общества позднего модерна. При этом следует учитывать, что сами термины «религия» и «секулярность» являются контекстуальными и исторически изменчивыми; следовательно, анализ соответствующих подходов должен учитывать влияние различных социальных, культурных и эпистемологических факторов [1].

Современная социальная философия и теология о феномене секулярности

За последние десятилетия на фоне дискуссий о секулярности в гуманитарных и социальных науках произошли значительные изменения, итогом которых стало формирование дискурсивного подхода [2]. Как указывает К. Стакрад, дискурсивная теория религии является прямым следствием взаимосвязанных трансформаций научного знания [3].

Дискурсивная стратегия исследования научного и религиозно-теологического позволяет установить не только существенное различие между ними, но и выявляет более глубокую связь, которая всё активнее

обнаруживает себя по мере того, как религия, наука и светское общество в целом вступают на более зрелую стадию своего развития. Между религиозным и светским дискурсами существует множество различных отношений, и понимание этого необходимо как для осмысления конфликта интерпретаций светского и религиозного дискурса, так и для рефлексии по поводу возможностей их гармонизации в процессе диалога [4, с. 53].

В социальном контексте связи между теологией и секулярно-научным дискурсом всегда представлялись наиболее конфликтными, поскольку традиционное представление о религии как о тормозе общественно-исторического развития, сложившееся в европейской культуре начиная с эпохи Просвещения, породило многочисленные социально-политические дискуссии о границах религии в светском обществе. Дискурсивный анализ позволяет осмыслить меняющиеся представления о секулярности в различных исторических условиях взаимодействия светского и теологического дискурса, определить как возможные источники интерпретативных конфликтов, так и определить возможности компромисса в условиях динамично развивающейся социальной среды современного общества.

Главное отличие понимания светскости в контексте теологического дискурса заключается в следующем: сторонники секулярного дискурса определяют секуляризацию как трансформацию религиозности, которая сопровождается снижением социального значения религиозных институтов; а в рамках теологического подхода секуляризация рассматривается негативно как отступление от «нормального состояния», которое сопровождается не только повсеместным распространением атеистического натуралистического мировоззрения, но и нравственным упадком и перерождением всего общества в целом.

Как отмечает митрополит Иларион (Алфеев), «следует различать секуляризм, который характерен для современного светского общества, где Церковь отделена от государства, и воинствующий секуляризм, который по своей сути является антицерковным и антихристианским явлением. Именно воинствующий секуляризм пытается изгнать христианство из общественной жизни и настаивает на том, что религия должна быть частным делом отдельных индивидуумов... Однако воинствующий секуляризм не может восприниматься как общий знаменатель для всех религиозных течений и представителей разных мировоззрений. Таким общим знаменателем может быть только секуляризм, который вытекает из принципа отделения Церкви от государства, но не предполагает, что этот принцип будет означать вытеснение Церкви из общественного пространства» [5].

Основываясь на приведённом анализе концептуальных положений светских и теологических доктрин о сущности секуляризации, можно констатировать как общие, так и различные черты обеих концепций.

Во-первых, в обеих концепциях присутствует одинаковое понимание секуляризации как социального упадка религии, в результате которого представители различных конфессиональных групп во взаи-

модействии друг с другом вынуждены руководствоваться принципами светского демократического государства, а религиозные нормы трактуются лишь как частные партикулярные нормы.

Во-вторых, теологическая концепция, предполагающая разностороннюю критику секуляризма как вытесненной религиозности, указывает, что в условиях современного общества секулярная идеология более не является основанием всеобщей нейтральности и консенсуса во взаимодействии религии и общества, который обеспечивался секулярностью в момент своего зарождения. Теологическая позиция содержит в себе рациональное основание в том отношении, что её представители не просто призывают к возврату в досекулярное состояние, а полагают возможным и необходимым выработку новых принципов данного взаимодействия. Как представляется, в этом центральном пункте сближаются взгляды представителей всех отмеченных групп.

В результате проведённого исследования было выявлено, что, как правило, под светскостью понимают либо вытеснение религиозности из пространства публичного взаимодействия, либо ограничение деятельности религиозных организаций как полноправных социальных институтов. Однако данный взгляд на проблему выражает понимание светскости со стороны нерелигиозного населения, ассоциирующего себя с атеистическим или агностическим типами мировоззрения. При этом из исследовательского поля зрения могут исчезнуть важность и перспективность анализа позиции противоположной стороны — конфессиональной. Религиозный подход к концептуализации светскости является одним из ключей к гармонизации социальных отношений, при котором государственно-конфессиональные и церковно-общественные формы взаимодействия смогут быть описаны в рамках логики «модели перекрывающегося консенсуса».

Исследование взаимодействия светского и религиозного мировоззрения в контексте социализации молодёжи: кризисные явления и тенденции развития

Проблема взаимодействия светского и религиозного находит выражение через анализ процессов социализации. В отличие от социализации светского типа, для описания традиционной религиозной социализации требуется несколько иной методологический инструментарий. Если для западноевропейской школы социологии религии в лице Д. Шерката [6] базой является агентоориентированный подход, где доминирующая роль в качестве агента социализации отводится семье и исследовательский фокус обращён на плоскость детско-родительских отношений, то в контексте настоящего исследования основной упор был сделан на институциональное участие Церкви (воскресной школы, прихода в целом) в осуществлении религиозной социализации детей и молодёжи.

Анализ специфики российского социума показывает, что религиозную социализацию традиционного типа следует рассматривать как более широкое явление, охватывающее различные возрастные группы и ориентированное прежде всего на конкретную конфессию как основной социализирующий агент. Применительно к общине православных христиан под религиозной социализацией будут пониматься катехизация как процесс и воцерковлённость как результат (примечательно, что ряд исследователей социологии православия, например Ю.Ю. Синелина [7], В.В. Чеснокова [8], используют понятия «религиозная социализация» и «воцерковлённость» как синонимичные).

Таким образом, современное православное сознание стоит на позиции, согласно которой «светскость» должна пониматься не как безрелигиозность или антирелигиозность в смысле монополии атеистического мировоззрения, а как такой принцип устройства социальной жизни, при котором для граждан действует свобода вероиспо-

ведания, а Церковь получает возможность активно взаимодействовать с государством и нерелигиозной общественностью в решении социально значимых вопросов. Данный подход с акцентом на коммуникативную составляющую светскости позволяет выделить новый горизонт в понимании данного концепта. В XXI в., в условиях плюрализма мировоззрений и религиозных убеждений, светскость в качестве маркера религиозности и нерелигиозности теряет своё значение и становится новой коммуникативной стратегией, при реализации которой разные социальные институты получают возможность публичной дискуссии с целью поиска и претворения в жизнь наиболее эффективных решений, касающихся развития как отдельных сфер социума, так и общества в целом.

Светскость в данном случае определяет границы, в рамках которых становится возможным диалог религиозных организаций, социальных институтов, органов государственной власти, а также создаёт безопасные, не ведущие к эскалации напряжённости механизмы взаимодействия с нерелигиозным населением. Важным фактором обеспечения светскости выступает готовность взаимодействующих сторон развивать интеллектуальную культуру, при которой, с одной стороны, будет происходить взаимообогащение институтов, а с другой — могут быть выработаны новые формы их самоосмысления и саморепрезентации.

Подводя итоги, следует сказать, что в третьем тысячелетии именно религиозные интенции послужили импульсом для переконцептуализации светскости в условиях постсоветской реальности, в том числе значительное влияние на формирование государственно-конфессионального диалога оказали процессы воцерковления молодёжи и её приобщения к российским национальным ценностям в контексте религиозного воспитания.

Религия в условиях постсекулярной современности характеризуется синхронизацией процессов индивидуализации и плю-

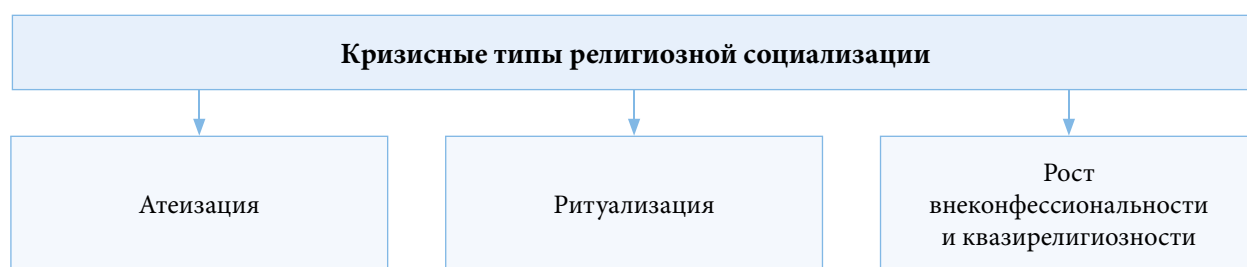

Рис. 1. Кризисные типы религиозной социализации

рализации религиозных практик, что в свою очередь становится основной причиной разнообразных маргинальных тенденций.

В итоге всё большее распространение получают такие кризисные типы религиозной социализации, как атеизация, ритуализация, рост популярности внеконфессиональной религиозности и квазирелигиозных сообществ (рис. 1).

1. Атеизация как утрата исходной религиозной идентичности, разочарование в религиозном мировоззрении, переход в число атеистов. К числу факторов, которые усиливают указанные негативные тенденции, можно отнести открытое общественное одобрение и пропаганда атеизма; негативная реакция образованной части общества на религиозный фундаментализм; идеологическое неприятие слияния религии и политики; исходный низкий уровень религиозной социализации в рамках семьи; внутренний конфликт между религиозными убеждениями и ценностями секулярной культуры, ценностный разрыв между религиозными идеалами и реальностью, наблюдаемый в деятельности религиозных организаций и др. [9–11].

2. Ритуализация. Сущность религиозного ритуализма заключается в отступлении от религиозной жизни при сохранении внешней принадлежности к религиозным институтам. Данная тенденция может быть выражена формулой «религия без веры», когда принадлежность к религиозной организации утрачивает свою духовную составляющую, но продолжает сохранять социальное значение, превращаясь в систему исполнения социальных ритуалов, которым

индивид вынужден следовать в силу различных причин: боязни потерять достигнутый и индивидуальной статус в группе, осуждения окружающих, превращения религиозной идентичности в элемент этнокультурной самоидентификации.

3. Внеконфессиональная религиозность и квазирелигиозность. Другим кризисным типом религиозной идентичности является, например, внеконфессиональная религиозность, в ходе которой индивид, утративший социальную связь с религиозной организацией, продолжает идентифицировать себя в качестве верующего («вера без религии»).

Относительно характера религиозной социализации современной российской молодёжи следует сказать, что, как и в случае со светской культурой, индивидуализация является одной из основных черт религиозных изменений в модернизирующихся обществах. Современная российская молодёжь, как и предыдущие поколения советских людей, была сформирована в культурном контексте, где право выбора своего мировоззрения считается само собой разумеющимся. Можно предположить, что в подобных условиях начальной точкой религиозной социализации для большинства молодёжи являются не столько религиозные институты, сколько исходный уровень религиозности семьи, который можно рассматривать в качестве первичного института социализации, с одной стороны, а с другой — субъективный выбор своего места среди множества мировоззренческих альтернатив [12].

Таким образом, в обществе, вовлечённом в процесс секуляризации, мы можем

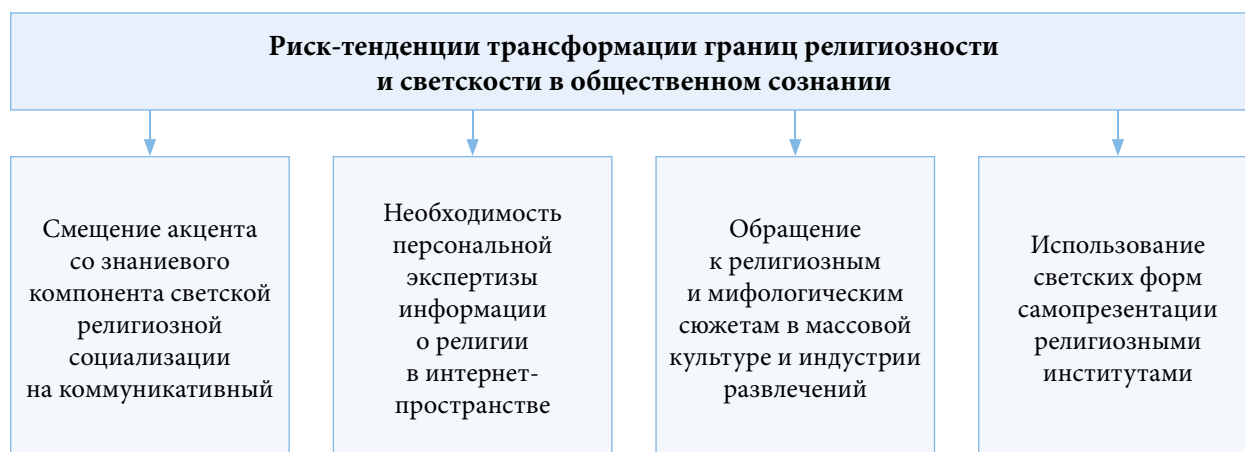

Рис. 2. Риск-тенденции трансформации границ религиозности и светскости в общественном сознании

обнаружить растущую автономизацию различных сфер по отношению к религиозным институтам. Как уже отмечалось, траектория, которую можно считать наиболее характерной для позднего модерна, — это институциональное возрождение религии. С другой стороны, наблюдается дальнейшее распространение секулярных тенденций, выражающихся в росте популярности разнообразных практик, смысл которых состоит в том, что индивиды по-прежнему продолжают осуществлять конструирование своей собственной идентичности на основе индивидуальной селекции ценностных смыслов среди многообразия религиозных традиций, которыми насыщена социокультурная среда и медийное пространство современного общества. Логика автономизации и плюрализма имеет в качестве контрапункта логику дестабилизации сферы духовно-нравственного самоопределения.

Основные векторы религиозной и светской социализации молодёжи в условиях цифровой среды

Ключевым измерением, позволяющим рассмотреть проблему взаимодействия светского и религиозного, служит цифровая среда, генерирующая как новые возможности, так и новые угрозы. Анализ основных векторов трансформации границ религиозности и светскости в контексте

социализации современной молодёжи в условиях цифровой среды показывает, что в последние десятилетия на фоне процессов информатизации и глобализации стала заметно выделяться новая форма социализации молодёжи — цифровая, ключевыми особенностями которой являются: избыточное изобилие информации, сетевая структура коммуникации, увеличение темпа межличностного и группового взаимодействия. Как отмечает Д.В. Шмонин, в условиях нарастания информационных вызовов современного общества со стремительной цифровизацией коммуникационно-информационного пространства усиливается «внимание к связке “язык—культура—ценности” не только в аспекте обучения, но и в аспекте воспитания» [13, с. 526].

Развитие цифровой среды становится серьёзным фактором трансформации границ религиозности и светскости в общественном сознании и формирования риск-тенденций (рис. 2).

Для конфессиональной религиозной социализации цифровая среда может выступать только вспомогательным средством социализации, в то время как основа остаётся неразрывно связанной с общиной в пространстве офлайн. Несмотря на то, что сегодня традиционные религии стремятся задействовать весь спектр информационных технологий и активно проникают в цифровое пространство, присутствие

в сети Интернет традиционных религиозных институтов не может заменить офлайн-овой, прежде всего культовой, составляющей религиозной социализации. В противовес ей полноценная конфессиональная религиозная социализация невозможна в отрыве от религиозной общины.

На основе анализа многообразия конфессиональных и светских типов религиозной социализации пользователей отметим, что риск трансформации границ светскости и религиозности, в первую очередь, выражен в процессах их взаимоналожения и взаимозамещения. С одной стороны, традиционные религиозные организации используют светское интернет-пространство в целях достижения классических задач, присущих им как социальным институтам: это представительский, информационный виды деятельности, в том числе миссионерский и катехизаторский, а также вместе с тем и досуговый. В таком случае религиозные организации, перенимая тренды светской индустрии развлечений, оказываются под угрозой утраты самого главного достояния веры – представления о священном.

В то же время границы светскости и религиозности в цифровой среде подвергаются размыванию со стороны секулярно, атеистически настроенного сообщества, испытывающего значительный интерес к природе религиозного и его институциональным проявлениям в современном мире. Это приводит к массовому увеличению религиозного и квазирелигиозного медиаконтента, не прошедшего верификацию со стороны конфессионального сообщества. В свою очередь это ведёт к дезинформации широких слоёв населения относительно религиозной культуры, её ценностей, мировоззренческих оснований, истории, практической деятельности конфессий. Тогда именно понимание внутренней логики устройства религиозных организаций, их системно-образующих смыслов является основой для самопроверки граждан при столкновении с религиозным, около- и квазирелигиозным контентом в цифровой среде, что в свою очередь

является основанием для противодействия экстремистским и деструктивным движениям в интернет-пространстве (ил. 1).

Необходимо выделить ещё один вектор трансформации светскости и религиозности: обеспечение целостности, устойчивости, стабильного развития таких светских институтов, как государственность и гражданственность, посредством гармонизации образовательного пространства и религиозной социализации, когда обладание теологическими и религиоведческими знаниями является фактором безопасности медиасферы и коммуникаций в цифровой среде. Если в советскую – доцифровую – эпоху светскость понималась как уход от обязательного усвоения знаний о религии, понижение её ценности до атрибута исторического процесса в Древнем мире, Средневековье, раннем Ренессансе, то сейчас наблюдается возрождение исторически оправданного отношения к традиционным религиям как к двигателям человеческой культуры, науки, искусства, общественной жизни в целом.

Проведённый анализ современной религиозной ситуации позволяет выявить основные риски взаимодействия религиозного и светского измерения постсекулярного общества. Отталкиваясь от концепции Х. Казановы, можно сформулировать основную гипотезу дальнейшего анализа того, что природа возможных конфликтов в дискурсивном пространстве современного российского общества обусловлена пересечением секулярных и десекуляризационных процессов [14].

Учитывая, что указанные процессы могут быть связаны, с одной стороны, с нарастанием религиозного плюрализма, ведущего к подрыву статуса традиционных религиозных конфессиональных групп, а с другой – с попыткой возвращения религиозных институтов в публичное пространство и сближением с государственными институтами, результатом чего становится снижение уровня доверия к ним, имеет смысл рассмотреть два основных негативных сценария.

Ил. 1. Группа «Философия. Теология. Религиоведение» в социальной сети «ВКонтакте» как пример ресурса, содержание которого направлено на минимизацию рисков деструктивности

Существование первого сценария связано с дальнейшим развитием так называемого рынка религий, возникшего за последние тридцать лет в условиях активного распространения новых гетеродоксальных, урбанизированных, коммерциализированных форм религиозности, обычно существующих за пределами традиционных церквей.

Второй негативный сценарий связан с основной особенностью постсоветской модели десекуляризации, которая характеризуется возвращением религии как в публичную (государственную), так и в частную сферу. В данном случае не исключены конфликты воинствующих традиционалистов и их радикальных оппонентов из атеистического лагеря. К тому же общая тенденция возвращения религии в публичное пространство не всегда способствует росту индивидуальной религиозности, а может

свидетельствовать о зарождении религиозного конформизма.

Развивающееся пространство взаимодействия светского и религиозного мировоззрений является средой генерации рисков. Одной из актуальных рискогенных тенденций трансформации общественно-религиозных взаимоотношений становится рост антирелигиозности как способа социального протеста. Другим аспектом рискогенности выступает фактор противоречивого отношения определённой части российской молодёжи к Русской Православной Церкви, что связано с ассоциацией «Церкви с государственной властью, а поскольку в молодёжной среде традиционно высок уровень бунтарских, разрушительных настроений по отношению к существующему общественному порядку, в поле негативного восприятия

Ил. 2. Выставочно-образовательный проект
«Духовно-нравственная культура России в живописных образах и теологической рефлексии»
(философский факультет СГУ, фото с сайта <https://eparhia-saratov.ru>)

оказываются и официальные религиозные институты» [15, с. 390].

Однако определяющий фактор неприятия традиционных религий со стороны радикально настроенных атеистических групп в современном российском обществе лежит не только в сфере доктринальных положений и религиозных ценностей, но и в том, что религиозные институты проявляют активное сотрудничество с государством в социальной сфере. Более того, представление, что последователи традиционных религий должны в большей мере разделять прогосударственные настроения, мотивирует представителей политической оппозиции поставить себя в оппозицию и к традиционным религиям.

Вышеописанные социальные институты представляют собой различные варианты традиционной религиозной социа-

лизации. При этом по мере нарастания цифровизации общества всё большее влияние на молодёжь начинают оказывать институты нетрадиционной религиозной социализации, которые зачастую носят неконфессиональный характер, но не исключают и конфессиональный компонент. Интервьюирование представителей молодёжи свидетельствует, что значительную часть информации о религии они получают из СМИ (как печатных, так и электронных), Интернета и индустрии развлечений (компьютерные игры, кино, художественная литература).

На сегодняшний день именно цифровая среда является основным и вместе с тем динамично развивающимся агентом религиозной социализации для подавляющего большинства молодёжи. Контент-анализ медиаресурсов и парсинговые исследо-

вания свидетельствуют, что в историко-культурном контексте информация о религии вызывает у молодёжи стабильный и достаточно высокий интерес. Несомненными достоинствами, обеспечивающими доминирование стратегии религиозной социализации средствами интернет-пространства, являются всеохватность, доступность и добровольность. Однако эта стратегия остаётся и наиболее рискованной в силу отсутствия контроля качества и проверки достоверности контента религиозной тематики. В рамках проекта был проведён анализ представленности религиозного содержания у сообществ в сети «ВКонтакте».

Основным путём минимизации обозначенных рисков должна стать разъяснительная работа образовательных институтов и СМИ относительно правильного понимания принципа светскости. Позитивной тенденцией может стать и расширение религиозоведческого и теологического образования. Такая работа должна включать

расширение практики просветительской работы с детьми и молодёжью, развитие систем духовно-нравственного воспитания в общеобразовательных организациях и организациях дополнительного образования (ил. 2).

Кроме того, особенно важным становится включённость в государственно-конфессиональный и общественно-конфессиональный диалог религиозных объединений, являющихся культуuroобразующими для конкретного региона и страны в целом. В свою очередь, необходимым условием гармонизации отношений внутри конфессии становятся укрепление религиозных общин, создание горизонтальных социальных связей на приходах, предоставление возможности реального участия прихожанина в совместной подготовке к богослужениям, в осуществлении обучения и наставления в вере, организации семейных праздников и мероприятий, реализации волонтерской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beckford J.A. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
2. Peters L. Religion als diskursive Formation. Zur Darstellung von Religion in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Bielefeld: Transcript, 2021.
3. Von Stuckrad K. Discursive study of religion: from states of the mind to communication and action // Method and Theory in the Study of Religion. 2003. № 15 (3). P. 255.
4. Орлов М.О., Иванов А.В. Дискурсивное изучение религии в постсекулярном обществе: концепты и проблемы // Вестник Омского университета 2022. Т. 27. № 1. С. 50–54.
5. Выступление митрополита Волоколамского Илариона во Всероссийской библиотеке иностранной литературы // Официальный сайт Московской патриархии Русской Православной Церкви. 2012. 25 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (дата обращения: 20.07.2023).
6. Sherkat D. Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency // Handbook of the sociology of religion / Ed. M. Dillon. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. Pp. 151–163.
7. Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России (1989–2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 77–88.
8. Чеснокова В.Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX в. М.: Академический проект, 2005.
9. Baker J. Buster G.S. The nones: Social characteristics of the religiously unaffiliated // Social Forces. 2009. № 87 (3). Pp. 1251–1263.
10. Bullivant S. Introducing irreligious experiences // Implicit Religion. 2008. № 11 (1). Pp. 7–24.

11. Zuckerman P. Society without God: What the least religious nations can tell us about contentment. New York: New York University Press, 2008.
12. Woodhead L. Epilogue // Religion and Youth / Ed. S. Collins-Mayo, P. Dandelion. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010. Pp. 239–241.
13. Шмонин Д.В. Язык и теология в современной образовательной среде // Материалы международной научно-практической конференции «Перспективы развития и исследований в сфере наук об образовании». М.: Изд-во Российской академии образования, 2022. С. 525–529.
14. Шишков А. Некоторые особенности десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь. 2012. № 2. С. 165–177.
15. Орлов М.О. Риски взаимодействия светской и религиозной культур в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 388–392.

Relations between Secular and Religious Mind-set as a Theological Problem: Social Risks, Challenges of Digitization and Establishment of a Civil Dialogue

Mikhail Olegovich Orlov – Doctor of Science (Philosophy), Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Theology and Religion Studies, Saratov Chernyshevsky State University, leader of the project ‘Relations between Secular and Religious Mind-set as a Theological Problem: Social Risks, Challenges of Digitization and Establishment of a Civil Dialogue’ (21-011-44127).

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Andrey Valeryevich Ivanov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov Chernyshevsky State University, executor of the same project.

E-mail: ivanowaw@gmail.com

Sergey Aleksandrovich Danilov – Candidate of Science (Philosophy), Head of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov Chernyshevsky State University, executor of the same project.

E-mail: daniilovsa@sgu.ru

The problem of relations between secular and religious beliefs is topical in modern Russian society; its importance is largely determined by the growing internal risks and threats, including extremist and protest movements, the spread of crisis patterns of spirituality, and citizens' involvement in destructive quasi-religious practices. Preservation of Russia's spiritual and moral culture is one of the priorities of the national security, a guarantee of national sustainability and stability in the face of the expansion of socio-cultural practices and ideological narratives alien to Russian traditions and values. This study focuses on the search for constructive frameworks for cooperation between the state, religious institutions and society.

Research team's work resulted in the following achievements: identified historical and philosophical perspectives on secularism; justified choice of discourse analysis as a methodological basis for the study of secularism and religiousness; defined the idea of secularism as a complex interrelations of secular and religious worldviews; outlined the boundaries of understanding secularism in the context of theological discourse; identified and described risk areas of public discussions on the role of religion in a modern scientific space; identified negative scenarios of development of relations between the state, church and society; analysed the impact of the digital environment on the attitude of young people to the problems of faith, religion, morality; analysed the vectors of transformation of the boundaries of religiousness and secularity in the digital environment; developed a classification of media sources publishing religious content, described their main strategies, identified potential risks and threats; developed recommendations for public authorities to assess and monitor the Internet environment for destructive religious trends.

The results were reflected in the developed consensus model of inter-confessional relations, aimed at maintaining the spirit of partnership and trust between representatives of secular and religious worldviews in the conditions of modern post-secular society, the promotion of willingness of state, religious and social institutions to cooperate on socially important issues.

Keywords: theology, religious values, worldview, post-secular society, secular humanism, civil society, risk society, social institutions

REFERENCES

1. Beckford J.A. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
2. Peters L. Religion als diskursive Formation. Zur Darstellung von Religion in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Bielefeld: Transcript, 2021.
3. Von Stuckrad K. Discursive study of religion: from states of the mind to communication and action // Method and Theory in the Study of Religion. 2003. № 15 (3). P. 255.
4. Orlov M.O., Ivanov A.V. Diskursivnoe izuchenie religii v postsekulyarnom obshchestve: kontsepy i problemy // Vestnik Omskogo universiteta 2022. T. 27. № 1. S. 50–54 (in Russian).
5. Vystuplenie mitropolita Volokolamskogo Ilariona vo Vserossiiskoi biblioteke inostrannoi literatury // Ofitsial'nyi sait Moskovskoi patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2012. 25 aprelya 2012. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (data obrashcheniya: 20.07.2023) (in Russian).
6. Sherkat D. Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency // Handbook of the sociology of religion / Ed. M. Dillon. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. Pp. 151–163.
7. Sinelina Yu.Yu. Etapy izmeneniya religioznosti naseleniya v Rossii (1989–2006) // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. № 4. S. 77–88.
8. Chesnokova V.F. Tesnym putyom: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX v. M.: Akademicheskii proekt, 2005 (in Russian).
9. Baker J. Buster G.S. The nones: Social characteristics of the religiously unaffiliated // Social Forces. 2009. № 87 (3). Pp. 1251–1263.
10. Bullivant S. Introducing irreligious experiences // Implicit Religion. 2008. № 11 (1). Pp. 7–24.
11. Zuckerman P. Society without God: What the least religious nations can tell us about contentment. New York: New York University Press, 2008.
12. Woodhead L. Epilogue // Religion and Youth / Ed. S. Collins-Mayo, P. Dandelion. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010. Pp. 239–241.
13. Shmonin D.V. Yazyk i teologiya v sovremennoi obrazovatel'noi srede // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perspektivy razvitiya i issledovaniy v sfere nauk ob obrazovanii». M.: Izd-vo Rossiiskoi akademii obrazovaniya, 2022. S. 525–529 (in Russian).
14. Shishkov A. Nekotorye osobennosti desekulyarizatsii v postsovetskoj Rossii // Gosudarstvo, religiya, tserkov'. 2012. № 2. S. 165–177 (in Russian).
15. Orlov M.O. Riski vzaimodeistviya svetskoi i religioznoi kul'tur v tsifrovuyu epokhu // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2022. T. 22. Vyp. 4. S. 388–392 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 821.161.1

Код ГРНТИ 17.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-96-109

В.Н. ТЕРЁХИНА*

Записные книжки В.В. Маяковского в академическом прочтении

В статье рассматриваются итоги реализации проекта «Поэтика и текстология записных книжек В.В. Маяковского (1917–1930)». В ходе исследовательской работы были изучены рукописные источники, хранящиеся в Государственном музее В.В. Маяковского (68), в РГАЛИ (4), частных собраниях (2). На этой основе с учётом работы В.А. Арутючевой «Записные книжки Маяковского» (1958), теоретического и практического опыта подготовки эго-документов других писателей были выработаны принципы, релевантные для записных книжек Маяковского. В предыдущих полных собраниях сочинений Маяковского записные книжки были использованы лишь частично в разделах «Варианты и разночтения» и «Неиспользованные строки и рифмы». В ходе исследования отмечено жанровое многообразие творческих записей. Среди деловых заметок выявлено около 500 имён из круга общения Маяковского. Создан единый цифровой архив записных книжек Маяковского. Обоснованная в ходе изучения записных книжек методология их транскрибирования, воспроизведения и комментирования нашла практическое применение в Полном собрании произведений В.В. Маяковского в 20 томах, где записные книжки впервые публикуются полностью в качестве самостоятельного раздела.

Ключевые слова: Маяковский, записные книжки, поэтика, текстология, расшифровка, цифровой архив, Полное собрание произведений

Записные книжки как эго-документ

Записные книжки Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930) — это уникальные рукописные источники творческих и биографических свидетельств

значительного периода его жизни в 1917–1930 гг. (ил. 1). В них заключено около 12 000 стихотворных строк, заготовки рифм, записи к выступлениям, деловые заметки, рисунки, фамилии и адреса. До сих пор записные книжки Маяков-

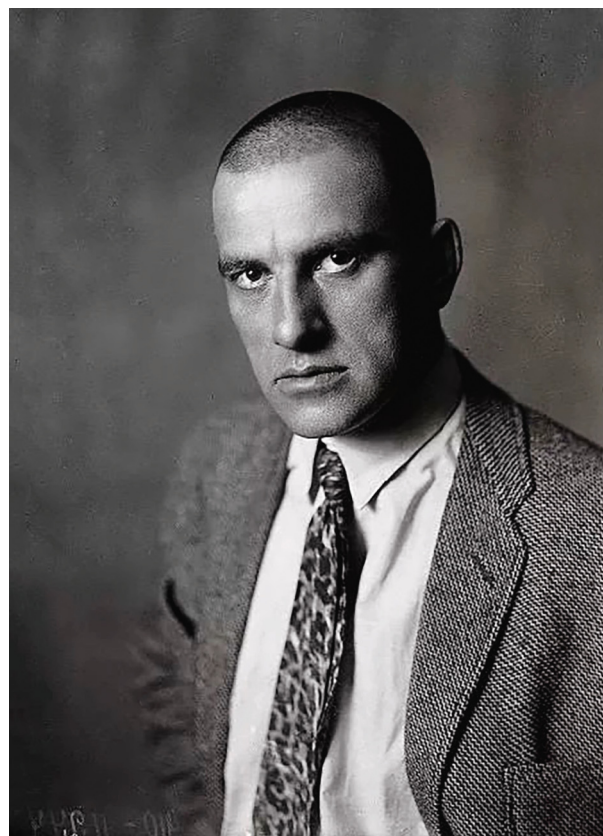
* **Терёхина Вера Николаевна** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, руководитель проекта «Поэтика и текстология записных книжек В.В. Маяковского (1917–1930)» (20-012-00477).

E-mail: veter_47@mail.ru

ского рассматривались как архивные документы прикладного характера. Однако сам поэт подчёркивал их исключительную важность: «записная книжка — одно из главных условий для делания *настоящей* вещи <...>, для писателя эта книга — всё» [1, с. 91].

Интерес к рукописным материалам чрезвычайно высок в среде исследователей творчества Маяковского не только в нашей стране, но и в десятках зарубежных стран, где среди славистов растёт потребность в новых, достоверных текстах и документах. К сожалению, от начального периода его творчества сохранилось мало рукописей (ил. 2). При подготовке к печати ранних поэм в новом собрании произведений приходилось опираться, например, на небольшие фрагменты, вписанные Маяковским на место цензурных изъятий в экземпляре книги «Флейта-позвоночник», подаренном А.М. Горькому [2, с. 299, 389].

Начиная с 1917 г., когда появилась первая записная книжка, можно полнее видеть, как Маяковский работал. Он заносил отдельные строки, рифмы, черновые и беловые строфы и варианты, записи для памяти, тезисы выступлений, деловые

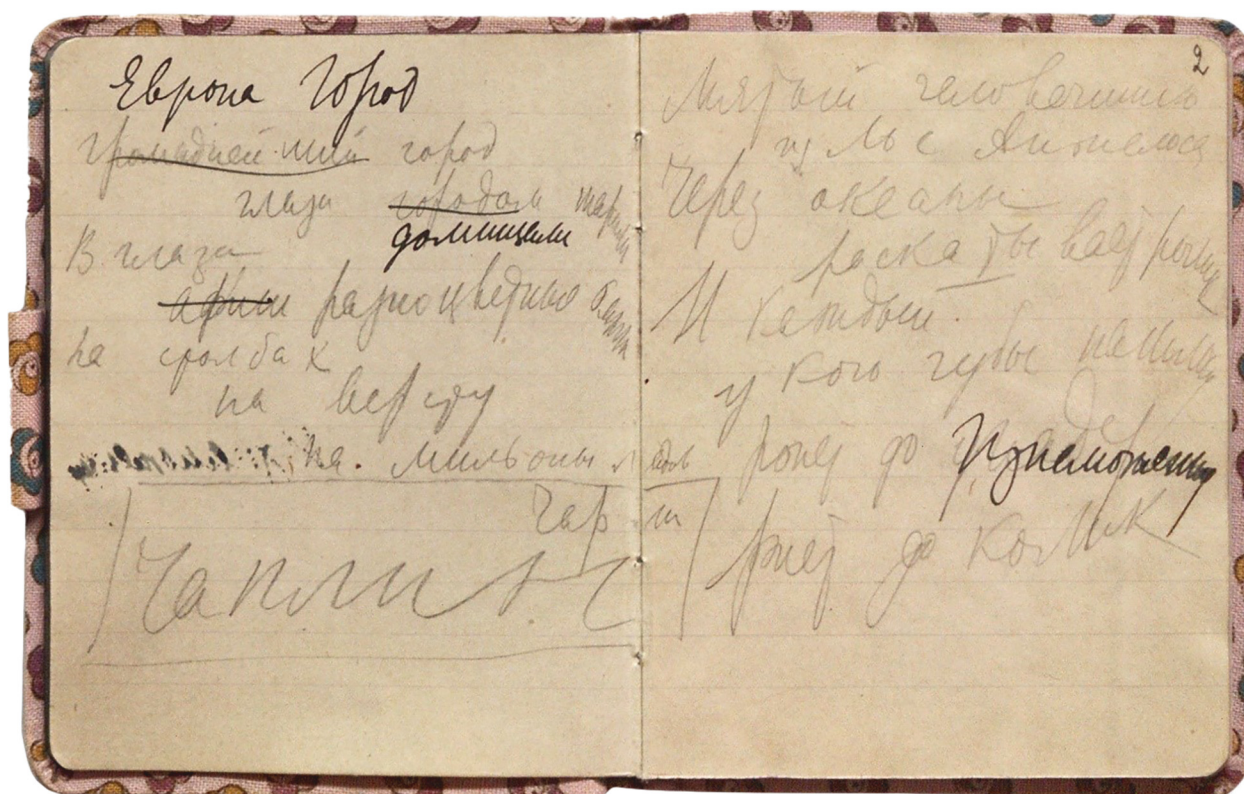

Ил. 1. В.В. Маяковский. 1927

заметки на страницы разного формата блокнотов, тетрадей, альбомов, объединённых в архивной практике понятием «записные книжки» и сквозной нумера-

Ил. 2. Б. Пастернак, В. Маяковский, Т. Найто, А. Вознесенский, О. Третьякова, С. Эйзенштейн, Л. Брик. 1924

Ил. 3. Записная книжка № 22

цией (ил.3). В настоящее время они находятся в разных архивных фондах и даже в разных странах. Основной объём — 68 записных книжек — в Государственном музее В.В. Маяковского, 4 — в Российском государственном архиве литературы и искусства, записная книжка, подаренная Маяковским Т. Яковлевой хранится в США, а подаренная детской писательнице Н. Кальме — в частном собрании в Москве. Первоначальное архивное описание, опубликованное в 1965 г., было весьма кратким и неполным (две последние записные книжки не вошли в издание). Часть творческих записей использовалась в научных изданиях наследия Маяковского в разделах «Варианты и разночтения» и «Неиспользованные строки и рифмы». Однако за пределами публикаций оставались многие значимые элементы, до сих

пор не введённые в исследовательскую практику.

Исследовательский проект и его задачи

Издание записных книжек в качестве самостоятельного тома Полного собрания произведений В.В. Маяковского стало серьёзной научно-исследовательской задачей, потребовавшей теоретической и практической подготовки. Для её решения и был задуман проект, получивший поддержку РФФИ (РЦНИ)¹. В проекте «Поэтика и текстология записных книжек В.В. Маяковского (1917–1930)» эти документы впервые исследовались в совокупности их историко-литературной и текстологической самоценности. Методология работы и её практические результаты имели важное значение для

¹ В проекте участвовали научные сотрудники Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН А.П. Зименков, к.ф.н. Т.А. Купченко, к.ф.н. Н.В. Михаленко, к.ф.н. П.А. Ворон, к.ф.н. В.Н. Дядичев.

Ил. 4. В. Маяковский в группе футуристов. Сидят: В. Хлебников, Г. Кузьмин, С. Долинский.
Стоят: Н. и Д. Бурлюки. 1912

Полного собрания произведений Маяковского в 20-ти томах, подготавливаемого в ИМЛИ РАН (ил. 4).

Надо подчеркнуть, что основная, наиболее репрезентативная работа, близкая теме проекта, была написана В.А. Арутчевой 60 лет назад [3, с. 325–396]. Её богатый материал, к сожалению, оставался мало востребованным. Однако для последнего времени характерно особое внимание к рукописному наследию писателей,

и в частности к записным книжкам. Активное изучение и публикация эго-документов, какими в высшей степени являются записные книжки, отражают стремление исследователей увидеть и понять движение авторской мысли, становление текста. Снять налёт «хрестоматийного глянца» с творчества Маяковского, безусловно, необходимо, исходя из характера его творческого поиска, отражённого в записных книжках.

На этом пути сделаны существенные шаги в области сохранения и визуализации рукописных источников на основе информационных технологий. В то же время такие ресурсы нередко представляют собой только коллекции цифровых изображений памятников, что позволяет решать задачи их сохранения, расширения доступа к ним исследователей, но не всегда сопровождается их изучением. В первую очередь, это относится к записным книжкам, которые и в оцифрованном виде по-прежнему рассматриваются как дополнительный, прикладной материал. Наиболее ценные подходы, несомненно, связаны с распознаванием текста и последующей научной публикацией. Современное состояние этого направления отразилось, например, в работе над тетрадями Цветаевой. Нельзя не отметить многолетние исследования в области цифровой текстологии Л.В. Хачатурян, участницы нескольких исследовательских проектов, автора серии статей, раскрывающих преимущества новых технологий [4, с. 245–251]. Начиная с выступления на Международной конференции к 125-летию со дня рождения Маяковского (ИМЛИ, 2018) с докладом «“Автограф”: записные книжки в цифровом архиве Владимира Маяковского», Л.В. Хачатурян сотрудничала с участниками проекта, подготовила и опубликовала две записные книжки – № 10 и 55. Она подчёркивала, что появилась возможность «свободно обратиться к авторскому варианту со всеми особенностями подлинника: вычеркнутыми фрагментами, маргиналиями, подбором слов, рисунками и конспектами» [5, с. 81]. Стремление формализовать работу с дневниковым текстом отразилось в статье Б.В. Орехова, П.Ф. Успенского, В.В. Файнберг «Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу Ходасевича» [6].

В этом направлении исследовательские возможности порой ограничены представлением электронных версий рукописных источников в формате электронного текста или отдельными примерами интерпретаций. Такое положение в целом характерно и для зарубежных разработ-

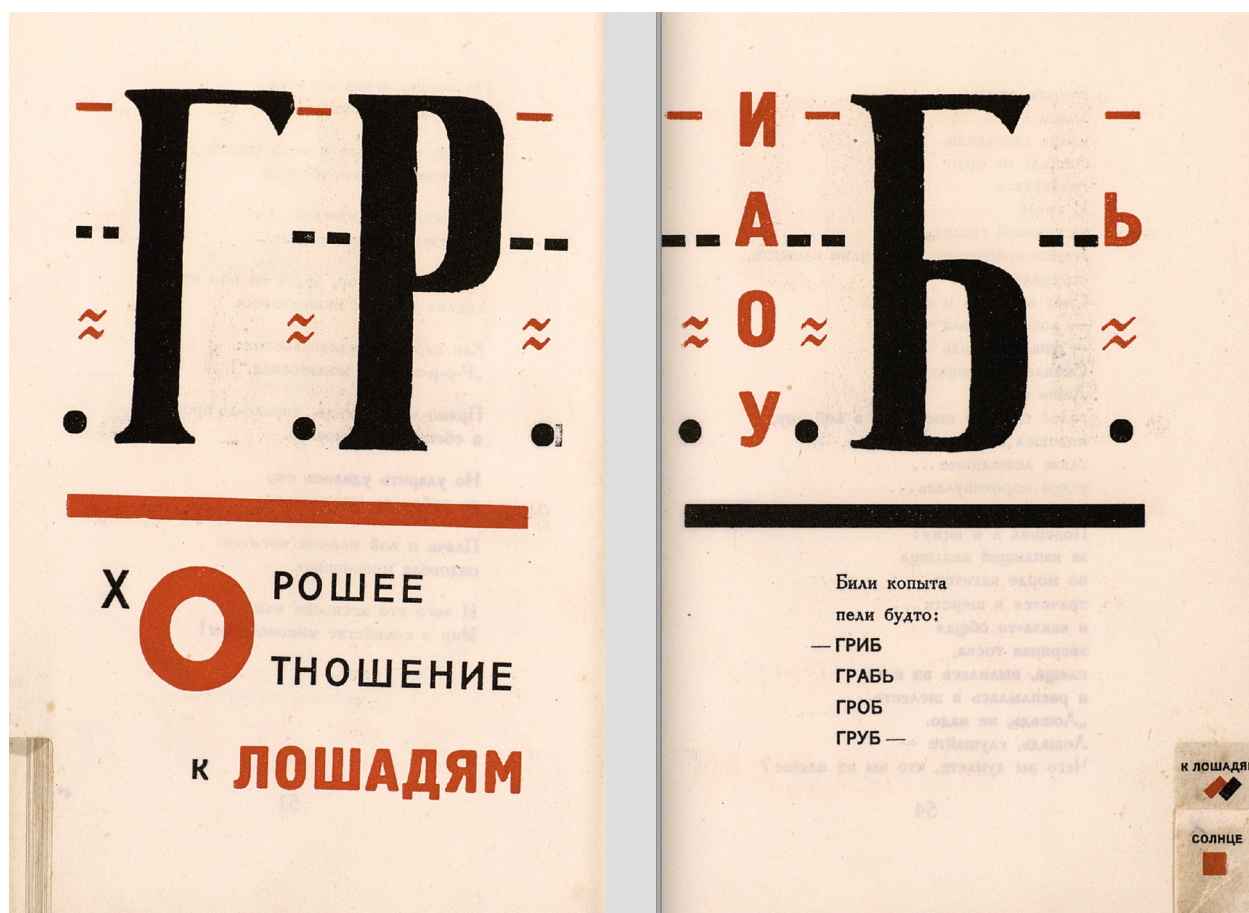
чиков цифровых технологий и отражает объективное состояние дел.

Актуальность и новизна проекта

Научная новизна нашего проекта основывается не только на создании цифрового архива, но на аналитическом рассмотрении рукописного наследия в общем контексте творчества и биографии Маяковского, в использовании компьютерных технологий для расширения возможностей комплексного исследования поэтики и текстологии записных книжек.

Несомненно, в транскрипции записных книжек важна не только правильность их расшифровки, т.е. информативность. Как отмечено выше, информативным является и невербальное содержание, выраженное через месторасположение записи, её размер, через характер почерка, чёткость письма или скоропись, фонетический характер записи. Например, в записной книжке № 22 (см. ил. 3) Маяковский карандашом, буквально на ходу, внёс строчки будущего стихотворения «Киноповетрие» («Чарли Чаплин»). Характер беглой записи отразил впечатления поэта, идущего по улице Берлина: внизу страницы зарисовка афиши кинофильма с именем Чарли Чаплина. Затем, уже за столом (у него ещё не было «вечного пера») Маяковский правит начальные строки чернилами, заменяя описательные фразы «громчайший город» репортажными, чёткими: «Европа. Город». Традиционная запись варианта не способна донести до читателя ни ход творческой работы, ни её смысл, ни обстоятельства создания стихотворения.

В отличие от многих других примеров записные книжки Маяковского в определённой степени отражают принципы футуристических манифестов, в частности отступления от нормативного письма, неразличение прописных и строчных букв, отсутствие знаков препинания и т.п. (ил. 5). Решение сохранить при публикации записных книжек свойственную им скоропись, фонетический характер письма отражают стремле-

Ил. 5. Страницы книги В. Маяковского «Для голоса». Худ. Эль Лисицкий. Берлин, 1923

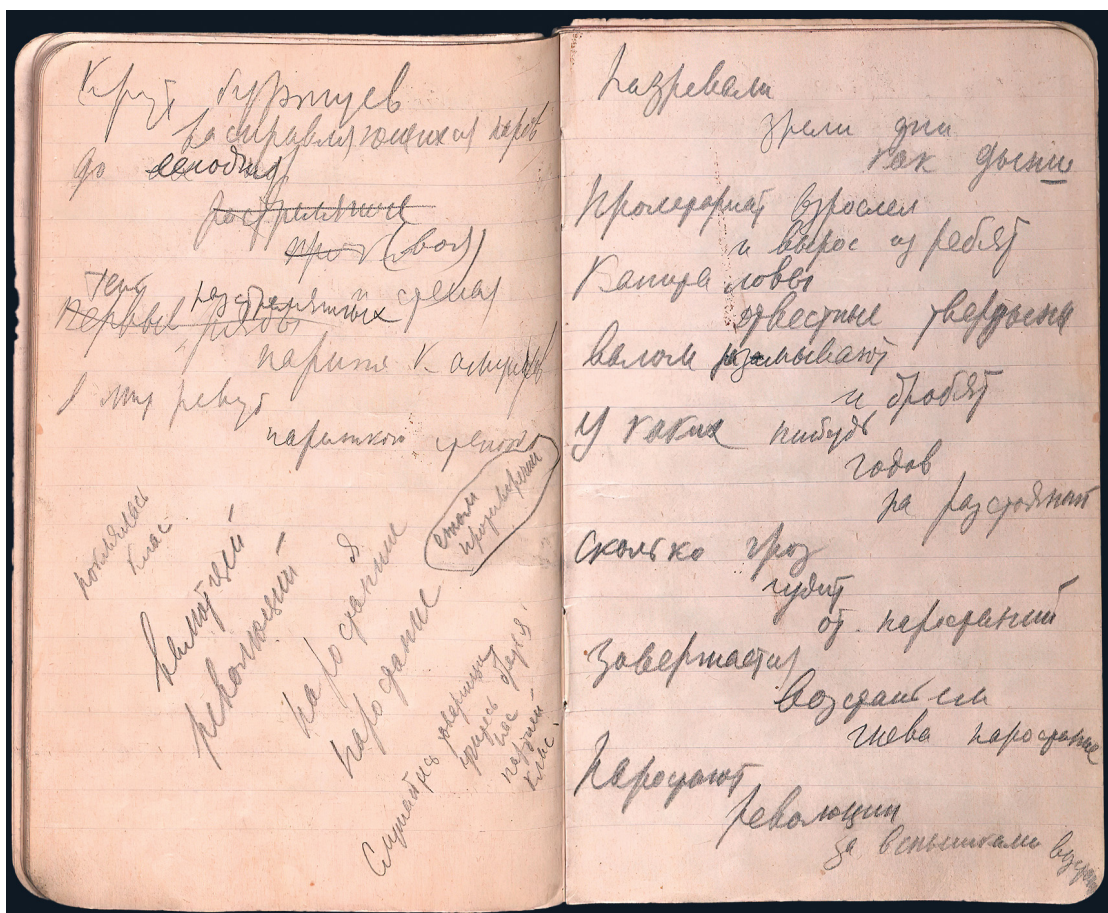
ние поэта на слух проверить отчётливость звучания рифм и аллитераций, созданных прежде всего для произнесения вслух, «для голоса», что художник Эль Лисицкий отразил графически в известной книге.

С этим связан вопрос о воспроизведении автографического спонтанного текста, не предназначенного в своей совокупности для публикации, тем более в академическом издании, главным смыслом которого является как раз представление образцового текста по нормам современной письменной речи. В процессе работы были рассмотрены приёмы воспроизведения записных книжек разного рода в научных изданиях последних лет. Особое внимание уделялось новым проектам, использующим цифровые копии документов и современные технологии их обработки [7].

Важным этапом явилось составление текстологических паспортов всех 74 записных книжек. В ходе расшифровки

и динамической передачи текста во всём объёме с постраничной фиксацией вырабатывались основные условия их публикации в академическом формате. Следовало учесть то, что в творческих записных книжках, содержащих около 12 000 стихотворных строк, у Маяковского встречаются неиспользованные фрагменты, рифмы, фамилии, адреса, телефоны, деловые заметки. На них в полной мере распространяются принятые нами условия воспроизведения творческого текста в соответствии с особенностями работы Маяковского с записными книжками [8].

В процессе создания цифрового архива мы получили копию записной книжки с фрагментом поэмы «Владимир Ильич Ленин». Подаренная Маяковским детской писательнице Н. Кальме в 1924 г., она ранее была недоступна исследователям. Научная экспертиза этой записной книжки, сопоставление с эталонными записными

Ил. 6. Записная книжка № 23а

книжками № 23 и 24 (ГММ), в которых сохранились записи поэмы «Ленин», наглядно зафиксировали совпадение характерных приемов творческих записей Маяковского. В процессе обдумывания текста автор использовал разворот записной книжки, располагая на левой стороне наброски рифм и строк, а на правой записывая готовый текст (ил. 6). На левой стороне разворота внизу видны заготовки рифм: валютцей/революций; нарастание/восстание; глас/клас. Рифмы использованы в строфе справа (в написании отражена прежняя норма в слове «нарастание» и «маяковская» рифма для голоса – глаз/класс).

Основные принципы публикации и комментирования

Новое направление в исследовании требует использования совокупности традиционных историко-литературных, текстологических методов и современных тех-

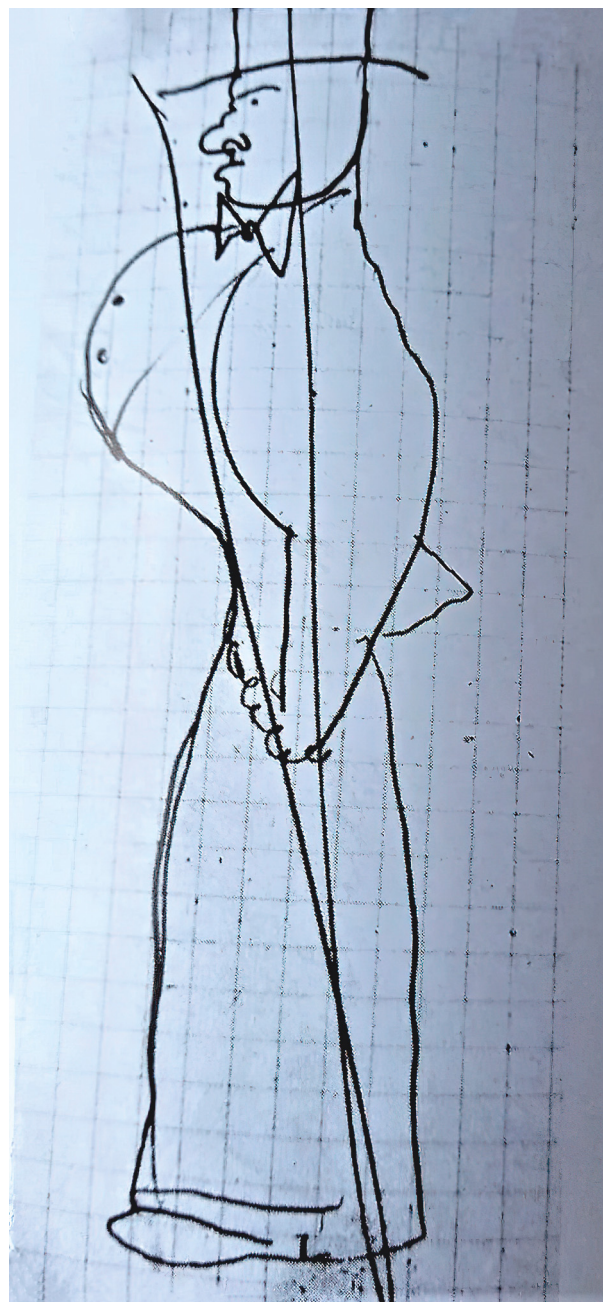
нологий. Исследование и представление вариантов художественного текста по цифровым копиям, идентичным оригиналам записных книжек, сочетается с анализом процесса его создания. Каждая записная книжка сопровождается текстологическим комментарием, историко-литературным пояснением. Нельзя пройти и мимо деловых записей – они часто разбросаны среди поэтических фрагментов, но иногда составляют отдельные комплексы. Такого рода записи, включая тезисы к выступлениям, рисунки, финансовые расчёты, дополняют наши сведения о биографии поэта, условиях его работы над тем или иным произведением, об атмосфере литературной жизни. Автошарж в смокинге появился в записной книжке как иллюстрация к строкам стихотворения «Красавицы»: «В смокинг вштопорен, побрит, что надо...» (ил. 7).

По тем же правилам публикуются и восемь книжек, заполненных исключительно

записями справочного характера (фамилии, адреса, телефоны). Благодаря этим материалам значительно расширяется представление о круге общения поэта, его повседневных заботах, творческих встречах. Составленный на основе записных книжек алфавитный список упоминавшихся в них фамилий (около 500) даёт возможность исследователю уточнить многие биографические сведения, в частности выявить неизвестные ранее контакты Маяковского во время его зарубежных поездок [9]. Так, в записной книжке № 18 содержатся десятки имён французских писателей, художников, музыкантов, вписанных рукой поэта, и автографы Жана Кокто, Игоря Стравинского и других лиц. Все они появятся позже в цикле очерков, чтобы отразить впечатления Маяковского от первой поездки в Париж.

Текстологические подходы позволяют на конкретных примерах выявить типологию способов порождения текста и приёмов его фиксации в записных книжках. Как подчёркивает Л.В. Хачатурян, «Записная книжка выявляет не только этапы создания, но и стержневую интенцию текста. Самая первая запись текста одновременно свободна и от любого внешнего цензора (будь то идеология, читательский спрос или литературная традиция), и от цензуры автора. Черновик фиксирует то, что потом будет сглажено или уничтожено автором в беловике. Применительно к Маяковскому — может прояснить сложные отношения между автором и героем, ключевые и для художественного метода, и для биографии поэта» [10].

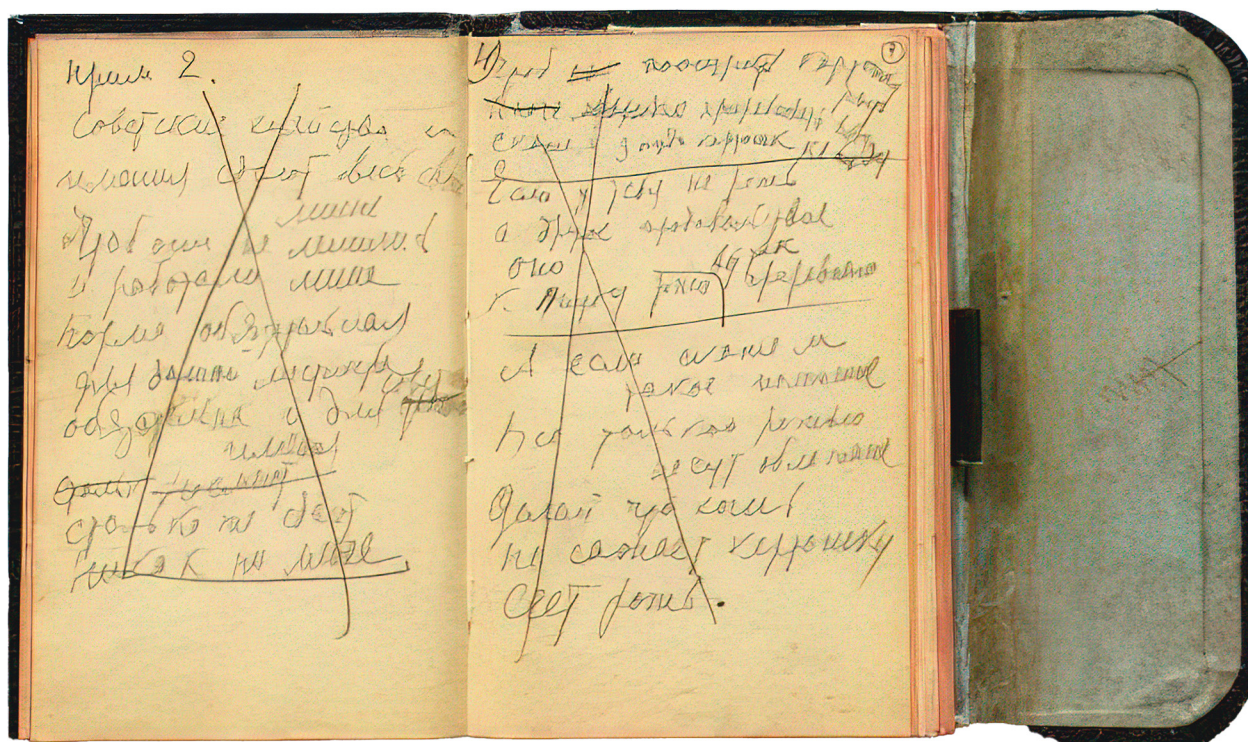
Принципиальный спор продолжается вокруг приёмов публикации записных книжек: сохранять ли их целостность как особого писательского документа или воспроизводить частично, выбирая в одних случаях творческие записи, а в других, напротив, оставляя только деловые, бытовые заметки. Так, в томе записных книжек А. Блока было решено не печатать черновые автографы стихотворений, вошедших в раздел «Другие редакции и варианты», и «только незаконченные стихотворные наброски включить

Ил. 7. Маяковский в смокинге. 1928

полностью, поскольку смысл их вне текстового окружения обедняется, а порой остаётся неясным» [11, с. 520]. Несмотря на аргументированные возражения Д.М. Магомедовой и сомнения ряда текстологов том записных книжек Блока вышел фактически без стихотворных записей [12, с. 486].

Проспект Полного собрания произведений Маяковского, разработанный более 20 лет назад, также предусматривал выборочную публикацию материалов записных книжек, не использованных в других то-

Ил. 8. Записная книжка № 8. 1921

мах издания; прежде всего исключались творческие записи, вошедшие в разделы «Варианты». Мы пересмотрели прежние задачи публикации записных книжек Маяковского. Составители отказались от вмешательства в состав, структуру и характер записей, решив полностью, постранично воспроизвести эти уникальные документы, сохранив орфографию, пунктуацию, графику рукописных текстов, не выделяя творческие записи, не пренебрегая деловыми записями, в том числе фамилий, адресов, телефонов, словарей немецких и французских слов, записей других лиц. В целом полученные результаты соответствуют современному научному уровню и будут востребованы исследовательским сообществом как в нашей стране, так и за её пределами.

Задачи комплексного изучения записных книжек

В связи с воспроизведением 74 записных книжек Маяковского во всей их полноте и целостности объём раздела увеличился с планируемых в проспекте пяти авт.л.

до 100 авт.л., составив две книги 19-го тома. Но многое ещё не сделано, и, как писала В.А. Аругчева, «над очень многим придётся в дальнейшем поработать не одному десятку исследователей. Исчерпать до конца всё обилие материала, заключающегося в записных книжках, — задача нелёгкая. Почти каждый черновик может служить темой самостоятельного исследования» [13, с. 325].

Действительно, работа с записными книжками Маяковского не ограничивается их расшифровкой и текстологическим комментарием. На основе изучения этих материалов сотрудники группы написали статьи, подготовили доклады на научных конференциях, в том числе посвящённых цифровой текстологии и новым возможностям освоения рукописного наследия писателей. Апробация результатов исследовательской работы заключалась, например, в комментированной публикации записных книжек № 8, 32, 65а (ил. 8).

Единство творческого мира Маяковского проявляется в самых сложных сочетаниях. На иллюстрации едва различимые строки в записной книжке № 8, объяс-

Ил. 9. Плакат «Окно РОСТА». Текст и рисунок В. Маяковского. 1920

няющие положения советских декретов о взимании налогов. Они перечеркнуты, поскольку были переписаны для плаката набело, попутно поэт разделил текст на отдельные фрагменты — окна плаката РОСТА. В книжке записано расписание поездов из Москвы до станции Пушки-

но, где Маяковский жил летом на даче, о чём было рассказано в стихотворении «Необычайное приключение...»: «что-де заела Роста...».

Сложная проблема реконструкции содержания записной книжки № 32, которая была у Маяковского в Мексике, стала

Ил. 10. В. Маяковский. Фото. 1910

основной для её описания и определения места среди других документов [14]. Возвращаясь к аналитическому рассмотрению творческих и биографических заметок Маяковского в записных книжках 1928 г., можно выявить сложное переплетение черновых набросков и строк, обращённых к двум женщинам — Элли Джонс и Татьяне Яковлевой. Впервые интерпретация истории стихотворения «Письмо Татьяне Яковлевой» проводилась с учётом нескольких записных книжек, в том числе подаренной ей Маяковским.

Как можно убедиться, рядом с лирическими сюжетами возникают строки агит-поэм, подписи к плакатам (ил. 9). В записных книжках 1919–1922 гг. формируется стиль плакатов «Окна РОСТА», при их комментировании рассмотрены движение от текста к изображению, разнообразие и эффективность приёмов коммуникации поэта-агитатора и воспринимающего зрителя-слушателя [15].

Анализ записной книжки № 1, в которой отразилась работа над поэмой «Человек», позволяет предположить, что с точки зрения стиховедения варианты, вносимые автором, имеют двойкий характер: с одной стороны, — пишет П. Ворон, — они нацелены на сохранение звука, «ритмообразующего элемента», с другой стороны, в движении вариантов отражается ход работы над ритмикой стиха [16]. Более полно

исследовано фонетическое рифмообразование, характерное для Маяковского и наиболее полно отражённое в его записных книжках. Поэт подбирал рифмы по созвучию и фиксировал звучащее слово как таковое, не соблюдая правил орфографии: *хмурица/муромца; раями/несгораями*. В то же время поэт ценил зримый образ рифмы в её написании. Анализ подобных случаев, их типология расширяют понимание одного из основных аспектов поэтического творчества Маяковского [17] (ил. 10).

Заключение

Важно отметить, что работа над проектом протекала в условиях пандемии, когда закрылись хранилища ГММ и РГАЛИ. Обстоятельства потребовали использовать новые формы коллективного обсуждения, члены текстологической комиссии удалённо на экране получили доступ к анализу оцифрованного текста. Свою продуктивность показали научно-практические видеоконференции с приглашением ведущих специалистов. Шесть конференций, проведённых в 2020–2022 гг. в рамках проекта, были посвящены проблемам комплексного анализа, а также современным методам публикации и комментирования записных книжек. С программами этих конференций можно ознакомиться на сайте ИМЛИ РАН.

В подготовленных статьях и докладах были использованы оригинальные решения, выработанные научным коллективом, и расшифровка текста по цифровым копиям, идентичным оригиналам записных книжек, сочеталась с анализом процесса его создания [10]. Участники проекта выявили жанровое многообразие текстов записных книжек (от лирических стихов до киносценариев и агитационно-рекламных текстов), проанализировали поэтическое мастерство (своеобразие ритма и рифмы), а также теоретические и практические задачи публикации записных книжек в академическом издании.

В ходе реализации проекта создан единый электронный фонд записных книжек В.В. Маяковского. Около 100 авторских листов расшифрованного текста записных книжек и комментариев к ним составили две книги 19-го тома академического Полного собрания произведений Маяковского в 20 томах. Издание пополнилось новыми, ранее не печатавшимися материалами (автограф фрагмента поэмы «Ленин»),

бесценными страницами рукописных текстов и рисунков. Несомненно, применение комплекса традиционных историко-литературных и текстологических методов в сочетании с цифровыми технологиями по-новому раскрывает содержание и значение записных книжек Маяковского как уникального творческого документа, поэтика и текстология которого впервые стали предметом академического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маяковский В.В. «Как делать стихи?» // Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 12.
2. Маяковский В.В. Полное собрание произведений: В 20 т. Т. 5. М.: Наука, 2022.
3. Арутчева В.А. Записные книжки Маяковского // Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: Наука, 1958. С. 325–396.
4. Хачатурян Л.В. «Мой письменный верный стол...»: художественный текст в черновой тетради М. Цветаевой 1939–1940 // Русская литература. 2018. № 2. С. 245–251.
5. Хачатурян Л.В. «Автограф»: Записные книжки в цифровом архиве Владимира Маяковского // Вл. Маяковский в мировом культурном пространстве. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 79–81.
6. «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В.В. Маяковского. Ч. 1 / Вступ. ст., подг. текста и комм. Л.В. Хачатурян // Русская литература. 2020. № 4. С. 252–268.
7. Орехов Б.В., Успенский П.Ф., Файнберг В.В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В.Ф. Ходасевича // Русская литература. 2018. № 3. С. 19–53.
8. Терехина В.Н. Особенности воспроизведения записных книжек в 19-м томе Полного собрания произведений В.В. Маяковского // Новые российские гуманитарные исследования. Т. 17. 2022. <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-5-y-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-poetika-i-tekstologiya-zapisnykh-knizhek-v-v-mayako/> (дата обращения: 16.03.2023.).
9. Зименков А.П. Люди из записных книжек В. Маяковского (отражение деловых, личных и творческих связей поэта в его записных книжках) // Материалы 5 Научно-практической конференции «Поэтика и текстология записных книжек В.В. Маяковского» (ИМЛИ РАН, 12 апреля 2022 г.). Новые российские гуманитарные исследования. Т. 17. 2022. <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-5-y-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-poetika-i-tekstologiya-zapisnykh-knizhek-v-v-mayako/> (дата обращения: 16.03.2023.).
10. Хачатурян Л.В. Место в зверинце: автографы Маяковского в записной книжке 1921–1922 гг. // Russian Literature. 2022.01.004. <https://philology.hse.ru> (дата обращения: 16.03.2023.).
11. Магомедова Д.М. Что является текстом Записных книжек А. Блока? // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 518–541.
12. Грякалова Н.Ю. От редакции // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13: Записные книжки (1902–1909). М.: Наука, 2022.
13. Арутчева В.А. Записные книжки Маяковского // Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М.: Наука, 1958. С. 325–396.
14. Терехина В.Н., Зименков А.П. Мексиканская записная книжка Владимира Маяковского: факты и гипотезы // Литература двух Америк. 2022. № 12. С. 244–268.
15. Михаленко Н.В. О работе В.В. Маяковского над текстами к плакатам (по материалам записных книжек) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 37–53.

16. Купченко Т.А. Записные книжки В. Маяковского 1927-го года в комплексном прочтении // «Записные книжки В.В. Маяковского: современные принципы и методы публикации» (дата обращения: 16.03.2023). <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-5-y-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-poetika-i-tekstologiya-zapisnykh-knizhek-v-v-mayako>.
17. Ворон П.А. Особенности ритмообразования в поэме «Человек» (по записной книжке № 1, 1917). <https://elibrary.ru/item.asp?edn=pidvuq> (дата обращения: 18.03.2023).

Vladimir Mayakovsky's Notebooks in Academic Interpretation

Vera Nikolaevna Terekhina – Doctor of Science (Philology), Chief Researcher of the Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, leader of the project ‘Poetics and Textology of Vladimir Mayakovsky's Notebooks (1917–1930)’ (20-012-00477).
E-mail: veter_47@mail.ru

The paper reviews the results of the project ‘Poetics and Textology of Vladimir Mayakovsky's Notebooks (1917–1930)’. In the course of the research, we studied manuscripts of the Mayakovsky State Museum (68), the Russian State Archive of Literature and Art (4), and private collections (2). On this basis, and with account of Varvara Arutcheva's work *Mayakovsky's Notebooks* (1958), theoretical and practical experience of preparing ego-documents of other writers, the author developed principles relevant to Mayakovsky's notebooks. In previous complete collections of Mayakovsky's works, the notebooks were only partially used in the sections ‘Variations and Discrepancies’ and ‘Unused Lines and Rhymes’. The study noted the genre diversity of creative writings. The notes reveal about 500 names from Mayakovsky's social circle. The author created a unified digital archive of Mayakovsky's notebooks. The methodology of their transcribing, copying and commenting validated during the study of notebooks was put to practical use in the Vladimir Mayakovsky's Complete Works in 20 volumes, where the notebooks have been first published in their entirety as an independent section.

Keywords: Mayakovsky, notebooks, digital archive, Complete Works

REFERENCES

1. Mayakovskii V.V. «Kak delat' stikhi?» // Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. M.: Goslitizdat, 1959. T. 12 (in Russian).
2. Mayakovskii V.V. Polnoe sobranie proizvedenii: V 20 t. T. 5. M.: Nauka, 2022 (in Russian).
3. Arutcheva V.A. Zapisnye knizhki Mayakovskogo // Literaturnoe nasledstvo. T. 65: Novoe o Mayakovskom. M.: Nauka, 1958. S. 325–396 (in Russian).
4. Khachatryan L.V. «Moi pis'mennyi vernyi stol...»: khudozhestvennyi tekst v chernovoi tetradi M. Tsvetaevoi 1939–1940 // Russkaya literatura. 2018. № 2. S. 245–251 (in Russian).
5. Khachatryan L.V. «Avtograf»: Zapisnye knizhki v tsifrovom arkhive Vladimira Mayakovskogo // Vl. Mayakovskii v mirovom kul'turnom prostranstve. M.: IMLI RAN, 2018. S. 79–81 (in Russian).
6. «Kak delat' stikhi»: Sverdlovskaya zapisnaya knizhka V.V. Mayakovskogo. Ch. 1 / Vstup. st., podg. teksta i komm. L.V. Khachatryan // Russkaya literatura. 2020. № 4. S. 252–268 (in Russian).
7. Orekhov B.V., Uspenskii P.F., Fainberg V.V. Tsifrovye podkhody k «Kamer-fur'erskomu zhurnalu» V.F. Khodasevicha // Russkaya literatura. 2018. № 3. S. 19–53 (in Russian).

8. Terekhina V.N. Osobennosti vosproizvedeniya zapisnykh knizhek v 19-m tome Polnogo sobraniya proizvedenii V.V. Mayakovskogo // Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya. T. 17. 2022. <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-5-y-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-poetika-i-tekstologiya-zapisnykh-knizhek-v-v-mayako/> (data obrashcheniya: 16.03.2023) (in Russian).
9. Zimenkov A.P. Lyudi iz zapisnykh knizhek V. Mayakovskogo (otrazhenie delovykh, lichnykh i tvorcheskikh svyazei poeta v ego zapisnykh knizhках) // Materialy 5 Nauchno-prakticheskoi konferentsii «Poetika i tekstologiya zapisnykh knizhek V.V. Mayakovskogo» (IMLI RAN, 12 aprelya 2022 g.). Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya. T. 17. 2022. <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-5-y-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-poetika-i-tekstologiya-zapisnykh-knizhek-v-v-mayako/> (data obrashcheniya: 16.03.2023) (in Russian).
10. Khachatryan L.V. Mesto v zverintse: avtografy Mayakovskogo v zapisnoi knizhke 1921–1922 gg. // Russian Literature. 2022.01.004. <https://philology.hse.ru> (data obrashcheniya: 16.03.2023) (in Russian).
11. Magomedova D.M. Chto yavlyaetsya tekstom Zapisnykh knizhek A. Bloka? // Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya / Otv. red. N.V. Kornienko. M.: IMLI RAN, 2009. S. 518–541 (in Russian).
12. Gryakalova N. Yu. Ot redaktsii // Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t. T. 13: Zapisnye knizhki (1902–1909). M.: Nauka, 2022 (in Russian).
13. Arutcheva V.A. Zapisnye knizhki Mayakovskogo // Literaturnoe nasledstvo. T. 65. Novoe o Mayakovskom. M.: Nauka, 1958. S. 325–396 (in Russian).
14. Terekhina V.N., Zimenkov A.P. Meksikanskaya zapisnaya knizhka Vladimira Mayakovskogo: fakty i gipotezy // Literatura dvukh Amerik. 2022. № 12. S. 244–268 (in Russian).
15. Mikhalenko N.V. O rabote V.V. Mayakovskogo nad tekstami k plakatam (po materialam zapisnykh knizhek) // Literaturnyi fakt. 2022. № 2 (24). S. 37–53 (in Russian).
16. Kupchenko T.A. Zapisnye knizhki V. Mayakovskogo 1927-go goda v kompleksnom prochtenii // «Zapisnye knizhki V.V. Mayakovskogo: sovremennye printsipy i metody publikatsii» <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-5-y-nauchnoprakticheskoy-konferentsii-poetika-i-tekstologiya-zapisnykh-knizhek-v-v-mayako/>(data obrashcheniya: 16.03.2023) (in Russian).
17. Voron P.A. Osobennosti ritmoobrazovaniya v poeme «Chelovek» (po zapisnoi knizhke № 1, 1917). <https://elibrary.ru/item.asp?edn=pidvuq> (data obrashcheniya: 18.03.2023) (in Russian).

Индекс УДК 76.03/09: 821.161.1

Код ГРНТИ 18.07.43

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-110-125

Г.В. ПЕТРОВА*

Графика Максимилиана Волошина

В работе рассматривается малоизвестная часть творческого наследия М.А. Волошина — его графика, разнообразно представленная на страницах альбомов, которые хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома. Альбомы художника, сопровождавшие его на протяжении большей части «земного странствия», можно с полным правом назвать и записными книжками поэта, поскольку содержат они не только рисунки, но и поэтические пассажи, черновые фрагменты стихотворений, статей, конспективные и библиографические записи, наконец, хозяйственные расчёты, адресные ссылки. Творчество Волошина-рисовальщика представлено на страницах альбомов разнообразно и разножанрово. Оно включает автопортреты и портреты современников: литераторов, музыкантов, артистов, художников, политических деятелей, учёных: А. Пешковского, Я. Глотова, М. Ковалевского, Е. Кругликовой, Р. Гиля, А. Франса, К. Бальмонта, В. Брюсова, Е. Давиденко, М. Волошиной, Е. Кириенко-Волошиной, П. Струве, Е. Юнге, А. Юнге, П. Теша, П. Соловьёвой, Н. Манасеиной, К. Богаевского, К. Кандаурова, Ж. Богаевской, В. Эфрон, Е. Эфрон, М. Фельдштейна, Е. Андреевой-Бальмонт, А. Толстого, М. Чуйко, Е. Чичаговой-Россинской, Б. Фейнберг и мн. др.; сюжетные картинки, пейзажи. Этот корпус материалов расширяет наши представления о творческой биографии поэта-художника, его литературных связях, конкретизирует понимание отдельных событий и тенденций культурного процесса первой половины XX в.

Ключевые слова: М.А. Волошин, творческая биография, графика, гетеротопия, модернистская культура

Творческая натура Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932) не ограничивалась литературным творчеством. Известно, что он был не только поэтом и переводчиком, критиком и публицистом, но и художником.

В своих воспоминаниях Е.А. Андреева-Бальмонт, пересказывая письма К.Д. Бальмонта, утраченные в годы первой мировой войны в Париже, свидетельствовала, что осенью 1902 г. он воспринимал Волошина прежде всего как художника,

* **Петрова Галина Валентиновна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, исполнитель проекта «Живопись и графика Максимилиана Волошина в контексте его литературных и биографических материалов в собраниях Рукописного отдела Пушкинского Дома» (20-012-00304).
E-mail: pgv6@yandex.ru

только в том числе пишущего «и стихи» [1, с. 92]. Творческая биография Волошина в целом была отмечена чередованием полус рисования и стихотворчества, и оба вида творческой деятельности в практике поэта-художника дополняли и поддерживали друг друга.

Однако до сих пор представление о художественном творчестве Волошина по преимуществу сводилось к его акварелям, и только в редких случаях упоминалась или использовалась в иллюстративно-издательских целях его графика. Между тем ещё В.П. Купченко обращал внимание на альбомы Волошина, хранящиеся в рукописном отделе Пушкинского Дома, как на источник, представляющий интерес для искусствоведов и историков литературы [2]. Речь идёт о значительном корпусе материалов: это 65 единиц хранения, по большей части представляющих собой типичные альбомы для художественного творчества. Однако в случае Волошина эти альбомы можно с полным правом назвать и записными книжками поэта, поскольку содержат они не только рисунки, но и поэтические пассажи, черновые фрагменты стихотворений, статей, конспективные и библиографические записи, наконец, хозяйственные расчёты, адресные ссылки. Эти альбомы-книжки сопровождали Волошина на протяжении большей части его «земного странствия», охватывая период творческой биографии поэта-художника с конца 1890-х до конца 1920-х гг., и с полным правом они могут считаться своеобразными *графическими записными книжками*.

В своих занятиях художественным творчеством к рисованию Волошин относился особо, как, собственно, и к своим альбомам. Честь знакомства с ними оказывалась далеко не всем, а рисунки, как свидетельствуют отдельные воспоминания современников, имели для Волошина особое значение. Так, А. Арндт вспоминала: «Макс стал доставать много папок, свёртков, альбомов, рассказывая о каждом рисунке, где он был сделан, при

каких обстоятельствах и о задачах каждого рисунка.

Всех присутствующих очень удивили двух-трёхминутные наброски с натурщиц, сделанные очень виртуозно одной линией. <...> До сих пор все видели только акварели и гуашь и пейзажи» [3, с. 78].

Страницы альбомов Волошина заполнены очень плотно и на первый взгляд бессистемно, разножанровыми и разноформатными портретными, пейзажными, сюжетными зарисовками. Однако даже в этом сложно поддающемся чёткой дифференциации и аналитическому описанию материале можно увидеть свою логику.

Ещё в 1902 г. о своих рисунках он писал другу А.М. Пешковскому из Парижа: «Рисунком я занимаюсь теперь очень усердно. Но рисунок — это дело всей жизни. Даже из великих мастеров не многие владели вполне рисунком.

Я сам не считаю себя художником и не думаю, что стану им всецело. Но как новым средством для выражения своих впечатлений и главное, как средством для записывания их я дорожу им очень» (курсив наш. — Г.П.) [4, с. 765]. Таким образом, Волошин сам подчеркнул связь словесного творчества и рисования, которое было для него средством художественного записывания впечатлений, переживаний, размышлений.

Известно, что первоначально Волошин готовился к карьере художественного критика, и поскольку в теоретических лекциях, по собственному признанию, он не находил ничего, что помогало бы «разбираться в современных течениях живописи», то выбрал «более практический путь», решил «стать <...> художником, самому пережить, осознать разногласия и дерзания искусства» [5, с. 266].

Как художественный критик Волошин дал характеристику множеству разнообразных художественных явлений: от архаических течений в живописи до модернистских открытий и поисков. Рисование отчасти было способом подготовки к критическому высказыванию, поэтому

его эскизы, наброски и другие графические работы часто стилистически зависят от разных, особенно любимых им явлений мировой живописи. Правда, следует уточнить, что Волошин-рисовальщик не столько подражает, сколько апробирует разнообразные стили, отдельные приёмы и в конечном итоге вырабатывает свою индивидуальную графическую манеру, заявляя: «Я понял смысл рисунка» [5, с. 269].

Неоднократно в критических статьях Волошин теоретизировал по поводу того, что значит рисунок, и обращал внимание прежде всего на его аналитическую сущность. По его мнению, рисовать — значит проникать в смысл природы и человека: «Уметь рисовать — это значит понимать законы тяжести и механики»; «Научиться видеть природу можно только с карандашом в руках: это скальпель» [6, с. 728].

При этом к рисункам из альбомов Волошина следует относиться не как к завершённому художественному высказыванию, а в большей степени как к средству разворачивающейся во времени творческой рефлексии и творческого поиска, важной составляющей общего эстетического стремления «всё видеть... всё понять... всё знать... всё пережить», «всё воспринять и снова воплотить» («Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...», 1904). В этом смысле его графические записные книжки — своеобразная творческая лаборатория, где наряду с относительно законченными изображениями выделяется большой корпус художественно незавершённых, черновых форм.

Рисунки Волошина систематизируются вполне традиционно по жанрово-тематическому принципу: портреты и шаржи, сюжетные зарисовки, пейзажи.

Самая многочисленная группа рисунков — это портреты.

В графических записных книжках Волошина портретные рисунки представлены изображениями разного качества: где-то они носят вполне законченный характер, где-то — только черновой, где-то мы стал-

киваемся с единичным образом, но чаще — с циклами портретных *studies* (эскизов, набросков), в общем объёме которых особое место занимают автопортреты.

Жанр автопортрета в творчестве Волошина уже привлекал к себе внимание исследователей. Так, автопортретам поэта-художника отдельную статью посвятил В.П. Купченко, который отметил: «...все-го Волошиным создано около пятидесяти автопортретов — случай беспрецедентный! И, думается, не самолюбование (как полагали некоторые) было тому причиной, а нормальный интерес человека, всю жизнь стремившегося познать самого себя. И — найти свой лик, в котором — “высшая тайна”...» [2, с. 169]. При этом исследователь сосредоточил своё внимание на отдельных завершённых автопортретах и точно определил, что эволюция художественной мысли Волошина шла от портрета, отмеченного стремлением передать реальное сходство с натурой, к выстраиванию ассоциативного художественного образа с доминантой на античных и библейских мотивах.

Представленные на страницах альбомов Волошина автопортретные наброски, с одной стороны, подтверждают наблюдения учёного, с другой — расширяют наши представления об ассоциативной траектории его творческой идентификации, «индивидуализации <...> лица» [7, с. 417].

Фронтальное обследование альбомов показывает, что портретных самохарактеристик в них насчитывается значительно больше, чем 14 (эту цифру указал в своей статье В.П. Купченко), — более полусотни изображений. Кроме того, анализ всего объёма художественной самопрезентации Волошина в рисунках предполагает выделение нескольких этапов развития жанра автопортрета в его творчестве.

Первый этап — это 1890-е — 1900-е гг. Относящиеся к этому периоду автопортреты Волошина, большая часть которых выполнена карандашом, отличает ещё ученичество, несовершенство, проявляющееся в технике рисунка. При этом, как

и для всех начинающих художников, Волошину здесь важно передать реальное сходство изображения с натурой.

Известно, что Волошин обладал выдающейся внешностью, фактура которой позволяла достаточно быстро создать вполне узнаваемое изображение. Однако внимание Волошина сосредоточено не только на внешнем подобии. Группа автопортретных набросков 1890–1900-х гг. отмечена попыткой найти и зафиксировать в своём облике характерную доминирующую черту характера, «впечатление характера живого человека» [7, с. 15].

Следует сказать, что в этот период портрет рассматривается Волошиным как «высшая точка развития», «венец всей европейской живописи», а «единственным методом для передачи человеческого лица» он признаёт светотень [7, с. 10–11, 15]. Работа в технике светотени с разными материалами (карандаш, чернила, тушь) отличает портреты Волошина этого периода (ил. 1).

При этом светотень для Волошина — способ передачи в рисунке и движение внутреннего мира человека, и «записывание» определённой художественной мысли.

Волошин не только следует традиционным приёмам светотени, он достаточно активно экспериментирует. Так в одном из альбомов появляется его «сферический» автопортрет (ил. 2).

Этот концептуализированный автопортретный образ, думается, во многом восходит к портретной практике Эжена Каррьера (1849–1906).

Всегда таинственный и задумчивый Каррьер, как его характеризовал поэт-художник [7, с. 393], для русской творческой интеллигенции не был фигурой культовой. Однако, как свидетельствуют упоминания его имени, отклики на его произведения, замечания о его творческой судьбе, наблюдения над его особой художественной манерой, которые встречаются в критиче-

Ил. 1. Автопортрет. Конец 1903 – начало 1904 г. Париж.
Бумага, тушь, 19,5×12 см. ИРЛИ. Ф. 562.
Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 34 об.

ских статьях, письмах, дневниковых записях, художественное творчество Каррьера было фактом глубокого внутреннего переживания для многих деятелей русского искусства начала XX в. Особую роль его художественный опыт сыграл и в творческой судьбе Волошина.

В своих многочисленных журнальных и газетных статьях и заметках Волошин подчёркивал, что Каррьер — художник, сделавший попытку запечатлеть трагедию воплощения, рождения новой материи, новой сущности. Для него Каррьер — «живописец невидимого, живописец, под кистью которого вещи принимают формы звёздных туманностей, а человеческое лицо кажется поверхностью далёкой планеты, освещённой острыми лучами, пробежавшими ледяные бесконечности» [7, с. 562–563].

Ил. 2. Автопортрет. <1907?>. Коктебель.
Бумага, карандаш итальянский, 22,4×17,2 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 13

Собственно, его «сферический» автопортрет и представляет процесс «рождения» человека, воплощение лица из мрака, из млечного пространства, представляет «новообразовавшийся сгусток материи» [7, с. 33].

Отметим также, что Волошин здесь ещё стремится передать и реальные черты своего лица, как бы соответствовать оригиналу, исследовать натуру. Однако со временем художественная концепция Волошина и его взгляд на портрет претерпевают значительную эволюцию. Так, уже в очерке «Слевинский» он пишет: «Европейская портретная живопись, развращённая светотенью <...> потеряла способность давать понятие о формах тела без выпуклости, без обмана глаза. Она привыкла безнаказанно уходить в область скульптуры и давать «лепку» лица вместо силуэта» [7, с. 28].

Постепенно, к 1910-м гг. Волошин отходит от приёма светотени, его изображения самого себя становятся более схематическими, контурными, силуэтными. В статье, посвящённой творчеству А.С. Го-

лубкиной, в 1911 г. Волошин, отмечая в качестве достоинства метода художницы тот факт, что в большинстве случаев её портреты «отходят от внешнего сходства с оригиналом», утверждает: «...в каждом человеке мы замечаем и понимаем лишь то, что нам родственно в нём, лишь то, что в нас самих, хотя бы потенциально, присутствует» [7, с. 140]. Таким образом, задачу портретиста Волошин видит теперь в стремлении передать «те стороны <...> духа, где скрыта гениальность» в обход «внешнего сходства», всего «будничного и обыденного в человеке» [7, с. 140]. Эта новая художественная стратегия непосредственно отразилась и на художественной автоинтерпретации конца 1910-х–1920-х гг. В этот период Волошин работает своеобразными автопортретными циклами, создавая вполне символический образ старца-мудреца, по определению М.И. Цветаевой, «тайновидца», «миротворца и миротворца» [1, с. 240, 257] (ил. 3).

Чаще всего Волошин как бы состаривает свой образ, представляя в динамике лица «отложения» времени.

Автопортрет для зрелого Волошина становится уже не средством записывания реальных впечатлений или выражения концептуальной идеи, а творческим анализом своего лица как знака, по которому:

*... ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном собираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.*

Таким образом, в сложной системе автопортретных кроки Волошин воплотил представление о глубине собственного духа, утверждённого в определённом переходящем лице.

Сказанное об автопортретах Волошина в той или иной степени относится и к портретам современников. В его альбомах обнаруживаются изображения тысячи лю-

дей, разных «профессий, характеров, наклонностей и возрастов» [1, с. 519]. В огромном количестве Волошин делает портретные наброски случайных людей, но среди изображений есть и портреты вполне узнаваемых и известных личностей, с которыми он общался в Москве и Париже, Коктебеле и Феодосии: общественных деятелей, поэтов и писателей, музыкантов и художников, литературных критиков, а также родственников и близких. Отдельного исследования достойны волошинские портреты, которые удалось идентифицировать: критиков Г. Брандеса и Р. Гиля, писателя А. Франса и поэта М. Барреса, поэта П.С. Соловьёвой и издательницы Н.И. Манасеиной, матери поэта Е.О. Кириенко-Волошиной и её гражданского супруга П.П. фон Теша, русского социолога, этнографа, историка М.М. Ковалевского, публициста Я.А. Глотова, художников Е.С. Кругликовой, Е.Н. Давыденко, актёра М.С. Чуйко, писателей И.Г. Эренбурга и А.Н. Толстого, историка искусств А.П. Новицкого, феодосийских художников В.А. Полуэктова и К.Ф. Богаевского, Е.Ф. Юнге, поэтов К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова и мн. др.

В своё время М.И. Цветаева отметила одну особенность того, что она называла «Максины рассказы», в которых «люди и являлись похожими, более похожими, чем в жизни, где их встречаешь не так и не там, где встречаешь не их, где они просто самине-свои и — неузнаваемы» [1, с. 252]. В полной мере это можно отнести и к специфике портретов, которые он создаёт. В них, как правило, отмечен ряд наиболее характерных черт реального облика конкретного человека, но при этом одновременно обнажается его внутренняя человеческая сущность. Самым ярким примером здесь могут выступить портретные изображения К.Д. Бальмонта.

Творческие и биографические контакты между Волошиным и Бальмонтом были весьма разнообразны. Они дружили, со-

Ил. 3. Автопортретные кроки. 1929. Коктебель. Бумага, карандаш цветной, тушь, 22×17,8 см. ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 65. Л. 3 об.

стояли в переписке, носящей доверительный характер, участвовали в одних и тех же событиях литературного процесса.

Бальмонт был героем стихов Волошина. К нему обращены стихотворения «Рождение стиха» (1904) из книги «Годы странствий», «Бальмонт» (15 февраля 1915), «Напутствие Бальмонту» (22 января 1912, Париж), «Фаэтон» (13 февраля 1914, Коктебель) из книги «Selva oscura». В венке сонетов «Lunaria» (июнь–июль 1913) — последний 15-й сонет-магистрал посвящён Бальмонту. «В состязании с Бальмонтом» написано стихотворение Волошина «Петербург», вошедшее в книгу стихов «Anno Mundi Ardentis. 1915». Творческая судьба Бальмонта была предметом и критических размышлений Волошина.

Однако Бальмонт оказывается героем не только литературного творчества Волошина, но и его рисунков. Здесь вспоми-

Ил. 4. Портрет К.Д. Бальмонта. 1905.
Париж. Калька, тушь, перо, ок. 14,5×9 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 7 об.

нается описание знакомства с мастерской Волошина Ю.Л. Оболенской, сделанное ею в дневнике 1913 г. Вероятно, Волошин познакомил свою гостью и со своими альбомами, в которых она увидела «...тысячу Бальмонтов» [1, с. 305] (курсив наш. — Г.П.).

Бальмонт интересен Волошину и как человек, входящий в самое близкое его окружение, и как творец, венчаный эпохой. Позже он об этом скажет: «...призванный начать собою новый период русской поэзии» [6, с. 322].

Достаточно часто Бальмонт становится и героем сюжетных зарисовок Волошина, который изображает его то за чтением, то на прогулке. А самым удивительным здесь оказывается рисунок, изображающий Бальмонта за рабочим столом, где художник использует распространённый приём зеркального отражения, тем самым

создавая двоящийся образ работающего поэта.

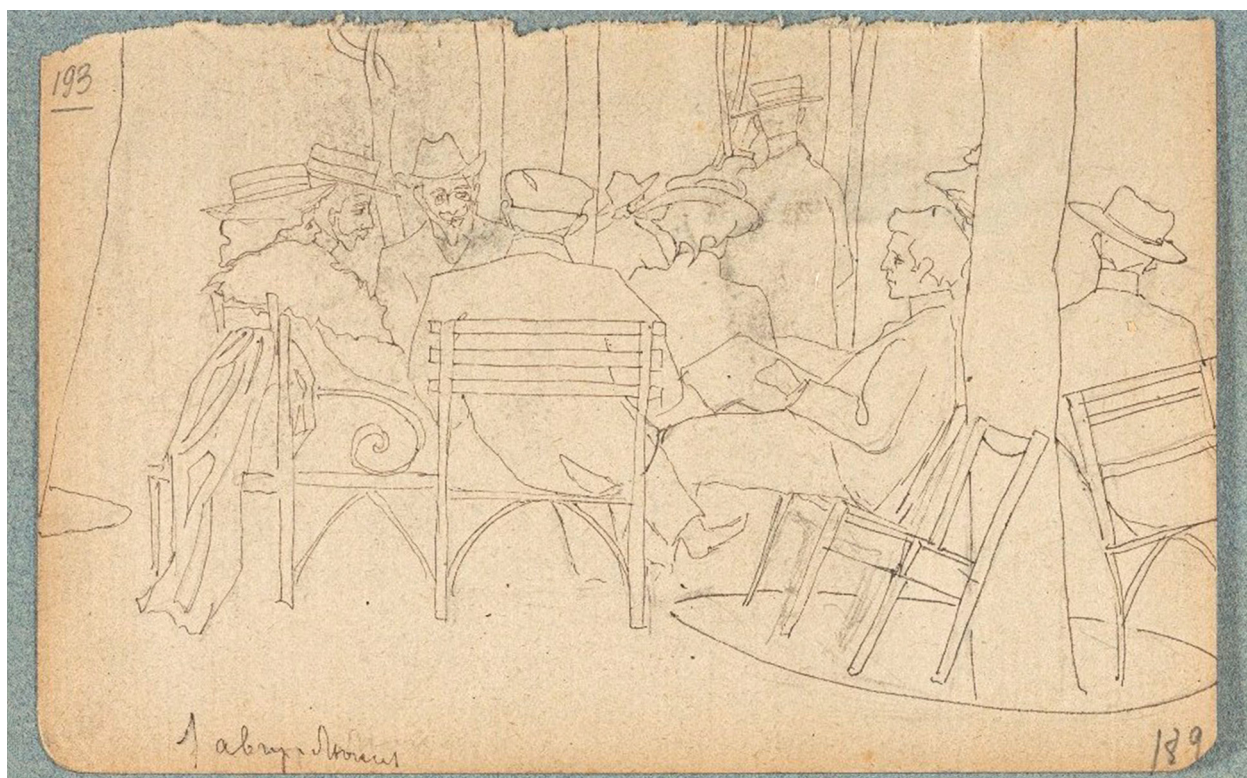
На самом деле именно этот второй лик, внутренняя вторая сущность Бальмонта-творца, собственно, и интересовала художника, именно её пытается он угадать, ухватить, разрабатывая художественный образ поэта.

В портретных изображениях Бальмонта Волошин упорно пытается передать индивидуальную специфику лица поэта, и в той или иной степени они пересекаются с поэтическим образом Бальмонта, создаваемым Волошиным-поэтом.

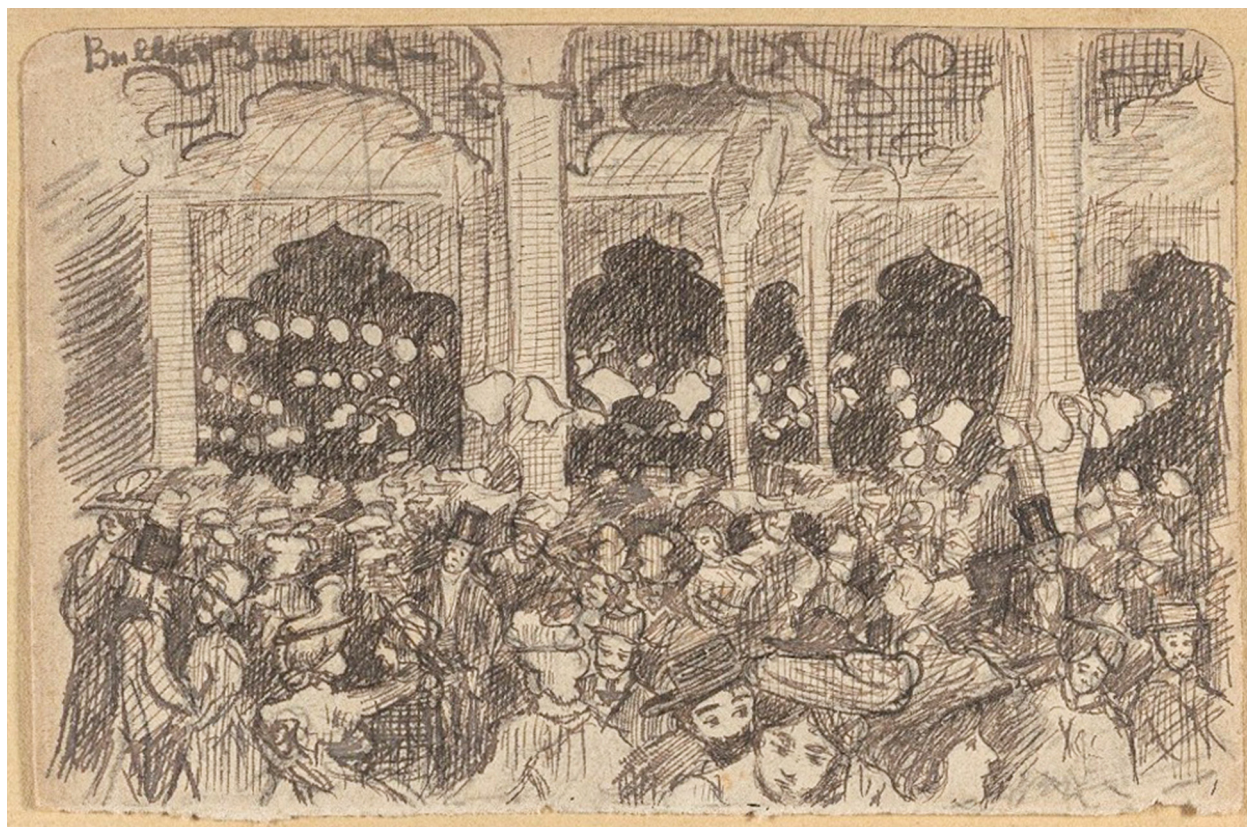
Изображая Бальмонта, Волошин не стремится передать реальные черты лица поэта. Он старит его, подчёркивает «бред морщин», придаёт его изображению черты страдания и внутренней трагедийности. За внешней оболочкой и чертами лица Бальмонта, за внешним благообразием Волошин-рисовальщик уловил, «скальпировал» лик ужаса, великое страдание творца (ил. 4).

При этом очень часто герои портретных рисунков оказываются одновременно и в центре его сюжетных зарисовок. Сюжетные картинки Волошина — это самые разнообразные графические заметки путешественника. Но доминирующим сюжетом является «человек действующий»: разговаривающий, гуляющий, играющий, читающий, поющий, танцующий и пр. (ил. 5).

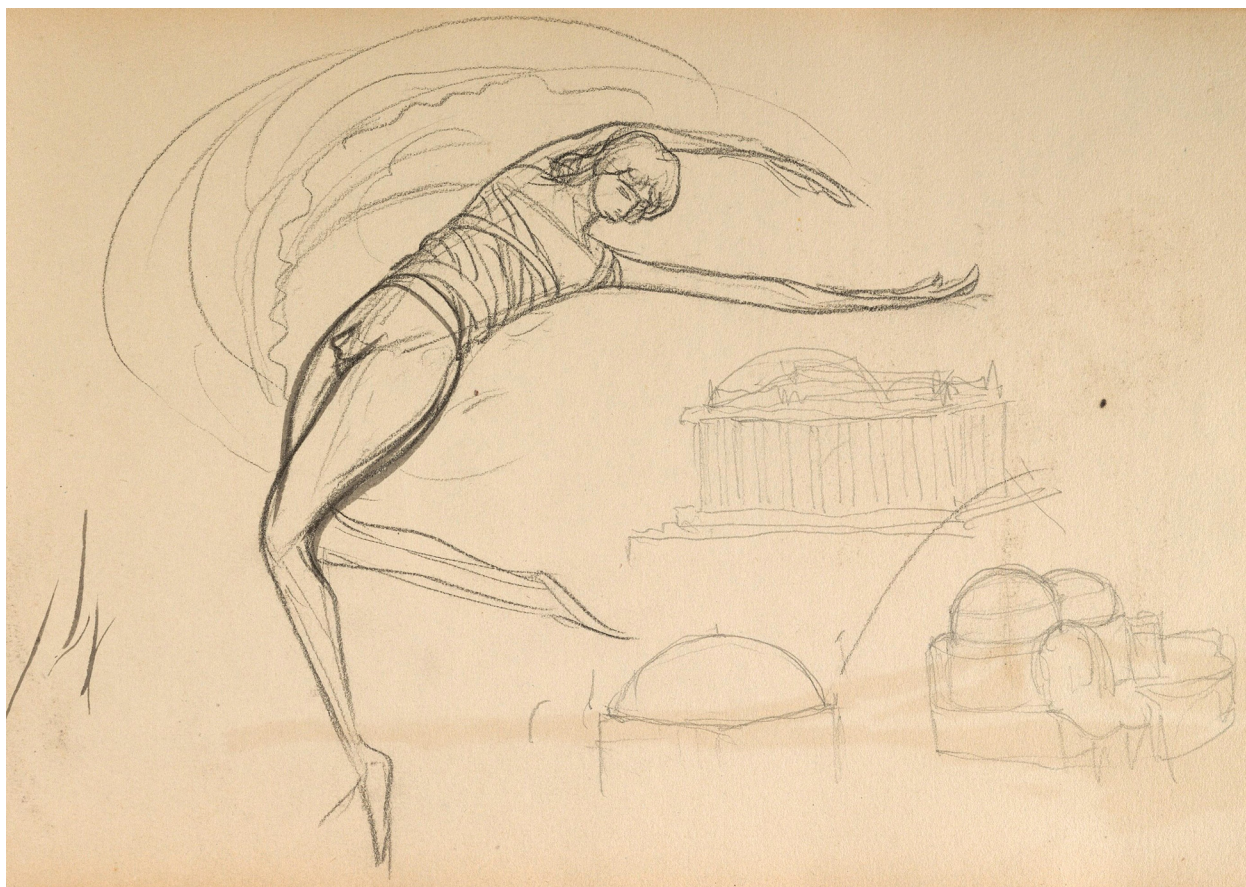
Из самопризнаний художника известно, что в этот период особую роль для становления его мастерства рисовальщика имели творческие опыты двух французских художников: Жана-Луи Форена (1852–1931) и Теофиля Александра Стейнлена (1859–1923). Волошин писал: «...я стал заносить в маленькие альбомчики карандашом фигуры, лица и движения людей, проходящих по бульварам, сидящих в кафе и танцующих на публичных балах. Образцами для меня в то время были молниеносные наброски Форена, Стейнлена и других рисовальщиков Парижской улицы» [5, с. 268] (ил. 6).

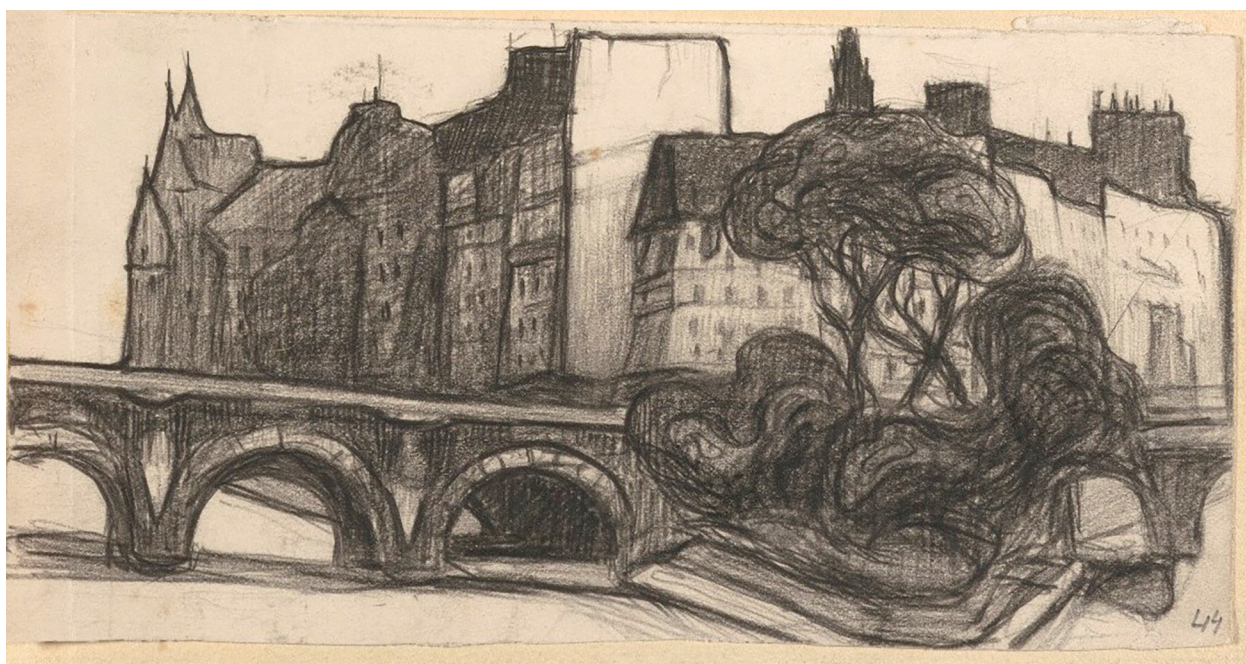
Ил. 5. <Встреча в Булонском лесу>. Нач. 1900-х. Париж. Бумага, тушь, перо, 14,5×9,3 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 16, рис. 193

Ил. 6. <Зал Булье>. Нач. 1900-х. Париж. Бумага, тушь, перо, 14,5×9,3 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 2

Ил. 7. <Танец над Дорнахом>. 1915. Бумага, карандаш графитный, 17×26 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 30

Ил. 8. <Новый мост в Париже>. <Б. д.>. Париж. Бумага, итальянский карандаш, 8,7×17,5 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 5, рис. 44

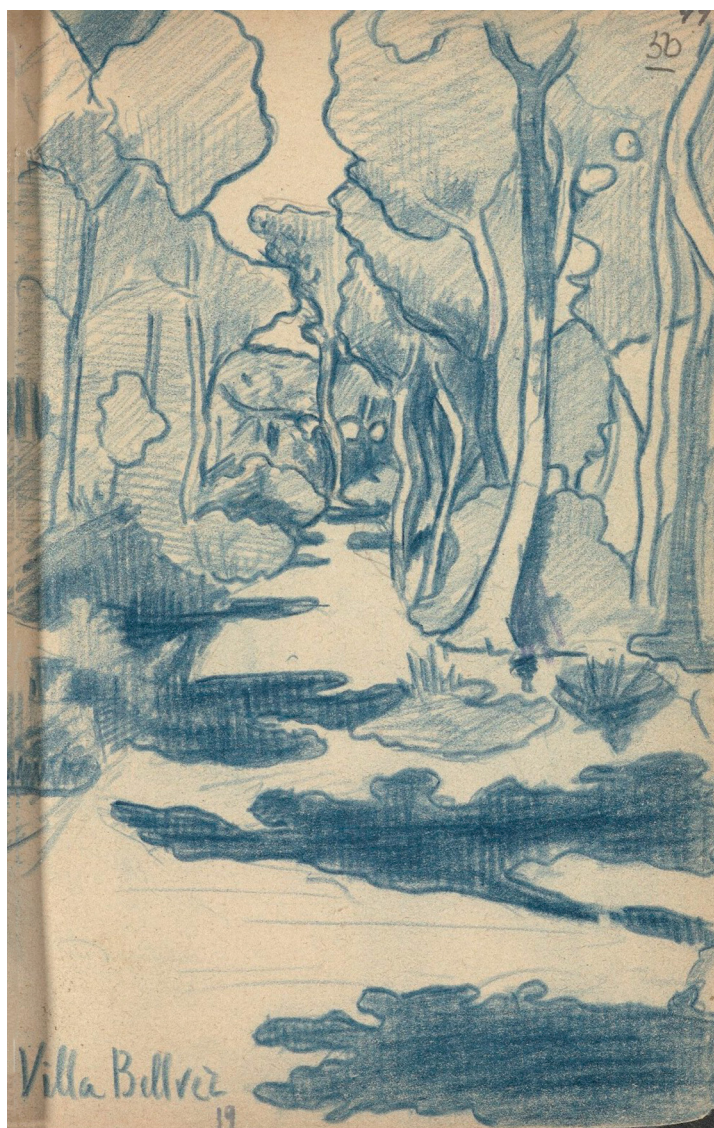
При этом проведённая датировка альбомов позволяет утверждать, что и вектор развития сюжетной графики Волошина был направлен в сторону символизации (ил. 7).

Наконец, совершенно самостоятельное место в альбомах Волошина занимают пейзажи.

Художественное наследие Волошина-пейзажиста достаточно известно. С 1916 г. поэт-художник принимал участие в разнообразных выставочных проектах в Петрограде (позже – Ленинграде), Москве, Симферополе, Одессе, Харькове, Саратове, Ялте, Ростове-на-Дону, Севастополе, Феодосии, Амстердаме, Риге, Лондоне, Праге. Свои акварельные пейзажи он в большом количестве дарил близким и знакомым. Об этом вспоминала и М.С. Волошина: «Макс не любил голых стен. Не любил акварели держать в папках. Тысячи их раздаривал и много вешал на стены, чтобы они были видны и жили» [8, с. 128]. Надо сказать, что пейзажи Волошина высоко ценили не только любители, но и специалисты. Известны комплиментарные отзывы об акварелях Волошина Р. Менара, Ш Коттэ, Л. Бакста, Е. Лансере, Р. Штейнера, П. Флоренского, А. Габричевского, А. Кипена и других.

Графические пейзажи Волошина, обнаруживаемые в его альбомах, первоначально носили характер зарисовок с натуры и непосредственно были связаны с тем или иным объектом действительности. Так, на его рисунках появляются виды Парижа (Люксембургский сад, Новый мост (ил. 8) и Королевский дворец), замок Гастона Фуа, который находится у подножия Пиренеев, Вилла Bellver, расположенная в городе Пальма-де-Майорка (ил. 9).

Заметно, что здесь Волошин активно экспериментирует с разными художественными стилями и манерами передачи природных объектов. И тематически пейзажные рисунки Волошина вполне коррелируют

Ил. 9. <Дорога к вилле Бельвер в Пальма-де-Майорка>. 1901. Испания. Бумага, цветной карандаш, 14,5×9 см. ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 50

с традициями модернистского европейского пейзажа начала XX в. с его импрессионистической урбанистикой. При этом задача у этих пейзажных набросков, как, впрочем, и сюжетных, и портретных, относящихся к этому этапу творческой биографии художника, – преодолеть академизм («хороший рисунок» [5, с. 268]) через импрессионистическое подчёркивание индивидуальности.

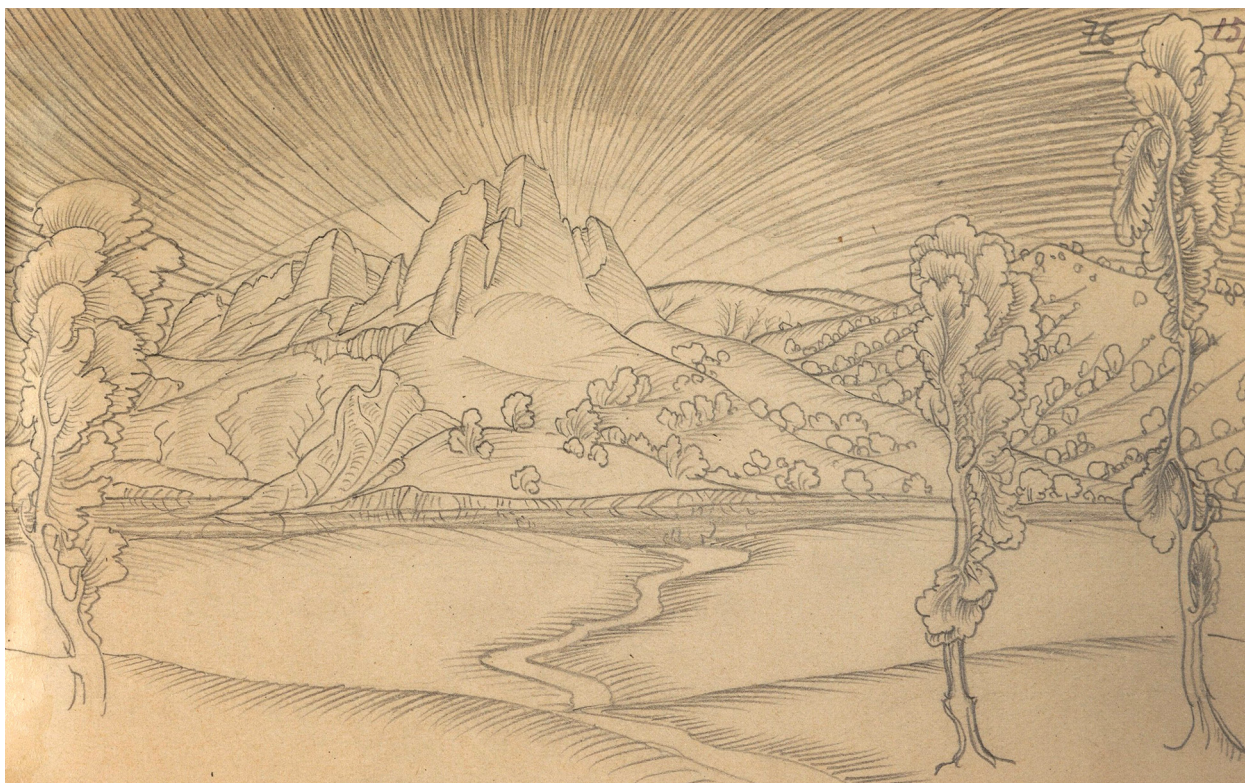
В статьях «Скелет живописи», «Итоги импрессионизма» и других, разбирая развитие пейзажной живописи, углубляясь в историю этого жанра, он выстраивает «общую

Ил. 10. Коктебельский залив, Исибана-Корана. 1912. Крым, Коктебель.
Бумага, карандаш графитный, 9,6×14,5 см. ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 2

Ил. 11. Чёртов палец (Сфинкс). 1907. Крым, Карадаг.
Бумага, карандаш, акварель 13×21 см. ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 10

Ил. 12. <Пейзаж, фантазия>. 1911. Крым. Бумага, карандаш графитный, 10,5×17,5 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 76

формулу» пейзажа. Вспомним его призна- ния: «Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т.е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощу- щаться тот воздух, который хочется вдох- нуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь на пла- нёре» [5, с. 273]. Волошин настаивал на том, что пейзаж — это не копия действитель- ности, и писал: «Художник должен подойти к действительности и, прикоснувшись, ос- вятить ее. <...> Всякую обыденную вещь, по которой скользит взгляд и проходит рука, позолотить грёзой, сделать символом, сделать напоминанием о вечном» [9, с. 35]. Фактически Волошин ставит задачу «перей- ти за грань», приподнять линию горизонта, отразить «галлюцинации страдающей зем- ли» [7, с. 87].

В конце 1900-х – начале 1910-х гг. Во- лошин «заставил себя пройти последова- тельный и систематический курс пейзажа»

по методу, им самим выработанному. Он вспоминал: «Я выправил свой небрежно- импрессионистический рисунок, понял законы воздушной перспективы, прошёл курс линейкой» [5, с. 266].

В альбомах Волошина этого периода появляются целые циклы зарисовок как карандашных, так и акварельных. Все они по большей мере связаны с коктебельским пейзажем и представляют собой весьма точное воспроизведение топонимов кокте- бельского залива, Карадага и других крым- ских реалий, воспроизведённых с разных точек зрения (ил. 10, 11).

К этому периоду творчества относится фраза, сказанная Волошиным: «Оказавшись в Коктебеле, я воспользовался вынужден- ным перерывом в работе, чтобы взять- ся за самоперевоспитание в живописи. Прежде всего, я взялся за этюды пейзажа: приучил себя писать “виды”, точно, быстро и широко» [5, с. 268].

Однако альбомы Волошина более позд- него периода 1910–1920-х гг. хранят и дру-

Ил. 13. <Киммерийский пейзаж. Акрополь>. Фантазия. 1922. Коктебель.
Бумага, карандаш итальянский, 13,3×21,6 см. ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 20

гой тип пейзажа, который невозможно связать ни с одной реалией действительности.

Появлению такого пейзажа в определённой степени способствовали исторические обстоятельства и условия, в которых оказался Волошин. Об этом он писал: «Начало войны и её первые годы застали меня в пограничной полосе — сперва в Крыму, потом в Базеле, позже в Биаррице, где работы с натуры были невозможны по условиям военного времени. Всякий рисовавший с натуры в те годы естественно бывал заподозрен в шпионстве и съёмке планов. Это меня освободило от прикованности к натуре и было благоденствием для моей живописи. <...> Я стал писать по памяти, стараясь запомнить основные линии и композицию пейзажа. <...> В конце концов, я понял, что в натуре надо брать только рисунок и помнить общий тон. А всё остальное представляет логическое развитие первоначальных данных, которое идёт соответственно понятием ранее зако-

нам света и воздушной перспективы» [5, с. 269–270].

В этот период Волошин отходит от «видового» пейзажа и будет неоднократно подчёркивать, что рисует «с натуры только мысленно» [5, с. 271].

Именно этот момент, возможно, и следует считать началом становления такого пейзажа, задача которого – представить «огненные свитки человеческой истории» [7, с. 90].

В пейзажах 1910–1930-х гг. Волошин создал особый, другой мир, другую страну, о которой писал: «Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая естественно сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть, и за изменением лица которой я слежу ежедневно» [5, с. 273].

В альбомах Волошина эта страна представлена разнообразно с точки зрения техники рисунка, в разных манерах и жанрах: от панорамы до цикла виньеток. Но ни один из этих пейзажей не может быть соотнесён с каким-либо реальным

Ил. 14. <Киммерийский пейзаж. Фантазия>. 1927. Коктебель. Бумага, акварель, 17,5×11 см.
ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 28

местом, хотя здесь легко угадываются и крымские, и испанские впечатления художника. Таким образом пейзажи Волошина этого типа только создают видимость реальности, но являются, по сути, другим пространством, что и позволяет их называть гетеротопиями.

Сам термин гетеротопия, как известно, возникший только во второй половине XX в. и введённый в оборот Мишелем Фуко, используется нами не случайно, он позволяет подчеркнуть, что пейзажное пространство в работах Волошина — не вымышленный фантастический мир, не метафизическое явление, а вполне реальное, увиденное художником, только скрытое за некоторыми очертаниями и формами реальности: это пространство внутри пространства.

При этом заметим, что киммерийские гетеротопии Волошина — это не одно пространство, а целая система параллельно существующих миров, открывающихся взгляду и понимаю художника; однако

они универсально организованы и, как правило, складываются из ряда структурных элементов, представляющих собой опредмеченные стихии, «страсти вещества» [7, с. 166]. Все гетеротопии Волошина включают в себя стихию света (солнце, небо), стихию земли (горы, камни, почва), стихию воды (море, реки), флористическую стихию (растительный мир), стихию человеческого творчества (рукотворные постройки — храмы, города) (ил. 12–14). Так посредством пейзажа осуществлялся у Волошина процесс проникновения в природу, познания окружающей действительности, углубления в неё, в нутро вещей и явлений, в «первозданье».

Исследование графических записных книжек Волошина не только значительно расширяет наши знания о биографических и творческих связях, о странствиях поэта-художника, но и уточняет представления об особенностях его творческой концепции и её эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник. М.: Советский писатель, 1990.
2. Купченко В.П., Давыдов З. Автопортреты. Максимилиан Волошин // Литературная учёба. 1990. Кн. 4: Июль–Август. С. 164–169.
3. «Искусство твоё никуда не уйдёт...»: Ариадна Арендт в кругу московских скульпторов. Воспоминания, письма. М.: Фонд «Связь Эпох», 2018.
4. Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т. 8. Письма 1893–1902. М.: Эллис Лак, 2009.
5. Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т. 7. Кн. 2: Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания. М.: Эллис Лак, 2008.
6. Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2: Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции. М.: Эллис Лак, 2008.
7. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 5: Лики творчества. Книга 2 и 3: Проза 1900–1906.
8. Волошина М.С. О Максе, о Коктебеле, о себе: воспоминания, письма. Феодосия; М.: ИД «Коктебель», 2003.
9. Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т. 11: Переписка с Маргаритой Сабашниковой: В 2 кн. Кн. 1: 1903–1905. М.: Эллис Лак, 2013.

Graphics by Maximilian Voloshin

Galina Valentinovna Petrova — Doctor of Science (Philology), leading researcher of the Department of New Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, executor of the project 'Paintings and Graphics by Maximilian Voloshin in the Context of his Literary and Bibliographic Materials in Pushkin House Manuscript Department Collections' (20-012-00304).

E-mail: pgv6@yandex.ru

The paper studies a less known part of Maximilian Voloshin's artistic heritage — his graphics, variously presented on the pages of albums kept in Pushkin House Manuscript Department. The artist's albums that he kept throughout his life, can be called a poet's notebooks, as they contain not only drawings, but also poetry, draft poems, articles, notes and bibliography references, financial calculations and addresses. The works of Voloshin the artist are present on the pages of his albums in various forms. It includes self-portraits and portraits of his contemporaries: writers, musicians, artists, painters, political figures, scientists: Aleksandr Peshkovsky, Jakov Glotov, Maxim Kovalevsky, Elizaveta Kruglikova, René Ghil, Anatole France, Konstantin Balmont, Valery Bryusov, Elena Davidenko, Margarita Voloshina, Elena Kirienko-Voloshina, Pyotr Struve, Ekaterina Junge, Aleksandr Junge, Pavel von Tesch, Polyxena Solovyova, Natalia Manaseina, Konstantin Bogaevsky, Konstantin Kandaurov, Josephine Bogaevskaya, Vera Efron, Elizaveta Efron, Mikhail Feldstein, Ekaterina Andreeva-Balmont, Alexey Tolstoy, Mikhail Chuiko, Elena Chichagova-Rossinskaya, Bella Feinberg and many others; pictures, landscapes. This collection of materials expands our understanding of the creative biography of the artist and poet, his literary and cultural ties, and clarifies our understanding of some events and trends in the cultural process of the early twentieth century.

Keywords: Maximilian Voloshin, creative biography, graphics, heterotopia, modernist culture

REFERENCES

1. Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine: Sbornik. M.: Sovetskii pisatel', 1990 (in Russian).
2. Kupchenko V.P., Davydov Z. Avtoportrety. Maksimilian Voloshin // Literaturnaya uchyoba. 1990. Kn. 4: Iyul'–Avgust. S. 164–169 (in Russian).
3. «Iskusstvo tvoyo nikuda ne uidyot...»: Ariadna Arendt v krugu moskovskikh skul'ptorov. Vospominaniya, pis'ma. M.: Fond «Svyaz' Epokh», 2018 (in Russian).
4. Voloshin Maksimilian. Sobranie sochinenii. T. 8. Pis'ma 1893–1902. M.: Ellis Lak, 2009 (in Russian).
5. Voloshin Maksimilian. Sobranie sochinenii. T. 7. Kn. 2: Dnevniky 1891–1932. Avtobiografii. Ankety. Vospominaniya. M.: Ellis Lak, 2008 (in Russian).
6. Voloshin Maksimilian. Sobranie sochinenii. T. 6. Kn. 2: Proza 1900–1927. Ocherki, stat'i, leksii. M.: Ellis Lak, 2008 (in Russian).
7. Voloshin M. Sobranie sochinenii. T. 5: Liki tvorchestva. Kniga 2 i 3: Proza 1900–1906 (in Russian).
8. Voloshina M.S. O Makse, o Koktebele, o sebe: vospominaniya, pis'ma. Feodosiya; M.: ID «Koktebel'», 2003 (in Russian).
9. Voloshin Maksimilian. Sobranie sochinenii. T. 11: Perepiska s Margaritoy Sabashnikovoy: V 2 kn. Kn. 1: 1903–1905. M.: Ellis Lak, 2013 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.9.075

Код ГРНТИ 15.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-126-137

Р.И. СУННАТОВА*

Особенности личностного ресурса школьников: предикторы ненормативного поведения и причины учебной лени

Целью исследования было изучение связи ненормативных форм поведения школьников с удовлетворённостью подростков отношением к ним значимых людей (родителей, педагогов и одноклассников), а также таких личностных характеристик, как вера в себя, ответственность и самоуправление. Исследование основывалось на позициях экопсихологического подхода к изучению развития психики и было проведено в общеобразовательной школе. В исследовании приняли участие 698 обучающихся 8–11 классов. Были использованы авторские методики «Личностный ресурс школьников» и «Учебная лень, или Причины нежелания учиться». Результаты дескриптивной статистики и валидизации позволили перейти к решению исследовательских задач. Гипотеза о значимости связи между неудовлетворённостью отношением значимых людей и проблемным использованием цифровых устройств (педагоги ,458; родители ,431), склонностью к нарушениям норм (педагоги ,422; родители ,417) и склонностью к суицидальному настроению (педагоги ,434; родители ,692 и одноклассники ,452) при уровне значимости $p < 0,001$ подтвердилась (Спирман). Такие личностные характеристики, как вера в себя, ответственность и самоуправление могут рассматриваться как условие нормативности поведения. Прикладное значение полученных в исследовании результатов заключается в разработке на их основе психологического инструментария профилактики ненормативного поведения подростков путём просвещения педагогов по вопросам гармонизации отношений. Создаваемые методики могут представлять интерес для психологической службы школ.

Ключевые слова: удовлетворённость отношением, значимые близкие, проблемное использование цифровых устройств, вера в себя, ответственность, самоуправление

* **Суннатова Рано Иззатовна** — доктор психологических наук, профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования Московского государственного педагогического университета, руководитель проекта «Личностный ресурс становления субъектности старшеклассников в современных условиях школьного обучения» (20-013-00667).

E-mail: sunrano@mail.ru

Важность изучения причин возникновения ненормативного поведения, школьников подросткового возраста в условиях цифровизации системы образования да и жизненного пространства в целом трудно переоценить, поскольку полученные результаты могут служить основанием для разработки средств адресной реализации воспитательных задач в контексте тех изменений, которые претерпевает образовательное пространство современной школы. К традиционным ненормативным формам поведения старших подростков, включая девиантное и суицидальное, добавляется риск возникновения цифровой зависимости: проблемное, неконтролируемое и вследствие этого негативно влияющее на общую активность субъекта использование цифровых устройств (ЦУ). Научное сообщество предложило несколько терминов для обозначения нарушений в психической сфере, связанных с неконтролируемым частым использованием Интернета: «интернет-зависимость, чрезмерное использование интернета, проблемное использование Интернета» [1, с. 62]. С 2018 г. в международной классификации болезней МКБ-10 интернет-зависимость выделена в самостоятельное заболевание, его предиктором считается проблемное использование цифровых устройств.

В самом общем виде ненормативное поведение — это система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам, будь то нормы психического здоровья, права, культуры, морали, нравственности (Л.Б. Шнейдер [2]). Разнообразные проявления социально нежелательного поведения обучающихся — агрессия, злоупотребление психоактивными веществами, вовлечённость в компьютерные игры и социальные сети, мешающие учёбе и активной жизненной позиции, а также противоправные действия, самоповреждение и суицидальные намерения — все эти явления остаются реальностью жизнедеятельности современной школы.

Несмотря на наличие различных научных подходов к проблеме девиантного поведения, многообразие педагогических форм работы с детьми группы риска, сохраняется актуальность решения задач определения предикторов ненормативного поведения подростков. Кроме того, для профилактики и коррекции девиантности школьников система образования остро нуждается в психодиагностическом инструментарии, позволяющем выявлять не столько девиантных подростков, сколько факторы образовательной среды, способствующие ненормативному поведению подростков. Основная идея таких диагностических мероприятий заключается в том, чтобы «успеть поймать» у подростков начинающиеся деструктивные изменения, которые в определённых — как внешних, так и внутренних — условиях развития личности могут оформиться в деструктивную модель поведения.

В качестве исходного конструкта использована экопсихологическая модель становления субъектности [3]. Универсальный (топологический) характер этой модели был ранее продемонстрирован на разных контингентах обучающихся (от дошкольников до студентов и курсантов) применительно к ситуациям освоения действия-образца во взаимоотношениях с преподавателем [4]. Однако при этом осталась неизученной роль личностного ресурса как внутреннего условия развития субъектности обучающихся и их коммуникативных взаимодействий со значимыми взрослыми. При создании методики в соответствии с экопсихологической моделью развития психики мы опирались на необходимость выявления особенностей субъектности старшеклассников по двум взаимосвязанным позициям: особенности поведения в соответствии с нормами школьной жизни и особенности удовлетворённости отношением значимых людей образовательной среды: учителей, одноклассников и родителей.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, что личностные ха-

рактеристики старших подростков (вера в себя, самоуправление и ответственность), удовлетворённость отношением к нему значимых людей (одноклассников, родителей, учителей) связаны с характеристиками ненормативного поведения.

В эмпирической части исследования приняли участие 402 обучающихся 8–11 классов общеобразовательной московской школы № 717 и 296 школьника 8–11 классов школы № 2120, что в сумме составляет 698 респондентов.

Методики исследования

Методика «Личностный ресурс и предикторы ненормативного поведения»

Современные исследователи отмечают, что проблема ненормативного поведения обучающихся и изучение различных аспектов этого явления имеют свою историю, определяемую неоднозначным пониманием природы его возникновения. Перспективным подходом к решению ряда исследовательских и практических задач профилактики ненормативного поведения подростков может считаться возможность выявления личностного ресурса как условия предупреждения нарушений в поведении подростков, а также предикторов девиантного поведения.

Методика «Личностный ресурс школьников и предикторы ненормативного поведения» (для среднего и старшего звена школы) ориентирована на выявление ресурса подростков, рассматриваемого как условия нормативного поведения, включая следующие личностные характеристики: «Ответственность», «Вера в себя», «Самоуправление». Ресурсом для подростка может также рассматриваться удовлетворённость отношением значимых людей: родителей, учителей и одноклассников.

Данные дескриптивной статистики и результаты валидизации методики «Личностный ресурс школьника и предикторы ненормативного поведения» представлены в табл. 1.

Методика «Учебная лень, или Причины нежелания учиться»

Учебная лень или нежелание учиться школьников – проблема давняя и создающая определённые трудности как для самих обучающихся, так и для значимых взрослых: родителей и педагогов. Традиционно в психолого-педагогической литературе этот феномен обозначается как сниженная учебная мотивация, а в бытовом представлении чаще определяется как личностная характеристика школьника.

Феномен учебной лени старшеклассников мы рассматриваем как эмоционально-действенное состояние личности, блокирующее активность в учебной деятельности, которая является важнейшим условием становления субъектности школьника. Основные положения и результаты работы по созданию методики раскрываются в статьях [7].

Для ответа на основной вопрос, связанный с феноменом учебной лени как блока активности, необходимо изучение различных детерминант её проявления. Такой подход позволит не только понять, в чём специфика лени, проявляемой, как правило, в бездействии, но и вскрыть её психологическую сущность как состояния личности, определяющего особенности поведения. Отличительной особенностью авторской методики «Учебная лень, или Причины нежелания учиться» является дифференциация внутриличностных причин снижения учебной активности, т.е. выявление психологической специфики лени как бездействия, которое определяется неким личностным статусом.

На основе анализа литературы (И.С. Якиманская, В.В. Воробьёва [8]; С.Т. Посохова [9]; Madsen [10], Price [11]), посвящённой изучению различных толкований лени, мы выделяем несколько возможных причин или условий, предопределяющих проявление лени, которые и составили шкалы методики. Лень может быть связана с негативным самоотношением человека, с нарушением процесса осознанной саморегуляции, с плохим самочувствием

Таблица 1

**Результаты дескриптивной статистики и валидизации опросника
«Личностный ресурс школьников и предикторы ненормативного поведения»
с шкалами и показателями известных методик (n = 296)**

№	Шкала	Асимметрия	Экссесс	Альфа-Кронбах	Методики валидизации	Коэф. корреляции
<i>Блок I. Личностный ресурс</i>						
1	Ответственность	-,056	,079	,676	Л.И. Дементий – 1	,509**
2	Вера в себя	,187	-,085	,747	ШУДЖИ, шкала «Я сам» – 2	,604**
3	Самоуправление	,019	-,410	,707	М. Савикас, Э. Порфели – 3	,309*
<i>Блок II. Предикторы ненормативного поведения</i>						
4	Чрезмерное использование цифровых устройств	,099	-,382	,796	Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот – 4	,598** ,450**
5	Склонность к нарушению норм и правил	-,201	,049	,736	Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов – 5	,306*
6	Склонность к суицидному настроению	-,190	-,341	,745	Т.Н. Разуваева – 6	,738**
<i>Блок III. Удовлетворённость отношением значимых людей</i>						
7	Одноклассников	,181	-,306	,734	ШУДЖИ, шкала «Друзья» – 2	,695**
8	Педагогов	,146	-,420	,701	ШУДЖИ, шкала «Учителя» – 2	,468**
9	Неудовлетворённость отношением родителей	-,457	-,319	,737	ШУДЖИ, шкала «Семья» – 2	,327*

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$, ошибка асимметрии – 0,122, ошибка эксцесса – 0,243.

1. Опросник «Ответственное поведение» Л.И. Дементий.
2. Многомерная шкала удовлетворённости жизнью школьников (ШУДЖИ) опросник MSLSS E.C. Хюбнера в адаптации О.А. Сычёва, Т.О. Гордеевой, М.В. Лункиной, Е.Н. Осина, А.Н. Сидневой [6].
3. Опросник М. Савикас, Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» Н.Г. Кондратюк, А.В. Бурмистрова-Савенкова, В.И. Моросанова [5].
4. Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Больбот.
5. Методика диагностики допустимости агрессии и враждебности Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова.
6. Опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой.

и т.д. Вместе с тем возможна полидетерминированность лени как характеристики поведения человека. Лени внешне проявляется почти одинаково: блокируется активность человека, не осуществляется та или иная деятельность, откладывается выполнение дел, а внутренне – за проявлением одного и того же поведения лежат различные психологические причины, способствующие возникновению

лени. Показатели описательной статистики и результаты валидизации методики представлены в табл. 2.

Результаты и обсуждение

Перейдём к результатам эмпирического исследования, проведённого в общеобразовательной школе № 2120. В табл. 3 представлен результат процентного анализа выявленных причин отсутствия желания

Таблица 2

Результаты дескриптивной статистики и валидации методики «Учебная лень, или Причины нежелания учиться» (n = 698)

№	Шкалы	Асимметрия	Экссесс	Альфа-Кронбах	Колм-Смирнов	Методики валидации	Коэф. корреляции
1	Вера учащегося в свои возможности учиться	,183	-,340	,773	,079	Опросник ШУДЖИ, шкала «Я сам» – 1	,701*
2	Субъектность учащегося в школьных отношениях	,140	-,476	,781	,073	Опросник ШУДЖИ, шкала «Школа» – 1	,498*
3	Самочувствие школьника	-,231	-,394	,796	,055	Методика «САН» – 2	,740*
4	Преодоление трудностей в учёбе	,349	-,265	,783	,080	СЖО (Д. Леонтьев) шкала – «я сильная личность» – 3	,326*
5	Удовлетворённость отношением педагогов	-,037	-,088	,785	,074	Опросник ШУДЖИ, шкала «Учителя» – 1	,468*
6	Инфантильно-гедонистическая позиция школьника	,123	-,188	,795	,060	СЖО (Д. Леонтьев) шкала – «контролирую свою жизнь» – 3	,384*

Примечание: Ошибка асимметрии – ,158, Ошибка эксцесса – ,316.

* Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

1. Многомерная шкала удовлетворённости жизнью школьников (ШУДЖИ) опросник MSLSS Е.С. Хюбнера в адаптации О.А. Сычёва, Т.О. Гордеевой, М.В. Лункиной, Е.Н. Осина, А.Н. Сидневой [6].
2. САН – Самочувствие, активность, настроение. В.А. Доскин – оценка психологического состояния учащегося.
3. СЖО Леонтьев Д.А. Адаптированная версия теста «Цель в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика.

выполнять учебные задания с точки зрения школьников.

Треть (33,1%) обучающихся не видят смысла в школьной учёбе, не понимают значимости и важности этой формы обучения, считают, что «зря тратят время». На втором месте – плохое самочувствие, отсутствие сил и бодрости (30,4%) опрошенных. Иными словами, треть обучающихся чувствуют упадок сил. На третьем месте – отсутствие или низкий уровень одобрения и положительного внимания со стороны педагогов (25,0% респондентов), в особенности когда имеют место ошибки при выполнении учебных заданий, непонимание нового или сложного учебного материала. При этом лишь у 11,3%

учащихся 8–11-х классов выявлено понимание значимости школьного обучения и 11,7% школьников оценили своё самочувствие как благополучное.

В табл. 4 представлены результаты выявленных значимых связей неудовлетворённости отношением значимых близких со склонностью к нарушению норм и правил, к суицидальному настроению и такими личностными характеристиками, как ответственность, самоуправление и вера в себя. Полученные результаты свидетельствуют о том, что неудовлетворённость отношением значимых взрослых можно рассматривать как условие возможного возникновения проблемного использования цифровых устройств и других

Таблица 3

Результаты исследований по методике «Учебная лень, или Причины нежелания учиться» школьников 8–11 классов (в %; n = 296)

Уровень	Шкалы методики						
	Понимание смысла учёбы	Вера в себя	Субъектность учащегося	Самочувствие	Преодоление трудностей	Удовлетворённость отношением педагогов	Инфантильная позиция
Высокий	33,1	17,9	14,9	30,4	19,4	25,0	21,5
Средний	54,4	57,5	48,3	57,2	52,3	52,4	55,4
Низкий	11,3	24,1	35,8	11,7	27,6	21,9	22,8

ненормативных форм поведения. Удовлетворённость отношением одноклассников становится значимой, когда речь идёт о склонности к суицидальным мыслям и настроению. Важно обратить внимание, что неудовлетворённость подростка отношением к нему в семье и школе (оба коэффициента получили высокую значимость) могут создать «благоприятную почву» для переживаний суицидального характера.

Если связь суицидальных настроений с верой в себя составляет – ,585, то отсутствие значимых связей между склонностью к нарушению норм и верой в себя можно назвать очевидной. Как видно также из табл. 4, проблемное использование цифровых устройств имеет статистически значимые связи с верой в себя и самоуправлением; с неудовлетворённостью отношением учителей, которая приводит к неприятию учебного предмета и нежеланию его изучать; высока связь с неудовлетворённостью отношением в семье. Удовлетворённость отношением одноклассников связана со склонностью к суицидальным переживаниям.

Приведём результаты исследований, которые близки по проблематике нашему. В исследовании, проведённом E. Chang, B. Kim, получены результаты, на основе которых авторы делают вывод о сдерживающем эффекте позитивного общения между взрослыми и подростками при возникновении компьютерной зависимости [12]. В исследовании A.K. Hirschauer,

F. Aufhammer, R. Bode показано, что понимание и поддержка значимых взрослых, особенно в трудные моменты школьной жизни, могут рассматриваться как источник успеваемости ребёнка [13]. В исследовании Н.В. Быстровой, С.Н. Казначеевой, Е.А. Ураковой и др. выявлена склонность подростков соотносить положительную самооценку и самоэффективность с восприятием высокого уровня удовлетворённости жизнью [14]. S.O. Emadian и N.F. Pasha доказали связь между стилем привязанности, я-концепцией и академической прокрастинацией. Авторы показали, что сочувствие значимых взрослых к ребёнку можно рассматривать как источник его успеваемости в школе [15].

В табл. 5 представлены результаты статистического анализа, целью которого было выявление возможных связей между различными формами ненормативного поведения.

Выявленная связь проблемного использования цифровых устройств со склонностью к нарушению норм и правил в определённой мере ожидаема, хотя полученный результат (,268) можно скорее всего оценивать как тенденцию. Многие школьники, прекрасно понимая, что надо ограничить времяпровождения за гаджетами, не могут остановиться и не замечают, как пробегает время, а учебные и домашние дела остаются не выполненными или выполненными на «скорую руку». Второй результат (,506) свидетельствует о значимой

Таблица 4

Связи между неудовлетворённостью отношением значимых людей, личностными характеристиками и склонностью к нарушению норм, суицидальным переживаниям и проблемным использованием ЦУ у школьников 8–11 классов (N = 698)

№	Личностный ресурс и удовлетворённость отношением близких	Ненормативные формы поведения	Склонность к нарушению норм и правил	Склонность к суицидальному настроению	Проблемное использование ЦУ
1	Удовлетворённость отношением одноклассников		–,138	–,452**	–,162*
2	Удовлетворённость отношением учителей		–,422*	–,434**	–,458**
3	Неудовлетворённость отношением в семье		,417**	,692**	,431**
4	Вера в себя		–,076	–,585**	–,312**
5	Самоуправление		–,509**	–,610**	–,441**
6	Ответственность		–,276**	–,192**	–,158*

Примечание: * – уровень значимости при $p < 0,05$;
** – уровень значимости при $p < 0,001$.

связи чрезмерного использования цифровых устройств и склонности к суицидальным переживаниям. Этот результат позволяет предположить, что общение с цифровыми устройствами не столько приносит удовольствие подростку (хотя и это присутствует), сколько является своеобразным уходом от действительности, в которой школьник испытывает чувство неудовлетворённости. К аналогичному выводу пришли О.В. Рубцова, А.С. Панфилова, С.Л. Артеменков (2018), поскольку результаты их эмпирического исследования также показывают, как нереализованность в реальной жизни приводит подростков к использованию возможностей виртуального мира для удовлетворения своих потребностей, связанных с социальными взаимодействиями [16].

Результаты нашего исследования и коллег показывают, что удовлетворение потребности в позитивном внимании, реальной заинтересованности в личных переживаниях подростков, чувство нужности и отсутствие авторитарного стиля взаимодействия могут рассматриваться как одни из значимых условий, определяющих возможность возникновения достаточно

серьёзных нарушений в нормативности поведения подростка. Пренебрежительное отношение значимых людей к личности подростка, чувствам, настроению, предпочтениям становится причиной дистанцирования подростка от взрослого. Результаты нашего исследования ещё раз подтверждают, что значимость взрослого в жизни подростков не уменьшается, уровень потребности понимания и теплоты со стороны значимых людей остаётся прежним. Меняется природа чувств подростка: внутреннее ощущение себя как взрослого предполагает важность и необходимость испытывать чувство уважения и принятия в рамках взаимодействия со значимыми взрослыми себя как личности и своего подросткового мира. Уместно вспомнить высказывание В.В. Зеньковского (1996): «Социальные чувства рождаются вместе с социальным опытом, так как всякий социально-психологический опыт выражается, прежде всего, в чувствах. Не благодаря работе интеллекта, не через подражание входим мы в связь с социальной средой, но благодаря тому, что непосредственно чувствуем эту среду как живую, человеческую» [17, с. 145].

Таблица 5

Связи проблемного использования цифровых устройств с другими ненормативными формами поведения школьников 8–11 классов (n = 698)

№	Ненормативное поведение	Проблемное использование ЦУ
1	Склонность к нарушению норм и правил	,268*
2	Склонность к суицидальным переживаниям	,506*

Примечание: * – уровень значимости при $p < 0,001$.

Одной из задач нашей работы была разработка психологических рекомендаций.

В школе, в которой осуществлялось исследование, были проведены встречи с учащимися с целью ознакомления и обсуждения полученных данных по методике «Учебная лень, или Причины нежелания учиться». Обсуждались не только причины, ведущие к проявлению лени, но и способы справиться с нежеланием учиться. Все учащиеся были конфиденциально ознакомлены с индивидуальными диагностическими результатами; статистика по классу и в целом по школе подробно обсуждалась на специальных встречах в каждом классе. По итогам обсуждения группа старшеклассников выступила с инициативой организации коррекционных встреч со школьным психологом. С данной группой были проведены 12 консультативно-тренинговых занятий для более детальной проработки индивидуальных факторов снижения учебной активности и повышения уровня личностной рефлексии в целом. Факт личной инициативы старшеклассников в запросе на психологическую проработку личностной сферы убеждает, на наш взгляд, в репрезентативности конструкторов созданной методики в отношении феноменологии лени в учебной деятельности.

Обсуждение результатов исследования со взрослыми преследовало основную цель разъяснения роли значимого взрослого в профилактике учебной лени подростков. В условиях современной школы необходимость таких тренинговых мероприятий очень высока, поскольку коммуникативные и мировоззренческие межпоколенческие диссонансы в общении подростков

и взрослых ощущаются довольно остро. Как показывают результаты исследований по методике «Учебная лень, или Причины нежелания учиться», роль окружающих подростка взрослых в возникновении учебной лени достаточно высока. Поэтому коррекция и профилактирование снижения активности старшеклассников в учебной деятельности должно обязательным образом задействовать не только личное, но и социальное жизненное пространство подростка, а именно – психологическое «оздоровление» вертикали «подросток–взрослые», формирование конструктивного поведения взрослого по отношению к ребёнку. Можно сказать, что психологическая работа с переживаниями взрослых (педагогов и родителей) в отношении подростков – это средство повышения успеваемости учащихся. Рефлексия чувств раздражения и гнева в общении с младшими, развитие у взрослых конструктивных форм общения с ними, овладение техникой регулирования конфликтных ситуаций призваны способствовать позитивным трансформациям образовательной среды ребёнка.

Методика «Учебная лень, или Причины нежелания учиться», таким образом, позволяет косвенно определить проблемные зоны в связанном со взрослыми сегменте социального пространства подростка.

В школе № 2120 с целью профилактики возникновения зависимости от цифровых устройств у школьников был проведён ряд встреч с родителями и педагогами в программе Teams. Основные задачи просветительской работы: ознакомить родителей с тем, что такое зависимость от цифровых устройств и чем она отли-

чается от проблемной пользовательской активности; раскрыть причины и условия, определяющие возникновение проблемного использования цифровых устройств; выяснить, каковы возможности семейной и школьной ситуации по профилактике зависимости от цифровых устройств, а именно терапевтические возможности конструктивного стиля взаимодействия значимых взрослых с подростками.

В первую очередь обращалось внимание на основные симптомы компьютерной зависимости у подростков: потребность проводить в сети всё свободное время и др. Важным при информировании родителей было определение основных причин и условий, влияющих на возникновение увлечённости цифровыми устройствами.

Безусловно, основным ожиданием родителей от этих встреч было получение рекомендаций, что же делать, если у ребёнка уже есть вышеописанные особенности. Были обсуждены принципы избавления от увлечённости гаджетами (осознание проблемы, участие всей семьи, поиск нового увлечения и др.).

Заключение и выводы

Подводя итог проведённому исследованию, нацеленному на изучение связи удовлетворённости подростков отношением значимых людей с личностными характеристиками как условиями, определяющими возможность возникновения ненормативных форм поведения школьников, выявлено, что:

- проблемное использование цифровых устройств, склонность к нарушению норм и правил, суицидальное настроение имеют значимые связи с неудовлетворённостью отношением значимых взрослых и одноклассников;
- такие личностные характеристики, как вера в себя, ответственность и самоуправление, могут также рассматриваться в качестве условия, блокирующего возможность возникновения различных форм ненормативного поведения школьников-подростков;
- созданные методики могут быть использованы как в практике психологического сопровождения учебной деятельности школьников, так и при решении исследовательских задач.

Особенности коммуникативного поведения родителей и учителей остаются значимыми и, в первую очередь, как создающие ту атмосферу доверия и дружелюбия, которая необходима для того, чтобы школьники/дети были открыты и восприимчивы во взаимодействии со значимыми взрослыми. Необходимыми являются не только понимание чувств, желаний и действий школьника, но и умение проявить на действенном уровне сопереживание по отношению к нему. Тем самым реализуется конструктивность коммуникативного поведения, которое зачастую в системе взаимодействия «взрослый–ребёнок» определяет эффективность воспитательно-образовательной значимости взрослого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография / Панов В.И., Патраков Э.В. М.: Психологический институт РАО; Курск: Университетская книга, 2020.
2. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2007.
3. Панов В.И. Теоретическое обоснование экопсихологической (онтологической) модели становления субъектности // Становление субъектности учащегося и педагога: экопсихологическая модель / Под ред. В.И. Панова. М.: ПИ РАО, СПб.: Нестор-История, 2018. С. 61–88.
4. Panov V.I., Kaptsov A.V., Kolesnikova E.I. Diagnosis of stages of agency formation. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. International Conference on Psychology and

- Education (ICPE 2018). ISSN: 2357-1330. Pp. 515–523. URL: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.57>.
5. Кондратюк Н.Г., Бурмистрова-Савенкова А.В., Моросанова В.И. Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии на выборке подростков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 555–575. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575>.
 6. Сычёв О.А., Гордеева Т.О., Лункина М.В., Осин Е.Н., Сиднева А.Н. Многомерная шкала удовлетворённостью жизнью школьников // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 5–15. DOI: 10.17759/pse.2018230601.
 7. Суннатов Р.И. Феномен учебной лени старшекласников и удовлетворённость отношением значимых близких // Перспективы науки и образования. 2022. № 1 (55). С. 410–425. DOI: 10.32744/pse.2022.1.26.
 8. Якиманская И.С., Воробьёва В.В. Психология лени: постановка проблемы. Оренбург. 2003. http://svitk.ru/004_book_book/8b/1956_yakimanskaya-psihologiya_zeni.php.
 9. Посохова С.Т. Лени как ресурс преодоления психологической уязвимости личности // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: Материалы V Международной научной конференции (Кострома): В 2 т. Кострома: Изд-во «Костромской государственной университет». 2019. С. 108–112.
 10. Madsen T. The Conception of Laziness and the Characterisation of Others as Lazy. Human Arenas. 2018. 1 (3), 288–304. DOI: 10.1007/s42087-018-0018-6.
 11. Price D. Laziness does not exist. Human Parts. [Online]. 2020. Available at: <https://humanparts.medium.com/laziness-does-not-exist-3af27e312d01> (accessed 24.09.2021).
 12. Eunbi Chang, Boyoung Kim. School and individual factors on game addiction: A multilevel analysis // International Journal of Psychology. 2019. Vol. 55. Iss. 5. Pp. 822–831. <https://doi.org/10.1002/ijop.12645>.
 13. Hirschauer A., Aufhammer F., Bode R., Chasiotis A., Künne T. Parental empathy as a source of child's scholastic performance. In: Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition, 1st edn. Göttingen: Hogrefe, 2018.
 14. Быстрова Н.В., Казначеева С.Н., Уракова Е.А., Госельбах О.И. Особенности психологического благополучия обучающихся в образовательной среде // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 5 (39). С. 26–31.
 15. Emadian S.O., Pasha N.F. The relationship between attachment style, self-concept and academic procrastination // Humanities. 2016. Т. 3. № 1. Pp. 32–38.
 16. Рубцова О.В., Панфилова А.С., Артеменков С.Л. Исследование взаимосвязи личностных особенностей игроков подросткового и юношеского возраста с их поведением в виртуальном пространстве (на примере групповой компьютерной игры «Dota 2») // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 1. С. 137–148. DOI: 10.17759/pse.2018230112.
 17. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Академия, 1996.

Specific Characteristics of Schoolchildren's Personal Resource: Predictors of Abnormal Behaviour and Causes of Academic Indolence

Rano Izzatovna Sunnatova – Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, leader of the project 'Personal Resource of Personality Formation of High School Students in Modern School Education Conditions' (20-013-00667).

E-mail: sunrano@mail.ru

The purpose of the study was to investigate the connection between the non-normative forms of behaviour of schoolchildren with young people's satisfaction with the attitude of significant persons (parents, teachers, peers), as well as personal traits, such as self-confidence, accountability and self-regulation. The study is based on the views of the ecopsychological approach to the study of mental development and was conducted in a comprehensive school. The study involved 698 students of grades 8–11. The author used own methods 'Personal Resource of Schoolchildren' and 'Academic Indolence, or Reasons for Reluctance to Learn'. Results of descriptive statistics and validation permitted us to proceed to the research tasks. The hypothesis of a significant association between dissatisfaction with the attitudes of significant persons and disturbing use of digital devices (teachers ,458; parents ,431), tendency to violate rules (teachers ,422; parents ,417) and tendency to suicidal feelings (teachers ,434; parents ,692; peers ,452) at a significance level of $p < 0.001$ was confirmed (Spearman). Such personal traits as self-confidence, accountability and self-regulation can be viewed as a condition of normal behaviour. Applied value of the results of the study lies in the development of psychological tools to prevent abnormal behaviour of young people by educating teachers on the harmonization of relationships. The developed methods may be of interest for the school psychology staff.

Keywords: satisfaction with attitude, significant persons, disturbing use of digital devices, self-confidence, responsibility, self-regulation

REFERENCES

1. Panov V.I., Patrakov E.V. Tsifrovizatsiya informatsionnoi sredy: riski, predstavleniya, vzaimodeistviya: monografiya / Panov V.I., Patrakov E.V. M.: Psikhologicheskii institut RAO; Kursk: Universitetskaya kniga, 2020 (in Russian).
2. Shneider L.B. Deviantnoe povedenie detei i podrostkov. M., 2007 (in Russian).
3. Panov V.I. Teoreticheskoe obosnovanie ekopsikhologicheskoi (ontologicheskoi) modeli stanovleniya sub"ektnosti // Stanovlenie sub"ektnosti uchashchegosya i pedagoga: ekopsikhologicheskaya model' / Pod red. V.I. Panova. M.: PI RAO, SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. S. 61–88 (in Russian).
4. Panov V.I., Kaptsov A.V., Kolesnikova E.I. Diagnosis of stages of agency formation. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. International Conference on Psychology and Education (ICPE 2018). ISSN: 2357-1330. Pp. 515–523. URL: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.57>.
5. Kondratyuk N.G., Burmistrova-Savenkova A.V., Morosanova V.I. Shkala kar'erno-adaptatsionnykh sposobnostei M. Savikasa i E. Porfeli: psikhometricheskie kharakteristiki russkoyazychnoi versii na vyborke podrostkov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2021. T. 18. № 3. S. 555–575. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575> (in Russian).
6. Sychyov O.A., Gordeeva T.O., Lunkina M.V., Osin E.N., Sidneva A.N. Mnogomernaya shkala udovletvorennost'yu zhizn'yu shkol'nikov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2018. T. 23. № 6. S. 5–15. DOI: 10.17759/pse.2018230601 (in Russian).
7. Sunnatova R.I. Fenomen uchebnoi leni starsheklassnikov i udovletvorennost' otnosheniem znachimykh blizkikh // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022. № 1 (55). S. 410–425. DOI: 10.32744/pse.2022.1.26 (in Russian).
8. Yakimanskaya I.S., Vorob'yova V.V. Psikhologiya leni: postanovka problemy. Orenburg. 2003. http://svitk.ru/004_book_book/8b/1956_yakimanskaya-psihologiya_leni.php (in Russian).
9. Posokhova S.T. Len' kak resurs preodoleniya psikhologicheskoi uyazvimosti lichnosti // Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: vyzovy, resursy, blagopoluchie: Materialy V Mezhd-

- narodnoi nauchnoi konferentsii (Kostroma): V 2 t. Kostroma: Izd-vo «Kostromskoi gosudarstvennyi universitet». 2019. S. 108–112 (in Russian).
10. Madsen T. The Conception of Laziness and the Characterisation of Others as Lazy. *Human Arenas*. 2018. 1 (3). Pp. 288–304. DOI:10.1007/s42087-018-0018-6.
 11. Price D. Laziness does not exist. *Human Parts*. [Online]. 2020. Available at: <https://humanparts.medium.com/laziness-does-not-exist-3af27e312d01> (accessed 24.09.2021).
 12. Eunbi Chang, Boyoung Kim. School and individual factors on game addiction: A multilevel analysis // *International Journal of Psychology*. 2019. Vol. 55. Iss. 5. Pp. 822–831. <https://doi.org/10.1002/ijop.12645>.
 13. Hirschauer A., Aufhammer F., Bode R., Chasiotis A., Künne T. Parental empathy as a source of child's scholastic performance. In: *Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition*, 1st edn. Göttingen: Hogrefe, 2018.
 14. Bystrova N.V., Kaznacheeva S.N., Urakova E.A., Gosel'bakh O.I. Osobennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya obuchayushchikhsya v obrazovatel'noi srede // *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2019. № 5 (39). S. 26–31 (in Russian).
 15. Emadian S.O., Pasha N.F. The relationship between attachment style, self-concept and academic procrastination // *Humanities*. 2016. T. 3. № 1. Pp. 32–38.
 16. Rubtsova O.V., Panfilova A.S., Artemenkov S.L. Issledovanie vzaimosvyazi lichnostnykh osobennostei igrokov podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta s ikh povedeniem v virtual'nom prostranstve (na primere gruppovoi komp'yuternoii igry «Dota 2») // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2018. T. 23. № 1. S. 137–148. DOI: 10.17759/pse.2018230112 (in Russian).
 17. Zen'kovskii V.V. *Psikhologiya detstva*. M.: Akademiya, 1996 (in Russian).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-138-142

А.С. ТУМАНОВА*

Рецензия на книгу: Половцов А.А. Дневники. 1859–1882: В 2 т. Т. 1: 1859–1877; Т. 2: 1878–1882 / Сост., вступ. ст., коммент. О.Ю. Голечкова, С.В. Куликов, К.А. Соловьёв. М.: Фонд «Связь эпох», 2022. — Т. 1. — 880 с.; Т. 2. — 848 с.***

Ключевые слова: история государственного управления, история российской бюрократии, история политической повседневности, история политической культуры

Выход в свет дневников Александра Александровича Половцова, посвящённых периоду 1859–1882 гг., – событие для историка, занимающегося XIX в., неординарное. А.А. Половцов – сенатор, государственный секретарь, член Государственного совета, председатель Императорского русского исторического общества. В то же время Половцов – один из наиболее известных, уважаемых и широко цитируемых специалистами автор, который фиксиро-

вал в дневниковых записях практически каждый день своей жизни, начиная с самого юного возраста.

Дневниковые записи А.А. Половцова за 1883–1892 гг. были опубликованы П.А. Зайончковским ещё в 1966 г. Став вскоре библиографической редкостью, они были переизданы Л.Г. Захаровой. Отдельные части дневника за более ранний, чем публикация Зайончковского, период, а именно за 1871, 1873 и 1877–1878 гг., были изданы в «Красном архиве» в кон-

* **Туманова Анастасия Сергеевна** — доктор исторических и юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: anastasiya13@mail.ru

** Проект 21-19-00211. Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

це 1920-х – 1930-х гг. Нельзя не упомянуть здесь и публикацию дневников Половцова за 1893–1909 гг., сделанную О.Ю. Голечковой, одним из авторов настоящего издания, в 2014 г. Имеются также фрагменты детского дневника Половцова, освещающего события его жизни в 1837–1838 гг., когда автору было всего 5 и 6 лет. Фонд А. А. Половцова в Государственном архиве Российской Федерации насчитывает 77 единиц хранения.

Целостная публикация дневниковых записей А.А. Половцова за 1859–1882 гг. составляла важную задачу для исторической науки, и задача эта решена благодаря настоящему изданию. Его осуществили авторитетные специалисты-историки д.и.н. К.А. Соловьёв, к.и.н. С.В. Куликов и к.и.н. О.Ю. Голечкова. Каждый из них в своих предшествующих работах внёс существенный вклад в популяризацию наследия А.А. Половцова¹, а объединение учёных в исследовательский коллектив позволило состояться изданию этих, как обозначили сами авторы, «ранних» дневниковых записей видного государственного и общественного деятеля.

В полном объёме текст дневников А.А. Половцова публикуется впервые. Нашему вниманию представлено двухтомное издание дневников, снабжённое солидной вступительной статьёй и качественным справочным аппаратом. Издание содержит подробные примечания, включающие исторические справки об упомянутых автором дневников персоналиях, событиях, государственных учреждениях, общественных организациях и пр.

Дневники А. А. Половцова за 1859–1882 гг. представляют существенный интерес для различных предметных областей исторической науки. Прежде всего, автор дневниковых записей фиксировал значимые события политической истории. В их чис-

ле – реформы 1860-х гг.: судебная, земская, крестьянская.

Характеристики реформаторов, их роли в проведении преобразований, которые дал А.А. Половцов, как правило, нетрафаретны. Так, в 1865 г. состоялось его знакомство с С.И. Зарудным, одним из авторов судебной реформы. Подготовка этой реформы, по словам Половцова, началась в середине 1850-х гг. в Государственном совете. Именно в этом учреждении «ребяческое лепетание слов – гласность, устная, несменяемость, присяжные – раздавалось между чиновниками средней руки и долетало до пугливых ушей сановников. Началась законодательная перепалка, обо всём стали писать записки...» (т. 1, с. 294). Роль Зарудного в проведении преобразования Половцов описывал следующим образом: «Проекты рассылались только друзьям и знакомым Зарудного, во всём чувствовалось желание личных видов. Каждый член комиссии (по проведению судебной реформы – А.Т.) заранее межевал себе место в новых учреждениях» (т. 1, с. 296). Упомянул информированный современник судебной реформы и о высоком жалованье Зарудного, а также о значительной сумме на покупку чая, распиваемого на юридических вечерах в присутствии мадам Зарудной (т. 1, с. 295).

Важный сюжет, наиболее подробно освещённый автором дневников, – это функционирование судебной власти, деятельность Министерства юстиции и Сената. А описываемое Половцовым участие в проведении сенаторских ревизий представляет существенный интерес для историка права и суда. Получив назначение на проведение ревизии Киевской губернии и увидев в этом живое дело, Половцов представил по результатам ревизии собственный взгляд на многие проблемы российской жизни, порождённые рефор-

¹ Так, С.В. Куликов указал в ряде работ на значение дневниковых записей А.А. Половцова (см., например: Ганелин Р. Ш., Куликов С. В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: Учебное пособие. СПб., 2000. С. 41–42), а К.А. Соловьёв активно использовал их в своих исследованиях (Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018 и др.).

мами, в частности на состояние крестьянского землевладения и организацию крестьянского самоуправления, став критиком общинного землепользования.

Между тем главная тема дневников А.А. Половцова – это политическая повседневность – термин, введённый в научный оборот историком К.А. Соловьёвым, одним из авторов настоящего издания. В своих исследованиях¹ Соловьёв предложил подход к изучению политической системы посредством анализа трёх базовых её элементов: политических элит, институтов, под которыми понимаются правила функционирования элит, а также политической культуры, т.е. способа мышления и поведения элит, их мировоззрения. Историк ведёт речь о выявлении «правил игры», характерных для российской бюрократии последней четверти XIX – начала XX в. Эти правила не декларировались в действующем законодательстве и даже могли входить с ним в противоречие, а устанавливались самой управленческой практикой. Именно об этой практике управления и принятия решений рассказывает своему читателю А.А. Половцов. Он подробно описывает взаимодействие государственных учреждений, выражавшееся в служебных обыкновениях, формальных и неформальных контактах представителей власти и др.

Знакомство с дневниковыми записями Половцова позволяет составить представление о политической и правовой культуре их автора. Будучи выпускником Училища правоведения – элитарного учебного заведения, призванного готовить правоведов для занятия государственной службой, Половцов принадлежал к числу государственных деятелей пореформенной поры, являвшихся носителями правовой культуры нового типа. Он полагал, что здание государственного управления Российской империи должно было базироваться на силе и верховенстве закона,

а не на произволе административных чинов. Так, Половцов даёт негативную характеристику поведению министра внутренних дел П.А. Валуева и его реакции на действия Правительствующего Сената. Валуев желал, чтобы сенаторы сделали выговор председателю Ардашовской уездной управы, написавшему язвительное письмо нижегородскому губернатору и нанесшему тем самым урон «чести коронного чиновника»; однако сенаторы решили повести дело законным порядком, что и вызвало у Валуева осуждение: «Я думал, что Правительствующий сенат признает за мною известную долю такта». Половцов, в свою очередь, прокомментировал реакцию Валуева следующим образом: «Ему говорят о законе, а он о предоставлении такта, т.е. произвола» (т. 1, с. 388).

Очевидно, именно в наличии у автора дневников принципиальной позиции, а также в его способности давать яркие, точные и ёмкие характеристики своим современникам, видным государственным и общественным деятелям, предпринимателям и учёным, в его высокой осведомлённости о происходящем в структурах власти, управления публичной жизни и состоит секрет притягательности для читателя дневниковых записей А.А. Половцова.

Как позволяют судить дневниковые записи Половцова, в воззрениях на исторический процесс он – сторонник прогресса. Характеризуя записку Н.М. Карамзина «О древней и новой России», автор которой постулировал, что коренные реформы с полным изменением формы государственной жизни не просто излишни, но опасны и вредны, Половцов видел в подобном взгляде консервативно мыслящего историографа лишь долю правды и «весьма опасную сторону», поскольку «жить – значит изменяться, отвергать это правило в применении к народам и государствам

¹ Соловьёв К.А. Политическая культура // Очерки русской культуры, конец XIX – начало XX века. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 74–161; Он же. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества.

значило бы осуждать их на смерть» (т. 1, с. 587–588). Это и другие размышления Половцова представляют интерес для историка общественной мысли изучаемой эпохи.

В дневниках присутствуют также сюжеты, познавательные для специалиста по экономической истории. Будучи человеком достаточно принципиальным, ставившим во главу угла интересы дела, думавшим о преуспевании экономики и финансовой системы России, Половцов беседовал в январе 1868 г. с членом Государственного совета сенатором Небольсиным о таможенном тарифе. В аргументации Небольсина Половцова смутило то обстоятельство, что последний трактовал новый таможенный тариф исключительно с фискальной точки зрения, с позиций таможенного дохода казны, оставляя между тем без внимания главную, по его мнению, сторону вопроса, а именно развитие народной промышленности (т. 1, с. 391). Обладая хорошим чувством юмора, Половцов аттестовал упомянутого сенатора как человека не глупого, но и не умного, принадлежавшего к числу тех чиновников, которые стяжали репутацию глубоких мыслителей тем, что стали в деловых бумагах ссылаться на иностранных писателей (т. 1, с. 391).

Рецензируемое издание будет весьма полезно и специалисту по социальной истории. А.А. Половцов был одним из основателей Русского исторического общества, а также его долгие годы председателем, выполнял функции секретаря в ходе публикации исторических сочинений. Помимо этого, автор дневников явился учредителем Общества любителей древней письменности. Он приводит яркие факты из жизни столичных клубов, привлекавших представителей высшего российского общества. Так, Половцов участвовал в торжествах, проводимых старейшим из российских клубов — Английским клубом Петербурга. Он видел предназначение

Английского клуба в том, чтобы быть местом встречи высшего общества, важным элементом того, что именуется современными исследователями инфраструктурой публичной коммуникации, формировавшей особый режим публичности¹.

Вот как писал об этом автор дневника. По словам Половцова, целью его поступления в Английский клуб было стремление «послушать, что говорится в самом многочисленном петербургском собрании, которое имеет ту выгоду, что в нём можно встретить большое число таких лиц, с которыми почему-либо желал бы поговорить, но которых не станешь приглашать к себе, ни навещать у них» (т. 1, с. 183). В новейшем историческом исследовании о режимах публичности в России рассмотренный в дневнике Половцова период именуется «режимом закипания», когда либерализация «сверху» сочеталась с активными публичными дискуссиями (там же, с. 69). Характеристики, данные тогдашнему столичному обществу автором дневников, подтверждают данный вывод. Наряду с притягательными для дворянского общества английскими клубами Половцов упоминает также такие места дискуссий, как клубы приказчиков, а именно образованное в 1862 г. в Петербурге купцами Гостиного двора объединение для оказания помощи и организации досуга купцам и приказчикам. Действующее в Петербурге в 1864–1882 гг. собрание художников также удостоилось упоминания автора.

В дневниковых записях Половцова содержатся и свидетельства о жизнедеятельности целого ряда иных авторитетных профессиональных и культурных ассоциаций. В их числе Литературный фонд, учреждённый в 1859 г. как корпорация видных российских литераторов и учёных: И.В. Анненкова, А.В. Никитенко, И.С. Тургенева, А.А. Краевского, К.Д. Кавелина. Он, в частности, упомянут в связи с прочтением И.С. Тургеневым публичке своего со-

¹ См. подробнее: Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России: Сборник статей / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 68, 75, 200.

чинения — статьи о Гамлете и Дон Кихоте, завершившегося сбором в пользу Литературного фонда (т. 1, с. 31). Термины «публика» и «публичный» используются в дневниковых записях А.А. Половцова в понятных и близких современному историку смыслах. Рецензируемое исследование представляет заметный интерес также для такого важного направления исторических исследований, как история понятий.

Подводя итог сказанному, отметим, что изданные О.Ю. Голечковой, С.В. Куликовым и К.А. Соловьёвым дневниковые записи А.А. Половцова за 1859–1882 гг. представляют, бесспорно, особое явление среди

исторических изданий. Принадлежащие перу известного государственного и общественного деятеля, весьма информированного и наделённого даром аналитических оценок происходящего, написанные живым литературным языком, они будут пользоваться спросом как среди специалистов-историков, так и среди широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей и культурой. Издание отвечает всем требованиям археографии, подготовлено и издано на высоком научном уровне, с учётом современного состояния исторической науки и техники издательского дела.

Review of Book: A. Polovtsov Diaries. 1859–1882: In 2 vols.

**Vol. 1: 1859–1877; Vol. 2: 1878–1882 / Compiler, Introduction, Comments:
O. Golechkova, S. Kulikov, K. Solovyov, Moscow: Connecting Eras Foundation,
2022, Vol. 1. — 880 p.; Vol. 2. — 848 p.**

Anastasiya Sergeevna Tumanova — Doctor of Science (History, Law), Professor of the National Research University Higher School of Economics.
E-mail: anastasiya13@mail.ru

Keywords: history of public administration, history of Russian bureaucracy, history of daily political life, history of political culture

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-143-147

О.В. ВОЛОСЮК*

**Рецензия на коллективный труд:
Великобритания и Латинская Америка
(XVI–XXI вв.) / Отв. ред. Е.А. Ларин.
М.: Наука, 2022. — 637 с.: ил. ****

Ключевые слова: Великобритания, Латинская Америка, соперничество США и Англии в Новом Свете, доктрина Монро

Коллективный труд «Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.)» знакомит читателей с экономической, торговой, политической, военной и дипломатической экспансией Великобритании в Латинской Америке. Авторский коллектив (сотрудники ИВИ РАН д.и.н. Е.А. Ларин, д.и.н. В.П. Казаков, к.и.н. Н.С. Иванов, к.и.н. Н.П. Калмыков, к.и.н. И.В. Селиванова, профессор РУДН д.и.н. А.Ю. Борзова, профессор шотландского университета г. Абердина М. Бейн) поставил своей целью изучение и освещение проблем роста влияния и гегемонии Лондона в Латинской Америке. До сих пор они не были предметом специального исследования, и фактически эта тема менее всего изучена в российской исторической науке.

В отечественной историографии проблема взаимоотношений между Британией и Латинской Америкой освещена

фрагментарно в работах, посвящённых анализу важнейших направлений британской внешней и колониальной политики, становлению английского абсолютизма, английской историографии нового и новейшего времени, расцвету и закату этой крупнейшей колониальной империи [1–12].

Авторы дают широкую картину деятельности «туманного Альбиона» — от имперской идеологии, связанной с Новым Светом, до военных экспедиций и пиратских набегов, интервенций, колониальных захватов в этом регионе, позорных страниц, связанных с работорговлей. Анализируются причины создания «неформальной империи» и её характерные черты, острое соперничество с США и постепенная утрата доминирующих позиций.

Тема исследования представляет большой научный интерес. Её новизна обусловлена местом и ролью Великобритании

* **Волосюк Ольга Виленовна** — доктор исторических наук, профессор, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: ovolosiuok@hse.ru

** Проект 21-19-00116.

во всемирной истории, территориальной, экономической и торговой экспансией на Американском континенте в исследуемый период, использованием «жестких» и «мягких» методов в колонизации региона, переходом в XX в. к стратегии и тактике неокolonизма.

В главах и разделах, написанных Е.А. Лариным, отмечается, что Британская империя была безусловным мировым лидером в сфере экономического и политического развития мира в течение нескольких столетий, важное место во внешней политике и торговле занимали огромные территории Нового Света, входившие в состав Испанской империи и представляющие ныне Латинскую Америку. Описывается реакция правящих кругов на открытие Нового Света, анализируется политика Великобритании в Южной Америке в XVII–XVIII вв. Большой интерес представляют разделы, посвященные пиратству, деятельности У. Рэли, отношению к легенде об Эльдорадо. Пиратские набеги на испанские колонии и суда отнюдь не были стихийными, утверждает Е.А. Ларин. Они осуществлялись по указке и при поддержке, прежде всего, правительств Англии и Франции. Их главная цель состояла не только в том, чтобы ограбить испанские галеоны, перевозившие сокровища, но прежде всего в том, чтобы лишить Испанию торговой монополии в Новом Свете.

В главе Н.С. Иванова об имперской идеологии в XVI–XVIII вв. говорится об оборотной стороне английского гуманизма и Просвещения, ведущие деятели которых не признавали общечеловеческих прав за коренными жителями Нового Света. Идеология империи строилась на «цивилизаторской миссии» англосаксов, которые, благодаря своим «особым талантам», возвысились над другими народами. Латиноамериканцы для них были «туземцами», ограниченными существами, страдающими от комплекса неполноценности. Их эксплуатация была «исторической неизбежностью». Расистский подход был характерен для политики, социологии и этнологии.

Авторы труда проанализировали основ-

ные методы британской экспансии в Новом Свете (территориальной, экономической, торговой), характер созданной ею собственной колониальной системы в Западном полушарии, способы укрепления своего морского могущества и политического влияния, возможности гигантского обогащения после получения Англией на основании Утрехтского мира 1713 г. права асьенто, открывавшего ей возможности для монопольной поставки рабов в испанские колонии и Бразилию. Отмечается, что своеобразное место в системе невольничества в Новом Свете под английской эгидой занимало белое рабство.

Территориальная экспансия Англии тесно переплеталась с торговой. Прежде всего, интересы Лондона были связаны с Кубой (меркантилизму и политике Британии по отношению к Кубе посвящены главы М. Бейна), атлантическим побережьем в районе Уругвая и Буэнос-Айреса. В 1762 г. англичане даже захватили кубинскую столицу, но в следующем году вынуждены были вернуть её Испании.

Важнейшее значение в истории Латинской Америки имело образование первого независимого государства – республики Гаити. Это событие стало итогом гаитянской революции 1791 г. Однако в дальнейшем Туссену – Лувертюру пришлось отстаивать это завоевание в борьбе против Испании и Франции, в разные годы владевших этой частью острова. В этой борьбе участвовал с 1793 г. и английский экспедиционный корпус, воевавший там до 1795 г.

В начале XIX в. британские войска осаждали Буэнос-Айрес. В 1833 г. Англия захватила Мальвинские острова, удерживаемые ею до сих пор (глава Н.С. Иванова посвящена Фолклендской войне 1982 г.).

Одной из важнейших задач проекта стало изучение вопроса об инициативе Англии в конце XVIII – начале XIX в. начать кампанию по отмене работорговли. Е.А. Ларин поставил вопрос: чего было больше в этом явлении – лицемерия, сострадания или практического смысла? Элементы сострадания, безусловно, имели место, исхо-

дя из наличия в стране аболиционистов. Вместе с тем доминирующим аргументом в начатой Лондоном борьбе за отмену работорговли стала идея о замене труда рабов английскими паровыми двигателями, различными аппаратами и приспособлениями, созданными в результате промышленной революции. Кстати, эта техника появилась как раз не в последнюю очередь в результате накопления колоссальных капиталов в ходе работорговли.

Большое значение для понимания современного этапа неокOLONиализма имеют главы по «неформальной» британской империи в Аргентине (В.П. Казаков), Уругвае (Н.С. Иванов), Венесуэле (А.Ю. Борзова). В главе Н.С. Иванова даётся оценка понятия «неформальная империя», появившегося в латиноамериканистике в 50-е гг. XX в. (Р. Робинсон, Дж. Галлахер). Подчёркивается, что большая часть историков мейн-стрима до сих пор не признаёт эту концепцию, игнорирует главные черты империализма, изложенные в классических трудах Дж. Гобсона и В.И. Ленина. Цель империалистов состоит в том, чтобы контролировать подвластную территорию, природные ресурсы, человеческий капитал. Для этого не обязательно аннексировать страны, превращать их в формальные колонии с оккупационными органами политической власти. Достаточно установить господство над финансами, экономикой, средствами массовой информации и местными марионетками, формально занимающими высшие посты в «независимом» государстве, что и было продемонстрировано Британией в Латинской Америке в XIX в.

Отмечается, что эта политика носила во многом вынужденный характер и была ответной реакцией на унижительные поражения англичан на Ла-Плате в 1806–1807 гг. Планы прямого колониального завоевания были сорваны героическим сопротивлением колонистов Буэнос-Айреса и Монтевидео. Капитуляция британских экспедиционных сил вынудила Лондон сменить тактику. Министр иностранных дел Р.С. Каслри пришёл к выводу, что Великобритания должна

использовать все ресурсы прежде всего, чтобы не допустить европейских конкурентов в Южную Америку и направить свою политику на «создание и поддержку дружественных нам местных правительств, с которыми смогут процветать торговые отношения – единственное, к чему мы стремимся и чего в равной степени должны желать народы Южной Америки». И Лондон искусно применил дипломатические, торговые, финансовые и военные рычаги для смены на латиноамериканском континенте «формальной» испанской империи на британскую «неформальную».

Сложен блок проблем, связанных с территориальными конфликтами в XIX в. между Венесуэлой и британской Гвианой (глава А.Ю. Борзовой). В 1898 г. он рассматривался в Париже международным судом под председательством представителя России Ф. Мартенса.

Важным направлением проекта стал анализ англо-американского соперничества в Новом Свете (Н.С. Иванов). Потеря Лондоном своей крупнейшей колонии в XVIII в. и бурное развитие США в XIX в. резко обострили отношения этих стран. Война 1812 г. между ними была прологом к новым осложнениям на протяжении всего XIX в. (Куба, Мексика, Чили). В XX в. она приобрела не менее острый характер в экономической сфере.

В главе значительное место отведено доктрине Монро (1823). Отмечается, что в большинстве работ историков и политологов США, посвящённых двухсотлетию доктрины, она рекламируется как некий «ценный подарок» латиноамериканцам. Пишут даже, что этот документ стал результатом неких «коллективных усилий народов Америки, направленных на достижение общих целей и обеспечение безопасности в западном полушарии». США, якобы, продемонстрировали свою объективную «незаинтересованность» в делах южных соседей, выступили в защиту принципа невмешательства и помогли латиноамериканцам в их борьбе за независимость от европейских колонизаторов. На самом

деле, отмечает Н.С. Иванов, главной целью доктрины Монро всегда была изоляция латиноамериканских стран, с тем чтобы США могли беспрепятственно проникать во все сферы экономической и политической жизни этих стран. Прикрываясь доктриной Монро, Соединённые Штаты многократно вмешивались во внутренние дела стран региона. «Монроизм», как его называют в Латинской Америке, означал использование «мягкой» и «жёсткой» силы для закабаления Латинской Америки: организацию государственных переворотов, поддержку сепаратизма, вооружённые интервенции, высокомерную наглость и расизм по отношению к народам Латинской Америки, выкручивание рук под предлогом некоей «опеки»

(*tutela*), которые наносили и наносят до сих пор огромный ущерб латиноамериканцам. По сути эта политика мало чем отличалась от десятилетий британского имперского господства на континенте.

Авторы коллективного труда ввели в научный оборот много новых документов и материалов, что позволит существенно обновить трактовку целого ряда важнейших проблем латиноамериканской истории. Новая работа коллектива авторов из ИВИ РАН, РУДН и университета Абердина представляет значительный интерес для научных сотрудников, преподавателей вузов и всех читателей, интересующихся историей Латинской Америки и Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
2. Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980.
3. Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII веке. М.: Наука, 1964.
4. Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М.: Мысль, 1967.
5. Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX века. Очерки. М.: Наука, 1977.
6. Черняк Е.Б. Неоколониалистская историография. М.: Мысль, 1964.
7. Альперович М.С. Слёзкин Л.Ю. Новая история стран Латинской Америки. М.: Высшая школа, 1970.
8. Ларин Е.А. Колонии европейских стран в Карибском бассейне и Гвиане // История Латинской Америки. 70-е годы XIX в. – 1918 год. М.: Наука, 1993.
9. Скрипникова Л.В. От колоний к суверенитету. М.: Мысль, 1985.
10. Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
11. Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
12. Штокмар В.В. История Англии в средние века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.

Review of Collective Work:
United Kingdom and Latin America (16th–21st Centuries) /
Ed. E. Larin, Moscow: Nauka, 2022, 637 p., ill.

Olga Vilenovna Volosyuk – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University.
 E-mail: ovolosiuk@hse.ru

Keywords: United Kingdom, Latin America, US/English rivalry in the New World, Monroe Doctrine

REFERENCES

1. Vinogradov K.B. Ocherki angliiskoi istoriografii novogo i noveishego vremeni. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1975 (in Russian).
2. Zhukov E.M. Ocherki metodologii istorii. M.: Nauka, 1980 (in Russian).
3. Erofeev N.A. Imperiya sozdavalas' tak... Angliiskii kolonializm v XVIII veke. M.: Nauka, 1964 (in Russian).
4. Erofeev N.A. Zakat Britanskoi imperii. M.: Mysl', 1967 (in Russian).
5. Erofeev N.A. Angliiskii kolonializm v seredine XIX veka. Ocherki. M.: Nauka, 1977 (in Russian).
6. Chernyak E.B. Neokolonialistskaya istoriografiya. M.: Mysl', 1964 (in Russian).
7. Al'perovich M.S. Slyozkin L.Yu. Novaya istoriya stran Latinskoi Ameriki. M.: Vysshaya shkola, 1970 (in Russian).
8. Larin E.A. Kolonii evropeiskikh stran v Karibskom basseine i Gviane // Istoriya Latinskoi Ameriki. 70-e gody XIX v. – 1918 god. M.: Nauka, 1993 (in Russian).
9. Skripnikova L.V. Ot kolonii k suverenitetu. M.: Mysl', 1985 (in Russian).
10. Shtokmar V.V. Ocherki po istorii Anglii XVI v. L.: Izd-vo LGU, 1957 (in Russian).
11. Shtokmar V.V. Ekonomicheskaya politika angliiskogo absolyutizma v epokhu ego rastsveta. L.: Izd-vo LGU, 1962 (in Russian).
12. Shtokmar V.V. Istoriya Anglii v srednie veka. L.: Izd-vo LGU, 1973 (in Russian).

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В № 1, 2 И 4 ЗА 2023 Г.

350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ПЕРВОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Магарамов Ш.А. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в. — № 1. — С. 9–19.

Тюхменева Е.А. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. — № 1. — С. 20–30.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

Исторические науки

Бутовская М.Л., Ростовцева В.В. Облик мужчин, склонных к риску, по данным геометрической морфометрии. — № 1. — С. 48–57.

Волков Е.В., Конышева Е.В., Сапронов М.В. Городской кинотеатр советской эпохи: трансформация социального пространства (на примере Москвы, Ленинграда и Челябинска). — № 4. — С. 33–47.

Куперштох Н.А. Роль научных школ выдающихся учёных в формировании и развитии академических институтов Сибири. — № 4. — С. 9–20.

Мартынова М.Ю., Тишков В.А. Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР. — № 1. — С. 31–47.

Наумов О.Н. Российская история в зеркале геральдики. — № 2. — С. 23–34.

Терещенко Е.Ю., Фёдоров П.В., Малашенков А.А. Русская Арктика: от становищ к «колониям»: адаптация, семья, культура. — № 2. — С. 9–22.

Щепкин В.В. Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX веков. — № 1. — С. 58–70.

Яворская Л.В. Русь и Орда: возможности реконструкции экономических процессов методами археозоологии. — № 4. — С. 21–32.

Экономика

Захарова Л.В., Асмолов К.В. КНДР в правление Ким Чен Ына: основные итоги первого десятилетия (2012–2021). — № 1. — С. 71–82.

Качалов Р.М., Слепцова Ю.А. Управление уровнем риска в условиях цифровой трансформации социально-экономических экосистем. — № 4. — С. 48–58.

Слепцов А.Н., Потравная Е.В., Кривошапкина О.А. Как учесть мнение населения при промышленном освоении Арктики. — № 2. — С. 35–48.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Багирова А.П., Шубат О.М. Оценка перспектив рождаемости в России при условии государственного стимулирования прародительского труда. — № 2. — С. 61–70.

Луковская Д.И., Васильев И.А., Волкова С.В., Ильин А.В., Карамышев О.М., Куликова М.С., Малышева Н.И., Поляков А.В., Суязов В.В., Тимошина Е.В., Юдина М.И. Концепт справедливости в современной российской правовой системе. — № 1. — С. 96–105.

Малинов А.В., Ростовцев Е.А. Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования. — № 2. — С. 71–83.

Орлов М.О., Иванов А.В., Данилов С.А. Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога. — № 4. — С. 84–95.

Осипов И.Д., Рыбас А.Е. Теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии. — № 4. — С. 59–73.

Петухов Р.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. Запрос на перемены в современной России: медиамем, научная категория, социальная реальность. — № 1. — С. 83–95.

Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Социальные медиа как арена конструирования исторической памяти. — № 4. — С. 74–83.

Устьянцева О.В., Власова Е.Л. Совершенствование законодательства в области охраны и использования морских млекопитающих. — № 2. — С. 84–93.

Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Соотношение структуры идентичности и моделей патриотизма у старших школьников сибирских регионов. — № 2. — С. 49–60.

Филология. Искусствоведение

Дмитренко С.Ю. Лексика традиционной материальной культуры в языках Юго-Восточной Азии. — № 2. — С. 94–109.

Калугина О.В. Феномен реализма как объект исследования. К истории вопроса. — № 2. — С. 110–119.

Московская Д.С. Творчество нобелевских лауреатов Б.Л. Пастернака и М.А. Шолохова: опыт интеграции в западную систему референций (1930–1970-е гг.). — № 1. — С. 106–118.

Петрова Г.В. Графика Максимилиана Волошина. — № 4. — С. 110–125.

Терёхина В.Н. Записные книжки В.В. Маяковского в академическом прочтении. — № 4. — С. 96–109.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Алфимова М.В., Плакунова В.В., Кондратьев Н.В., Лебедева И.С., Голимбет В.Е. Психологические и молекулярно-генетические корреляты шизотипии в общей популяции. — № 1. — С. 131–143.

Наследов А.Д., Ткачева Л.О., Мирошников С.А. Разработка скрининговой шкалы для экспресс-диагностики риска расстройств аутистического спектра в России у детей трёх–четырёх лет. — № 2. — С. 120–134.

Прохоров А.О., Чернов А.В., Карташев М.И. Ресурсная субъектность студентов в разных образовательных моделях в период пандемии. — № 1. — С. 119–130.

Суннатова Р.И. Особенности личностного ресурса школьников: предикторы ненормативного поведения и причины учебной лени. — № 4. — С. 126–137.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ягафова Е.А., Петров И.Г. Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI века). — № 2. — С. 135–144.

МИР КНИГИ РФФИ

Беляев Л.А. — Рецензия на книгу: Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Индрик, 2022. — 956 с.: ил. — № 2. — С. 153–155.

Виноградова Т.И. — Рецензия на книгу: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н.А. Самойлова. М.: Весь мир, 2022. — 432 с.: ил. — № 1. — С. 148–151.

Волосюк О.В. Рецензия на коллективный труд: Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.) / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2022. — 637 с. — № 4. — С. 143–147.

Исаев В.И. — Рецензия на книги: Макарова Н.Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск, 2021. — 532 с.; Сталинская Магнитка. 1929–1950-е гг.: Сборник документов и материалов / Под ред. Н.Н. Макаровой, Н.В. Черновой, Е.М. Буряк. Магнитогорск, 2022. — 588 с. — № 1. — С. 156–159.

Кринко Е.Ф., Захарина Е.А. — Рецензия на книгу: Соппротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн. М.: Политическая энциклопедия, 2022. — 303 с. — № 2. — С. 140–152.

Ламин В.А., Кузнецова Я.А. — Рецензия на книгу: Байкалов Н.С. Последняя стройка социализма: исторический опыт позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. — 332 с. — № 1. — С. 152–155.

Тряхов И.С. — Рецензия на книгу: Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. — 400 с. — № 2. — С. 145–148.

Туманова А.С. Рецензия на книгу: Половцов А.А. Дневник, 1859–1882 гг. / Сост., вступ. ст., коммент. О.Ю. Голечкова, С.В. Куликов, К.А. Соловьёв. М.: Фонд «Связь Эпох», 2022. — Т. 1. — 880 с.; Т. 2. — 848 с. — № 4. — С. 138–142.

Филимонова М.А. — Рецензия на книгу: Петров А.Ю. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2022. — 280 с. — № 1. — С. 144–147.

Чернецов А.В. — Рецензия на книгу: Чижов С.И. Русская нумизматика. Библиографический опыт / Под ред. П.Г. Гайдукова, М.А. Смирновой. М.: ООО «Русское слово». Учебник, 2022. LXVI + 582 с.: ил. (История русской науки. Исследования и материалы. IV). — № 2. — С. 156–159.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В № 3 ЗА 2023 Г., ПОСВЯЩЕННОМ ГОДУ ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА

Панов В.И., Селиванова Н.Л. Предисловие от редакторов. — № 3. — С. 9–11.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО, ОБЩЕГО, СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО, ВЫСШЕГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Антопольская Т.А., Антопольский А.К., Логвинова М.И., Силаков А.С. Исследование развития субъектности подростков поколения Z в условиях дополнительного образования. — № 3. — С. 22–34.

Осмоловская И.М., Иванова Е.О., Кларин М.В. Перспективные направления дидактических исследований в России. — № 3. — С. 12–21.

Тагунова И.А. Среднее образование за рубежом в контексте современных вызовов обществу. — № 3. — С. 49–60.

Щербинина О.С., Грушецкая И.Н. Трудности решения задач социализации одаренными старшеклассниками: причины возникновения и возможности преодоления. — № 3. — С. 35–48.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕХНОЛОГИ

Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А. Методология и технология индивидуализации в инклюзивном образовании. — № 3. — С. 61–71.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР, УСЛОВИЕ И СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Лельчицкий И.Д., Сильченко А.П. Цифровой дидактический инструментарий: концептуальное обоснование, структура и алгоритм использования. — № 3. — С. 86–99.

Неборский Е.В., Богуславский М.В., Наумова Т.А. Концепция цифрового университета: структура, управление и организация педагогического процесса. — № 3. — С. 116–129.

Панов В.И., Рубашкин Д.Д., Кондратьева И.Н., Борисенко Н.А. Психодидактические, экопсихологические и кибернетические предпосылки концепции цифрового учебника и апробации его фрагментов на базе образовательной платформы «Учим учиться». — № 3. — С. 100–115.

Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Психологические проблемы подростков и интернет-среда: диагностика и способы совладания. — № 3. — С. 72–85.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПЕДАГОГА В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Борисенко Н.А. Субъектная позиция учителя в формировании читательской компетентности учащихся. — № 3. — С. 155–166.

Капцов А.В., Мишакова Г.А., Некрасова Е.В. Профиль субъектности современного педагога в рамках экопсихологической парадигмы и его взаимосвязь с типами межличностных отношений в образовательной среде. — № 3. — С. 130–140.

Кашапов М.М. Связь педагогического мышления с личностными характеристиками учителя. — № 3. — С. 141–154.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Захаров В.Н. XVIII Симпозиум Международного общества Ф.М. Достоевского (Нагоя, Япония, 24–28 августа 2023 г.). — № 3. — С. 167–171.

LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE JOURNAL BULLETIN OF THE RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCE ISSUES 1, 2, 4 OF 2023

DEDICATED TO THE 350TH ANNIVERSARY OF PETER'S THE GREAT BIRTHDAY

Magaramov Sh.A. Caucasian–Caspian Region in the Politics of the Russian Empire in the First Decade of the 18th Century. — № 1. — Pp. 9–19.

Tyukhmeneva E.A. A Path to Empire: Formation of the Art Culture at the Russian Court of Peter the Great. — № 1. — Pp. 20–30.

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

Historical Sciences

Butovskaya M.L., Rostovtseva V.V. Image of Risk-Prone Men According to Geometric Morphometrics. — № 1. — Pp. 48–57.

Kupershtokh N.A. Role of Scientific Schools of Prominent Scientists in Development of Academic Institutions in Siberia. — № 4. — Pp. 9–20.

Martynova M.Yu., Tishkov V.A. Peoples Studies and National Policy in the Soviet Era. — № 1. — Pp. 31–47.

Naumov O.N. Russian History in the Mirror of Heraldry. — № 2. — Pp. 23–34.

Shchepkin V.V. The Ainu in the History of the Japanese–Russian Relations in the 18th and 19th Centuries. — № 1. — Pp. 58–70.

Tereshchenko E.Yu., Fedorov P.V., Malashenkov A.A. The Russian Arctic: From Settlements to ‘Colonies’ (Adaptation, Family and Culture). — № 2. — Pp. 9–22.

Volkov E.V., Konyshcheva E.V., Sapronov M.B. City Cinema of the Soviet Time: Transformation of Social Space (on the Example of Moscow, Leningrad, Chelyabinsk). — № 4. — Pp. 33–47.

Yavorskaya L.V. Rus’ and the Golden Horde: Options for Reconstructing Economic Processes by Methods of Archaeozoology. — № 4. — Pp. 21–32.

Economics

Kachalov R.M., Sleptsova Yu.A. Risk Management amidst Digital Transformation of Socio-Economical Ecosystems. — № 4. — Pp. 48–58.

Sleptsov A.N., Potravnaya E.V., Krivoschapkina O.A. How to Account for Public Opinion in the Commercial Exploitation of the Arctic. — № 2. — Pp. 35–48.

Zakharova L.V., Asmolov K.V. DPRK under Kim Jong-un: Key Results of the First Decade (2012–2021). — № 1. — Pp. 71–82.

Philosophy. Sociology. Political Science. Jurisprudence

Bagirova A.P., Shubat O.M. Assessing Prospects of Birth Rate in Russia with Governmental Encouragement of Grandparenting. — № 2. — Pp. 61–70.

Lukovskaya D.I., Vasiliev I.A., Volkova S.V., Ilyin A.V., Karamyshev O.M., Kulikova M.S., Malysheva N.I., Polyakov A.V., Suyazov V.V., Timoshina E.V., Yudina M.I. The Concept of Justice in the Modern Legal System of Russia. — № 1. — Pp. 96–105.

Malinov A.V., Rostovtsev E.A. University Philosophy in Saint Petersburg: Prosopographic Study Experience. — № 2. — Pp. 71–83.

Orlov M.O., Ivanov A.V., Danilov S.A. Relations between Secular and Religious Mind-set as a Theological Problem: Social Risks, Challenges of Digitization and Establishment of a Civil Dialogue. — № 4. — Pp. 84–95.

Osipov I.D., Rybas A.E. Theoretical Heritage of Leningrad / St. Petersburg Philosophy. — № 4. — Pp. 59–73.

Petukhov R.V., Latov Yu.V., Latova N.V. Demand for Change in Modern Russia: Media Meme, Scientific Category, and Social Reality. — № 1. — Pp. 83–95.

Shashkova Ya.Yu., Aseev S.Yu. Correlation of Identity Structure and Patriotism Patterns among High School Students in Siberian Regions. — № 2. — Pp. 49–60.

Tikhonova S.V., Artamonov D.S. Social Media as an Arena for Constructing Historical Memory. — № 4. — Pp. 74–83.

Ustyantseva O.V., Vlasova E.L. Improvement of Legislation in the Field of Protection and Use of Marine Mammals. — № 2. — Pp. 84–93.

Philology. Art Criticism

Dmitrenko S.Yu. Vocabulary of Traditional Material Culture in Languages of Southeast Asia. — № 2. — Pp. 94–109.

Kalugina O.V. Phenomenon of Realism as an Object of Study. On the History of the Question. — № 2. — Pp. 110–119.

Moskovskaya D.S. Works of the Nobel Prize Winners Boris Pasternak and Mikhail Sholokhov: the Experience of Integration into the Western System of References (1930s–1970s). — № 1. — Pp. 106–118.

Petrova G.V. Graphics by Maximilian Voloshin. — № 4. — Pp. 110–125.

Teryokhina V.N. Vladimir Mayakovsky's Notebooks in Academic Interpretation. — № 4. — Pp. 96–109.

Complex Human Study. Psychology. Pedagogy

Alfimova M.V., Plakunova V.V., Kondratyev N.V., Lebedeva I.S., Golimbet V.E. Psychological and Molecular Genetic Correlates of Schizotypy in the General Population. — № 1. — Pp. 131–143.

Nasledov A.D., Tkacheva L.O., Miroshnikov S.A., Zashchirinskaya O.V. Development of a Screening Score for Rapid Diagnosis of Autism Spectrum Disorders Risk in Children Aged Three to Four. — № 2. — Pp. 120–134.

Prokhorov A.O., Chernov A.V., Kartasheva M.I. Self-System in the Mental Regulation of Mental States. — № 1. — Pp. 119–130.

Sunnatova R.I. Specific Characteristics of Schoolchildren's Personal Resource: Predictors of Abnormal Behaviour and Causes of Academic Indolence. — № 4. — Pp. 126–137.

FIELD RESEARCH

Yagafova E.A., Petrov I.G. Chuvash Religious Practices: Traditions and Their Transformation (Late 20th – Early 21st Century). — № 2. — Pp. 135–144.

THE RFBR BOOK WORLD

Belyaev L.A. — Review of the book: 'Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882–2022. Dedicated to the 140th anniversary of IOPS' / Compiled, Edited, and Prefaced by S.Yu. Zhitenyov. Moscow: Indrik, 2022. — 956 p: ill. — № 2. — Pp. 153–155.

Chernetsov A.V. — Review of the book: S.I. Chizhov 'Russian Numismatics. Bibliographic Experience' / Ed. by P.G. Gaidukov, M.A. Smirnova. Moscow: Russkoe Slovo, LLC. Textbook, 2022. — LXVI + 582 p: ill. — (History of Russian Science. Sources and Research. IV). — № 2. — Pp. 156–159.

Filimonova M.A. — Review of the book: A.Yu. Petrov 'Petrine Era and the Exploration of the North Pacific'. Ryazan: Yesenin Ryazan State University, 2022 — 280 p. — № 1. — Pp. 144–147.

Isaev V.I. — Review of the book: N.N. Makarova 'Magnitogorsk as a Socio-Cultural Project of the Soviet Power in the 1930s–1950s'. Magnitogorsk, 2021. — 532 p.; Stalin's Magnitogorsk Iron and Steel Works 1929–1950s: Collection of Documents and Materials / Edited by N.N. Makarova, N.V. Chernova, E.M. Buryak. Magnitogorsk, 2022. — 588 p. — № 1. — Pp. 156–159.

Krinko E.F., Zakharina E.A. — Review of the book: 'Resistance of Soviet Prisoners of War in Nazi Concentration Camps and Extermination Centres: History and Memory' / S. Aristov, I. Vasiliev, M. Matskevich, M. Edelshtein. Moscow: Political Encyclopedia, 2022. — 303 p. — № 2. — Pp. 140–152.

Lamin V.A., Kuznetsova Ya.A. — Review of the book: N.S. Baikarov 'The Ultimate Construction of Socialism: Historical Experience of the Late Soviet Modernization of the Baikal–Amur Mainline Railway'. Ulan-Ude: Buryat State University publishing, 2022. — 332 p. — № 1. — Pp. 152–155.

Tryakhov I.S. — Review of the book: E.M. Boltunova, G.S. Egorova 'Territory and History: Late Soviet Projects — Hero-Cities and the Golden Ring of Russia'. Moscow: Kuchkovo Pole, 2022. — 400 p. — № 2. — Pp. 145–148.

Tumanova A.S. — Review of Book: A. Polovtsov Diaries. 1859–1882: In 2 vols. Vol. 1: 1859–1877; Vol. 2: 1878–1882 / Compiler, Introduction, Comments: O. Golechkova, S. Kulikov, K. Solovyov, Moscow: Connecting Eras Foundation, 2022. — Vol. 1 — 880 p.; Vol. 2 — 848 p. — № 4. — Pp. 138–142.

Vinogradova T.I. — Review of the book: 'The Image of Peter the Great in the Eastern Asian Countries' / Edited by N.A. Samoilov. Moscow: Ves mir, 2022. — 432 p: ill. — № 1. — Pp. 148–151.

Volosyuk O.V. Review of Collective Work: United Kingdom and Latin America (16th–21st Centuries) / Ed. E. Larin, Moscow: Nauka, 2022. — 637 p., ill. — № 4. — Pp. 143–147.

LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE JOURNAL BULLETIN OF THE RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCE ISSUE 3 OF 2023 DEDICATED TO THE YEAR OF TEACHER AND MENTOR

Panov V.I., Selivanova N.L. Foreword. — № 3. — Pp. 9–11.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF PRESCHOOL, GENERAL, SECONDARY VOCATIONAL, HIGHER, AND CONTINUING EDUCATION

Antopolskaya T.A., Antopolsky A.K., Logvinova M.I., Silakov A.S. Agency Development in Generation Z Adolescents in Nonformal Learning. — № 3. — Pp. 22–34.

Osmolovskaya I.M., Ivanova E.O., Klarin M.V. Promising Areas of Didactic Research in Russia. — № 3. — Pp. 12–21.

Shcherbinina O.S., Grushetskaya I.N. Socialization Challenges in Gifted High School Students: Causes and Solutions. — № 3. — Pp. 35–48.

Tagunova I.A. Secondary Education Abroad in the Context of Contemporary Social Challenges. — № 3. — Pp. 49–60.

INCLUSIVE EDUCATION: CHALLENGES AND TECHNOLOGIES

Kuzmicheva T.V., Afonkina Yu.A. Individualization Methods and Processes in Inclusive Education. — № 3. — Pp. 61–71.

DIGITAL ENVIRONMENT AS A FACTOR, CONDITION, AND METHOD OF EDUCATION

Lelchitsky I.D., Silchenko A.P. Digital Didactic Tools: Conceptual Justification, Structure, Application Algorithm. — № 3. — Pp. 86–99.

Neborsky E.V., Boguslavsky M.V., Naumova T.A. Digital University Concept: Structure, Management, and Pedagogical Process Organization. — № 3. — Pp. 116–129.

Panov V.I., Rubashkin D.D., Kondratieva I.N., Borisenko N.A. Interdisciplinary Prerequisites for a Digital Textbook. Testing Digital Textbook Fragments at the Educational Platform Learn to Learn. — № 3. — Pp. 100–115.

Regush L.A., Alexeyeva E.V., Veretina O.R., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Internet-Related Psychological Issues in Adolescents: Diagnosis and Coping Strategies. — № 3. — Pp. 72–85.

CONTEMPORARY EDUCATION DEVELOPMENT AND A TEACHER'S PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES

Borisenko N.A. Teacher Agency and Reading Competency Development in Students. — № 3. — Pp. 155–166.

Kaptsov A.V., Mishakova G.A., Nekrasova E.V. Contemporary Teacher Agency Within the Ecopsychological Paradigm and Its Relationship with Interpersonal Interactions in the Classroom. — № 3. — Pp. 130–140.

Kashapov M.M. The Relationship Between Pedagogical Thinking and Personal Characteristics of Teachers. — № 3. — Pp. 141–154.

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Zakharov V.N. XVIII Symposium of the International Dostoevsky Society (Nagoya, Japan, 24–28 August 2023). — № 3. — Pp. 167–171.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2023, № 4 (115)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 18.12.2023. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 19,5. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 341128

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3